

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Президиума
Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки
России от 19 февраля
2010 года №6/6
журнал включён
в Перечень ведущих
научных изданий,
рекомендуемых для
публикации основных
результатов
диссертаций
на соискание учёной
степени доктора
и кандидата наук.

Журнал включён в базы
данных ВИНТИ РАН,
Ulrich's Periodicals
Directory, Index
Sopernicus International,
EBSCOhost, Proquest,
а также в Российский
индекс научного
цитирования и
представлен в открытом
доступе на платформе
Научной электронной
библиотеки
(<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская
национальная
экономическая
библиотека
включила журнал
в свой фонд.

Журнал также
направляется в
Библиотеку Конгресса
США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (HESS), Центра исследований индустриализации (СЕМІ) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)

Максимцев И.А., д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,

д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),

д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Терёбова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANISATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

3 (39) 2015

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

Editorial Council:

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kibitkin A.I., Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimtsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Polterovich V.M., RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Несистемные решения системных проблем 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 20

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Полтерович В.М.* Реформаторам науки не хватает квалификации 28
- Галимов Э.М.* Может ли быть успешным проект ФАНО–РНФ? 32

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Поварова А.И.* Пассивное поведение правительства. Бюджетные проблемы регионов нарастают 39
- Проворова А.А., Губина О.В., Смиреникова Е.В., Кармакулова А.В., Воронина Л.В.* Методический инструментарий оценки эффективности реализации государственной социально-экономической политики развития регионов России 56

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Мазилев Е.А., Гулин К.А.* Организационно-экономический механизм управления промышленным комплексом как инструмент развития экономики региона 71
- Лаврикова Ю.Г., Аверина Л.М.* Стратегические основы реализации потенциала импортозамещения на примере железнодорожного машиностроения ... 85
- Бурцева И.Г., Тихонова Т.В.* Социально-экономические и экологические проблемы горнорудной промышленности Республики Коми 100

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Гринчель Б.М., Назарова Е.А.* Типология регионов по уровню и динамике
повышения качества жизни 111
- Курушина Е.В., Дружинина И.В.* Демографические трансформации
регионального пространства России 126
- Шматова Ю.Е., Морев М.В.* Измерение уровня счастья: литературный обзор
российских и зарубежных исследований 141

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Иванов В.А., Терентьев В.В., Пономарева А.С., Иванова Е.В.* Основные
направления ускорения модернизации аграрного сектора сельской
периферии Севера (на примере Республики Коми) 163

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Кун Фаньбинь, Ли Чжимэн.* Механизм экологической компенсации
в водоохранной зоне (на примере реки Дунцзян) 179
- Пагано Р., Шиеди А.* Парадигма педагогической герменевтики в подготовке
управляющих учебными заведениями 191

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

- Третьякова О.В.* Продвижение научного журнала в международном
информационном пространстве: проблемы и решения 204
- Требования к оформлению статей 224
- Информация о подписке 229

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> Halfway to a fourth presidential term	9
Public opinion monitoring of the state of the Russian society.....	20

THEORETICAL ISSUES

<i>Polterovich V.M.</i> Reformers of science lack the necessary qualifications to cope with the task	28
<i>Galimov E.M.</i> Can the FANO–RSF project be a success?	32

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Povarova A.I.</i> Passive behavior of the government. Budget problems are aggravating in the regions.....	39
<i>Provorova A.A., Gubina O.V., Smirennikova E.V., Karmakulova A.V., Voronina L.V.</i> Methodological Tools for Assessing the Effectiveness of Implementation of the State Social and Economic Development Policy of Russia's Regions.....	56

REGIONAL ECONOMY

<i>Mazilov E.A., Gulin K.A.</i> Organizational-Economic Mechanism for Industrial Complex Management as a Tool of Regional Economic Development	71
<i>Lavrikova Yu.G., Averina L.M.</i> Strategic Framework for Implementing the Potential of Import Substitution on the Example of Railway Engineering	85
<i>Burtseva I.G., Tikhonova T.V.</i> Socio-Economic and Environmental Challenges of Mining Industry in the Komi Republic	100

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Grinchel' B.M., Nazarova E.A.</i> Typology of Regions by Level and Dynamics of the Quality of Life	111
<i>Kurushina E.V., Druzhinina I.V.</i> Demographic Transformations of the Russian Regional Space.....	126
<i>Shmatova Yu.E., Morev M.V.</i> Assessing the Level of Happiness: a Review of Russian and Foreign Research.....	141

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

<i>Ivanov V.A., Terent'ev V.V., Ponomareva A.S., Ivanova E.V.</i> Main Directions for Accelerating Modernization in the Agricultural Sector in the Rural Periphery of the North (Case Study of the Komi Republic)	163
---	-----

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Kong Fanbin, Li Zhimeng.</i> Ecological Compensation Mechanism in Water Conservation Area: A Case Study of Dongjiang River.....	179
<i>Pagano R., Schiedi A.</i> The Hermeneutic-Educational Paradigm for a Training Management in a Civic and Social Sense	191

DISCUSSION PLATFORM

<i>Tret'yakova O.V.</i> Promotion of a Scientific Journal in International Information Environment: Problems and Solutions.....	204
Requirements to manuscripts.....	224
Subscription information	229

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.1

УДК 354, ББК 65.050.1

© Ильин В.А.

Несистемные решения системных проблем

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru

Российским экспертным сообществом неоднократно поднимались вопросы, связанные с фактами неэффективности государственного управления. Складывающаяся экономическая, социальная и политическая реальность, в которой оказалась в середине 2015 г. Россия, еще более повышает актуальность решительного поворота к системному решению проблем повышения эффективности государственного управления.

В декабре 2014 года Министерство экономического развития РФ составило прогноз, по которому предполагалось, что в 2015 году валовой внутренний продукт страны снизится на 0,8% и произойдет относительно небольшое ухудшение ряда других экономических показателей¹.

¹ МЭР ухудшило прогноз для российской экономики на 2015 год. — Режим доступа: <http://www/Forbes.ru>

Но, как сообщает Росстат, фактическое снижение основных показателей за январь—май 2015 года оказалось значительно более существенным. За пять месяцев валовой внутренний продукт страны по отношению к тому же периоду предыдущего года составил 96,8%, т.е. сократился на 3,2%. Индекс промышленного производства составил 97,7%. Реальные располагаемые денежные доходы населения за пять месяцев относительно прошлогоднего уровня составили 97%, а реальная среднемесячная заработная плата одного работника — 91,2%². Словом, кризисное состояние российской экономики пока не смягчается, а по ряду параметров нежелательные тенденции нарастают.

² Социально-экономическое положение Российской Федерации — 2015 г. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/regl/>

По мнению ряда известных отечественных экспертов, быстрое влияние на преодоление кризиса могут оказать два основных фактора: 1) повышение на мировом рынке цен на нефть и 2) свертывание экономических санкций, осуществляемых США и их западноевропейскими партнерами как наказание России за присоединение Крыма и политическую поддержку самопровозглашенных в Украине Донецкой и Луганской народных республик. Оба эти фактора – внешние. Ожидать здесь быстрых перемен не приходится.

Поэтому преодоление кризисного положения страны в решающей степени зависит от использования комплекса внутренних возможностей и резервов. И тут повышение эффективности государственного управления приобретает первостепенное значение. Именно от этого, на наш взгляд, зависит структурная перестройка экономики на принципах вертикальной интеграции, организация решительной борьбы с метастазами коррупции, обеспечение хотя бы каких-либо реальных действий по сокращению дикого социального неравенства, всего того, что реально препятствует реализации президентской программы и осложняет проведение независимой, суверенной политики.

К сожалению, вся иерархия исполнительной власти, включая действующее Правительство России, продолжает осуществлять либеральный курс, который сдерживает переход страны на рельсы, обеспечивающие реальное продвижение к современной динамичной и эффективной экономике. На этот счет имеются доказа-

тельные публикации многих отечественных экспертов и ученых³.

Серьезные аргументы о существенных недостатках в организации эффективного государственного управления со стороны Правительства дают документы официальных контролирующих органов, и в частности Счетной палаты Российской Федерации⁴. В отчётном докладе, представленном в мае т.г. в Государственной Думе Председателем Палаты Т.В. Голиковой, как и в предыдущие годы, отмечается недостаточная степень достоверности, надежности, а также качества разрабатываемых Правительством бюджетов. Вновь

³ См., например: Качуков Р. Безальтернативность плановой неоиндустриализации // Экономист. – 2015. – № 4; Амосов А. Можно ли отложить до 2017 г. поворот к новому индустриальному развитию // Экономист. – 2015. – № 3; Микульский К. Экономика России и противоречие ее устройства // Общество и экономика. – 2014. – № 12; Губанов С. Экономика без движущей силы // Экономист. – 2014. – № 8; От кризисных потрясений и разрушительных реформ – к развитию: что должно сделать государство, чтобы покончить с кризисом в 2015 году? (Доклад Института проблем глобализации) // Российский экономический журнал. – 2014. – № 6 и другие.

⁴ Правовые основы образования и функционирования Счётной палаты Российской Федерации заложены в статье 101 Конституции Российской Федерации, которой установлено, что для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации образуют Счётную палату, которая представляет собой контрольный орган с особым конституционным статусом, который подотчётен российскому парламенту, а через механизмы народовластия – всем налогоплательщикам. Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» определён статус Счётной палаты как постоянно действующего высшего органа внешнего государственного аудита (контроля) и существенно расширен перечень задач, функций и полномочий Счётной палаты.

Основные показатели работы Счетной палаты РФ в 2012–2014 гг.

Показатели	2012	2013	2014	2014, %	
				к 2012	к 2013
Проведено контрольных и экспертно-аналитических мероприятий	502	470	445	88,6	94,7
Проведено контрольных мероприятий с участием правоохранительных органов и ФСБ	47	39	21	44,7	53,8
Выявлено нарушений, млрд. руб.	781,4	722,9	524,5	67,1	72,6
- бюджетного законодательства	187,2	384,2	342,8	183,1	89,2
- при управлении государственной собственностью	8,2	23,6	25,5	3,1 п.	108,0
- при размещении заказов	130,7	233,3	39,6	30,3	17,0
Возбуждено уголовных дел	78	39	24	30,8	61,5
Внесено представлений Генпрокуратуры РФ об устранении нарушений закона	369	113	152	41,2	134,5
Количество должностных лиц, привлечённых к дисциплинарной ответственности	716	575	394	55,0	68,5

Источник: Отчеты Счетной палаты Российской Федерации за 2012–2014 гг.

подчеркивается несоответствие уровня организации бюджетного процесса и его исполнения главными распорядителями. Отмечается, что заявленный переход к программному принципу планирования и исполнения бюджета страны не реализуется. Действующая система межбюджетных трансфертов не обеспечивает реальной сбалансированности и устойчивости консолидированных бюджетов регионов. В отчете Палаты приведено большое количество примеров нерационального использования бюджетных средств (см. *Основные показатели работы Счетной палаты РФ в 2012–2014 гг.*).

Палата констатировала, что свыше трети годового объема бюджетных ассигнований выделяется в IV квартале, что вызывает нарушение ритмичности бюджетного процесса. В 2014 году треть показателей (18 из 62), установленных указами Президента РФ от 7 мая 2012 года, федеральными органами исполнительной власти не выполнены. По данным анализа, проведенного Палатой, в принятых 11 из 40 госпрограмм не предусмотрен показатель производительности труда. Анализируя отчеты Счетной

палаты за последние три года, можно констатировать, что деятельность Правительства РФ не способствует решению проблем системного характера в сфере управления бюджетом, накопившихся в том числе:

- из-за отсутствия целостной системы стратегического планирования, слабой увязки стратегического и бюджетного планирования;
- недостаточной реализации мер по развитию доходного потенциала бюджетной системы РФ;
- отсутствия полноценной системы госпрограмм, позволяющей с помощью комплекса взаимосвязанных мероприятий и межотраслевого взаимодействия достигать поставленных целей и решать стратегические задачи развития;
- низкого качества управления государственной собственностью и контрактной системой, приводящего к неэффективным тратам бюджета;
- неравномерности расходов, значительного количества изменений, вносимых в ходе исполнения федерального бюджета, неисполнения годовых бюджетных ассигнований в полном объеме;

- существенного роста государственного долга, дестабилизирующего бюджеты всех уровней;
- недостаточности собственных финансовых ресурсов бюджетов субъектов РФ для реализации в полном объеме принятых ими обязательств;
- высокой зависимости бюджетов государственных внебюджетных фондов от трансфертов из федерального бюджета.

Отсутствие эффективной системы мониторинга за фактическими результатами деятельности государственного аппарата приводит к его безответственности за невыполнение поставленных задач по социально-экономическому развитию страны.

Разве соответствует требованиям рациональности и социальной справедливости то, что **Правительство не замечает многие годы наличие запредельной разницы между децильными группами населения с наиболее высокими и низкими доходами**, которая, даже по официальной статистике, стала 16-кратной (а в реальности она значительно больше)?

Как, по сути дела, **Правительство не замечает уже много лет проблемы необходимости повышения производительности труда**. По этому показателю Россия кратно отстает от США и ведущих стран Европы. Но заметных перемен в стране пока нет, более того, в последние годы это отставание увеличивается. Модернизация национального промышленного и сельскохозяйственного производства осуществляется крайне медленно. Производственные фонды большинства производств не подвергаются значительному обновлению, в результате используются устаревшие технологии. Резко отстают темпы совершенствования инфраструктуры производства и общей организации труда, которые в современных условиях определяют и рост его производительности.

17 июня т.г. в газете «Известия» опубликовано обращение к Президенту РФ В.В. Путину Ассоциации инженерных изысканий в строительстве, **в котором говорится о кризисе управления, сложившемся в целой отрасли – строительной**⁵. Авторы обращения возмущаются чрезвычайно низким уровнем профессионального руководства со стороны созданного во второй половине 2013 года Минстроя РФ. И дело не только в примерах, приведенных на этот счет в обращении, а в том, что здесь, как и в ряде других ведомств, отсутствует системность в стратегическом решении проблем. **Авторы вынуждены обращаться прямо к президенту, не веря в эффективность правительственных структур, чьи интересы тесно переплетаются.**

А как можно оценить форсированную Правительством Д.А. Медведева реформу Российской академии наук? Как спецоперацию, проведенную в июне 2013 года? Объективно она оказалась направленной на демонтаж одного из главных конкурентных преимуществ отечественной науки. **«Теперь уже стало очевидным, — пишет зам. президента РАН В.В. Иванов, — что в варианте Миннауки так называемые реформы были просчитаны всего на два шага: отнять у академии институты и передать их под руководство чиновников, лишить академическое сообщество влияния на принятие управленческих решений не только в сфере науки, но и в интересах развития страны, для чего собственно академия изначально и создавалась и чем занималась всю свою долгую историю»**⁶.

⁵ О кризисе управления в строительной отрасли // Газета «Известия». — 2015. — № 107 (29353). — 17 июня.

⁶ Иванов В. Блицкригом по науке // Независимая газета — Политика. — 2015. — № 10. — 16 июня.

Академик В.М. Полтерович отмечает: «Главный источник проблемы — недостаточная квалификация тех, кто отвечает за реформирование науки — наши чиновники не владеют элементарной техникой проведения институциональных реформ. И одна из главных ошибок, которую они делают и повторяют от реформы к реформе, — использование так называемого метода шоковой терапии... Так вот, проект закона от 28 июня 2013 года (о реформировании госакадемий) — типичная шоковая терапия. Цели этого закона не имели ничего общего с целями повышения уровня нации в России. Что мы получили, всем известно. Компромисс, который мы сейчас имеем, достигается в отчаянной борьбе, а не в процессе проектирования. Это ведет к колоссальным издержкам»⁷.

Академик Э.М. Галимов подчёркивает: «Первый этап работы в системе Федерального агентства научных организаций, ФАНО, разочаровал полностью. Напрасными оказались ожидания, что ФАНО возьмет на себя вопросы хозяйствования, как это определил президент страны, предпослав образованию ФАНО указание: пусть имущественными вопросами займутся подготовленные для этого люди, а ученые сосредоточатся на науке. Ученые по-прежнему озабочены тем, как сдать помещения в аренду, чтобы выкроить деньги на текущий ремонт, на содержание охраны, на связь, на обеспечение функционирования теплоснабжения и канализации и прочее. ФАНО явно видело свою задачу лишь в том, чтобы административными мерами навести «порядок» и произвести чистку в рядах

⁷ Полтерович В.М. Реформаторам науки недостает квалификации // Поиск. — 2015. — № 23 (1357). — 5 июня. Текст публикации воспроизводится ниже.

науки... Ведущим принципом отношений государства и науки должно быть доверие»⁸.

Среди экспертов, ученых-обществоведов, экономистов, финансистов, руководителей производств, думающих о развитии экономической и политической самостоятельности страны, сложилось твердое мнение, что до сих пор в правительственных структурах осталось немало представителей тех кругов, для которых приоритетным является дележ и проедание национального имущества. Представляется, что во многом прав известный экономист и политик Ю.Ю. Болдырев (в конце 1990-х годов он, кстати сказать, был заместителем руководителя Счетной палаты РФ), когда утверждает, что «нет в стране никакого кризиса, кроме как организованного самой нашей властью»⁹.

Исходя из динамики социально-экономического развития страны, следует прямо сказать, что команда высших управленцев в стране, действовавшая с 2009 по 2012 год, не справилась со стоявшими перед ней задачами. Но многие лица из той команды и в настоящее время находятся на высоких постах, что, безусловно, не повышает уровень эффективности государственного управления, т.к. они привыкли работать с такими результатами и ничего они не боятся.

Средства массовой информации, в том числе Интернет, переполнены информацией о неблагоприятных и неэтичных делах чиновников различного уровня, от муниципального до федерального.

⁸ Галимов Э.М. Может ли быть успешным проект ФАНО—РНФ? // Эксперт. — 2015. — № 25. — 15 июня. Текст публикации воспроизводится ниже.

⁹ Болдырев Ю. Не надо давать себя стричь // Литературная газета. — 2015. — № 22 (6511). — 3 июня.

Заметим, что «проштрафившиеся» руководители регионов (см. *перечень руководителей*) были членами правящей партии «Единая Россия» и рекомендованы на губернаторские посты этой партией. Но представленные факты свидетельствуют о том, что в партии не создан действенный механизм оценки деловых и моральных качеств людей, выдвигаемых на руководящие должности, нет своевременной чистки своих рядов, нет ответственности за кадровые просчеты.

Вместе с тем ясно и другое: усиление политических механизмов реализации

стратегического курса В.В. Путина требует более широкого общественного движения. Как нам представляется, решение этой задачи во все возрастающей степени проявляется в деятельности Общероссийского народного фронта (ОНФ). За последнее время заметна активная поддержка Президентом деятельности ОНФ, создание которого было инициировано В.В. Путиным в мае 2011 года, когда развертывалась кампания по очередным выборам депутатов Государственной Думы.

В настоящее время ОНФ шаг за шагом превращается в коалицию общественных

Перечень руководителей федерального и регионального уровней, отправленных в отставку в 2012–2015 гг.*

Ф.И.О., должность	Время пребывания в должности и дата отставки (основание)	Причины и/или последствия отставки
Сердюков А.Э., министр обороны РФ	15.02.2007 – 6.11.2012	В связи с неспособностью справляться с управлением собственностью Минобороны
Васильева Е.Н., начальник аппарата министра обороны, начальник департамента имущественных отношений Минобороны РФ	2010 – январь 2012 г.	8.05.2015 г. приговорена судом к 5 годам лишения свободы, признана виновной в мошенничестве, хищении и отмывании денег (550 млн. руб.)
Реймер А.А., директор Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН)	3.08.2009 – 26.06.2012	30.03.2015 г. задержан и арестован. Обвиняется в мошенничестве при закупке электронных браслетов для арестантов на сумму около 3 млрд. руб.
Юрченко В.А., губернатор Новосибирской обл.	22.09.2010 (утвержден) – 2.02.2012 (утвержден) – 17.03.2014 (утрата доверия)	Выявлено несколько эпизодов мошенничества и халатности в сфере продажи и изменения целевого назначения земли (ущерб – 34 млн. руб.)
Боженков С.А., губернатор Волгоградской обл.	2.02.2012 (утвержден) – 2.04.2014 (по собственному желанию)	Выявлен нецелевой расход бюджетных средств и злоупотребление должностными полномочиями. В 2013 г. – 3 крупных теракта в г. Волгограде
Денин Н.В., губернатор Брянской обл.	28.12.2004 (избран) – 18.10.2007 (утвержден) – 14.10.2012 (избран) – 9.09.2014 г. (утрата доверия)	Выявлены признаки злоупотребления должностными полномочиями при распределении бюджетных средств
Хорошавин А.В., губернатор Сахалинской обл.	9.08.2007 (утвержден) – 9.08.2011 (утвержден) – 25.03.2015 г. (утрата доверия)	4.03.2015 г. задержан при получении взятки и арестован по обвинению в получении взятки (ок. 360 млн. руб.).

* Составлено по данным, опубликованным в открытых средствах массовой информации и на web-страницах.

организаций, активно стремящихся помочь реализовать стратегии В.В. Путина, с которыми он шел на выборы Президента в марте 2012 г.

Но наличие ОНФ — это тоже не системное решение, по сути дела, это вынужденное решение Президента, хотя бы в какой-то мере компенсирующее неэффективность сложившейся системы государственного управления. И многочасовые прямые линии тоже являются элементом подобной компенсации.

По нашему мнению, уровень сложившейся работы Правительства никакие общественные организации не смогут кардинально повысить.

Требуются существенные изменения в системе государственного управления страной, требуются люди, готовые следовать системным, а значит научным принципам управления: ясное целеполагание, опробованные способы достижения общественно полезных целей с реальной ответственностью за результат.

В мае 2013 г. в редакционной статье журнала «Эксперт» был сделан следующий вывод об эффективности работы Правительства Д.А. Медведева: **«Нужна новая парадигма, нужны новые идеи, как обустроить страну, нужны новые носители этих идей... Но идейная власть находится в тех же руках. Ничего полезного от этих людей уже ждать нельзя, они препятствует движению вперед»¹⁰.**

Прошло более двух лет. Носители идей в Правительстве старые, поэтому явно неудовлетворительные результаты социально-экономического развития страны фиксирует правительственный Росстат.

По сообщению социологических центров уровень одобрения деятельности лично Президента достиг в июне 2015 г. исторического максимума 89%¹¹.

Но что произойдет, если те же люди в Правительстве с теми же старыми идеями и с такими же результатами будут продолжать отвечать за эффективность государственного управления в стране???

¹⁰ Выйти из бреда // Эксперт. — 2013. — №19. — 13-19 мая.

¹¹ Данные Левада-центр, ВЦИОМ, ФОМ.

Сравнительный анализ отчётных докладов Счётной палаты РФ за 2012–2014 гг.

Общий вывод из сравнения разделов*	2012	2013	2014
ФОРМИРОВАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА			
<p>Из года в год подходы финансово-экономического блока Правительства РФ демонстрируют несостоятельность прогнозных параметров социально-экономического развития, что влечёт постоянное внесение изменений в федеральный бюджет, нарушая ритмичность бюджетного процесса.</p>	<p>В условиях необходимости реализации программно-целевого принципа планирования и исполнения бюджета повышаются требования к качеству прогноза социально-экономического развития. Этот прогноз должен не только с большой степенью надёжности определять исходные условия для разработки проекта федерального бюджета, но и иметь целевой характер, то есть отражать результаты поставленных целей и задач в среднесрочной перспективе.</p>	<p>Сравнительный анализ динамики основных макроэкономических показателей, сложившейся за последние годы, показывает их существенное отклонение от прогнозируемых значений, что может свидетельствовать о недостаточной степени достоверности, надёжности, а также качества разрабатываемых прогнозов (прогноз по темпам роста ВВП в 2015 г. снижен до 97% против 101,2% при утверждении федерального бюджета).</p>	<p>Сравнительный анализ динамики основных макроэкономических показателей, сложившейся за последние годы, показывает их существенное отклонение от прогнозируемых значений, что может свидетельствовать о недостаточной степени достоверности, надёжности, а также качества разрабатываемых прогнозов (прогноз по темпам роста ВВП в 2015 г. снижен до 97% против 101,2% при утверждении федерального бюджета).</p>
ИСПОЛНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА			
<p>Низкое качество и отсутствие должного контроля за исполнением бюджета не позволяет бюджетополучателям в полном объёме принимать расходные обязательства на среднесрочный период, способствует усилению рассогласованности между уровнями публичной власти.</p>	<p>Мониторинг качества управления государственными финансами показал недостаточно высокий уровень организации бюджетного процесса главными администраторами средств бюджета и использования инструментов бюджетирования, ориентированного на результат. При оценке качества исполнения федерального бюджета по расходам установлено, что более 30% бюджетных ассигнований исполнено в IV квартале.</p>	<p>Мониторинг качества управления государственными финансами показал недостаточно высокий уровень организации бюджетного процесса главными администраторами средств федерального бюджета и эффективности использования инструментов бюджетирования, ориентированного на результат. При оценке качества исполнения федерального бюджета по расходам установлено, что около трети бюджетных ассигнований в 2013 г., как и в предыдущие годы, исполнены в IV квартале.</p>	<p>Мониторинг качества финансового менеджмента свидетельствует о недостаточном уровне организации бюджетного процесса и его исполнения главными распорядителями, а также о сохраняющейся тенденции недостаточного использования инструментов бюджетирования, ориентированного на результат. Поквартальный анализ равномерности исполнения расходов федерального бюджета за ряд лет показал, что наибольший объём бюджетных ассигнований приходится на конец года. Уровень исполнения расходов за IV квартал 2014 г. составил 30,5%.</p>
УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА РФ ОТ 7 мая 2012 г.			
<p>Выполнение обещаний, данных в ходе избрания Президента РФ, находится под угрозой срыва. Представляется, что Счётной палатой должны быть оценены общие потери из-за срыва или ненадлежащего исполнения президентских указов. Кроме того, ощущается потребность в организации на постоянной основе контроля за достигнутыми целевыми показателями, определёнными указами.</p>	<p>По отдельным макроэкономическим показателям (доля инвестиций в основной капитал в объёме ВВП и темпы роста производительности труда) достижение установленных в указах Президента РФ параметров на долгосрочную перспективу представляется затруднительным, существуют определённые риски по решению задач по повышению оплаты труда в полном объёме.</p>	<p>Динамика отдельных целевых показателей, характеризующих состояние экономики (доля инвестиций в основной капитал в объёме ВВП, темпы роста производительности труда), позволяет сделать вывод о рисках их недостижения в сроки, установленные в указах Президента.</p>	<p>По итогам 2014 г. из 62 целевых значений показателей, установленных указами, не выполнено 18 (29%). Прогнозируемая на период 2015–2017 гг. динамика отдельных целевых показателей, например, в части увеличения доли инвестиций в основной капитал, прироста доли продукции высокотехнологических и наукоёмких отраслей, ход реализации мероприятий по формированию здорового образа жизни, позволяет сделать вывод о рисках недостижения запланированных результатов в установленные сроки.</p>

Продолжение приложения

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РФ

Государственный долг РФ ежегодно нарастает, что создаёт дополнительные риски для экономики, особенно в условиях исчерпания средств резервных фондов. Увеличение расходов на обслуживание долга означает сокращение продуктивных направлений бюджетирования.

Снижается долговая устойчивость федерального бюджета. Объём госдолга РФ увеличится с 13,1% ВВП в 2013 г. до 13,4% ВВП в 2015 г. Увеличение госдолга требует улучшения прогнозирования показателей программ заимствований, их взаимовязки с результатами исполнения федерального бюджета.

В 2013 году продолжился рост государственного долга РФ, который увеличился на 1042,6 млрд. руб., или на 16%. Государственные гарантии предоставляются без проверки финансового состояния принципала и без наличия права регрессного требования, что создаёт риски наступления гарантийных случаев.

В 2014 г. продолжился рост госдолга РФ, который увеличился на 36,4% и по состоянию на 01.01.2015 г. составил 10299,1 млрд. руб., или 14,5% номинального объёма ВВП. Минфином не издавались методические документы по порядку формирования показателей проектов программ государственных внутренних и внешних заимствований РФ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ (ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЦЕЛЕВЫЕ) ПРОГРАММЫ

Несмотря на то, что внедрение программных методов, когда за каждой программой закрепляются цели, достижение которых измеряется показателями результативности, идёт более 10 лет, бюджет не стал программным, а по-прежнему является традиционным, ведомственным. По мнению экспертов, госпрограммы до их утверждения в правительстве должны обсуждаться на заседаниях профильных комитетов Госдумы и сопровождаться заключениями Счётной палаты.

При проверке реализации ФЦП установлено невыполнение в утверждённые сроки запланированных целей, задач и результатов. ФЦП не в полном объёме выполняют роль катализатора развития производственной и социальной инфраструктуры, стимулирования инновационной и инвестиционной активности.

Полноценная система госпрограмм, позволяющая с помощью комплекса взаимосвязанных мероприятий и межотраслевого взаимодействия достигать поставленных целей и решать намеченные стратегические задачи социально-экономического развития, пока не сформирована, и большинство сформированных программ в значительной степени являются набором расходных требований, недостаточно подкреплённых обоснованными целями, задачами, показателями.

Принцип формирования и изменения госпрограмм, исходя из объёмов выделяемых бюджетных средств, не соответствует задаче перехода к программному принципу планирования и исполнения бюджета. По существу, произошло простое реформатирование «ведомственных» бюджетов в формат госпрограмм. При таком подходе государственные программы не могут рассматриваться как полноценный и действенный инструмент планирования и исполнения федерального бюджета.

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Меры по снижению региональной поляризации остаются малоэффективными, поскольку действующая дотационная система финансирования не подчинена решению этой задачи. Инерционные подходы правительственных структур к территориальному управлению, отсутствие единой системы стратегического планирования препятствуют проведению модернизации и диверсификации региональных экономик.

В изменившихся условиях функционирования экономики субъектов РФ для решения задач по финансовому обеспечению передаваемых полномочий и реализации положений указов Президента РФ от 07.05.2012 г. требуется разработка новых направлений развития системы межбюджетных отношений и принятие Правительством РФ соответствующего нормативного акта. Сохраняются риски в обеспечении устойчивости региональных бюджетов, связанные с существенным объёмом долговых обязательств. Сохраняется высокий уровень различия в темпах экономического развития регионов, основных показателях по доходам населения, объёмах инвестиций в основной капитал, уровне безработицы. Остаются высокими межрегиональные различия по бюджетной обеспеченности.

Отмечено сохранение рисков в обеспечении устойчивости региональных и местных бюджетов, связанных с существенным объёмом долговых обязательств. Сохраняется высокий уровень различия в темпах экономического развития регионов, основных показателях по доходам населения, объёмах инвестиций в основной капитал, уровне безработицы. Остаются высокими межрегиональные различия по бюджетной обеспеченности.

Сохраняются риски в обеспечении устойчивости региональных и местных бюджетов, связанные с существенным объёмом долговых обязательств. В основе проблем консолидированных бюджетов субъектов РФ сохраняется высокий уровень дифференциации бюджетной обеспеченности, попытки выравнивать который осуществляются много лет и не приводят к заметным результатам. Действующая система межбюджетных трансфертов не обеспечивает реальной сбалансированности и устойчивости консолидированных бюджетов регионов. Неубо-словленная финансовая помощь в виде дотаций на сбалансированность имеет много недостатков, значительная часть её бессистемна, объёмы не покрывают реальный недостаток средств.

Продолжение приложения

ПРИВАТИЗАЦИЯ, УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Отсутствует законодательство, системно регулирующее управление госсобственностью. Очень низкий уровень доходности по активам государства в акционированных компаниях свидетельствует о снижении степени реализации государством своих прав как собственника.

Существующая нормативно-правовая база не позволяет в полной мере производить достоверную оценку имущества при проведении процедур банкротства, что даёт возможность оценивать гос-имущество по стоимости, существенно отличающейся от рыночной.

Выработанная Минэкономразвития РФ политика в области банкротства не в полной мере соответствует требованию по эффективному управлению госсобственностью.

Прогнозные планы (программы) приватизации федерального имущества систематически не исполняются. Не обеспечена прозрачность процедур принятия решений об условиях приватизации.

В сложившейся социально-экономической ситуации назрела необходимость пересмотра принципов и приоритетов в области управления госимуществом, усиления контроля и регулирования в государственном секторе экономики.

Поступления в федеральный бюджет от приватизации пакетов акций компаний с госучастием в 2010–2014 гг. составили лишь 21% первоначально запланированного в законах о федеральном бюджете объёма. Прогнозы поступлений в федеральный бюджет от приватизации, заложенные в правительственных программах приватизации на 2010–2014 гг., носили декларативный характер. До настоящего времени отсутствует утвержденная методика составления прогноза поступлений от приватизации.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ

Счётная палата констатировала, что задачи, которые ставились в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, пока оказались невыполненными. Нарушения, выявленные аудиторами, свидетельствуют о наличии в сегменте закупок повышенных рисков для бюджета.

Нелегитимное толкование диспозитивных норм законодательства федеральными органами исполнительной власти формирует условия, способствующие системному нарушению норм законодательства при осуществлении закупок.

До настоящего времени не сформирована эффективная система прогнозирования и экономического обоснования объёмов закупок для государственных нужд и адекватная ей система бюджетирования.

Установлены многочисленные нарушения заказчиками норм Бюджетного и Гражданского кодексов РФ, требований законодательства в сфере размещения заказов и защиты конкуренции, иных норм.

Результаты проверок подтверждают необходимость принятия системных мер, соразмерных с масштабом и условиями заключаемых особо крупных контрактов и выявленными нарушениями при их размещении.

Сроки реализации положений Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», которые должны были вступать, отодвигаются.

По данным Федерального казначейства, зафиксировано снижение экономии от госзакупок. Такая тенденция длится уже три года.

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Безответственность правительства, повлёкшая системное невыполнение жилищных программ, фактически означает срыв решения проблемы жилищного строительства.

Запланированные показатели по жилищным программам на 2009–2011 гг. не достигнуты. Показатели по ремонту многоквартирных домов выполнены на 99,1%, по переселению граждан из аварийного жилья – на 66,9%.

Жилищное строительство сдерживается также из-за отсутствия необходимого количества земельных участков, обустроенных инженерной инфраструктурой.

Из 10 целевых индикаторов и показателей, установленных на 2012 год ФЦП «Жилище», являющейся составной частью государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан РФ», необходимость разработки которой отмечалась в Указе Президента РФ от 07.05.2012 г. № 600, по 6-ти – значения не определены, по 3-м – плановые значения не достигнуты.

Деятельность ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию» по развитию первичного рынка ипотечного жилищного кредитования является неэффективной. Не выполнены Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 600, поручения Президента и Правительства в части разработки специальных программ ипотечного жилищного кредитования для отдельных категорий граждан.

ОАО «АИЖК» не реализован ни один проект, направленный на повышение доступности жилья для экономически активного населения за счёт увеличения объёмов строительства жилья экономического класса.

Окончание приложения

ПЕНСИОННЫЙ ФОНД РОССИИ (ПФР)

<p>Хронический дефицит Пенсионного фонда определяет одну из наиболее острых проблем бюджетной системы страны и создаёт постоянную угрозу её стабильности.</p>	<p>Не сформирована достаточная нормативная правовая база, необходимая для более эффективного исполнения бюджета ПФР.</p>	<p>Проверкой отчёта об исполнении бюджета ПФР установлено, что на момент её проведения не были приняты законы, направленные на обеспечение более эффективного исполнения бюджета Фонда.</p>	<p>Не решается задача обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы, поставленная в Бюджетном послании Президента от 13.06.2013 г., и не достигаются цели, сформулированные в Стратегии развития пенсионной системы.</p>
--	--	---	---

* Сравнительный анализ выполнен ИСЭРТ РАН.

Как видно из приведенного анализа докладов Счётной палаты за 2012–2014 гг., улучшения качества формирования и исполнения бюджета Правительством РФ, возглавляемом Д.А. Медведевым, не происходит ни по одному из разделов.

Владимир Александрович Ильин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Halfway to a fourth presidential term

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в апреле – июне 2015 г., а также в среднем за последние 6 опросов (с августа 2014 по июнь 2015 г.). Дается сопоставление их с данными за 2013 г., а также 2007 (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева).

Оценка деятельности власти

В апреле – июне 2015 г. продолжилась тенденция повышения поддержки деятельности Президента РФ: уровень одобрения возрос с 68 до 70%, доля негативных оценок не изменилась (16%). В целом оценки населения лучше, чем в 2013 г. (когда уровень одобрения составлял 55%), чем в 2014 г. (64%) и в начале 2015 г. (в феврале уровень одобрения составлял 66%, а доля негативных суждений – 21%).

В среднем за последние 6 опросов поддержка федеральных органов государственной власти среди жителей Вологодской области остается более высокой, чем в 2013 и 2014 гг.

Для справки: в целом по стране поддержка деятельности Президента РФ существенно не изменилась. Так по данным опросов, проведенных ВЦИОМ в апреле – мае 2015 г., уровень одобрения деятельности В. Путина составляет 88% (доля негативных оценок – 7%). По данным Левада-Центра (за этот же период) поддержка Президента РФ составляет 86%, удельный вес негативных оценок – 13%.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Президент РФ														
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	66,4	66,8	66,0	66,3	67,5	69,5	67,1	+12	+8	-8
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	19,3	18,5	19,7	20,5	16,2	16,1	18,4	-11	-7	+7
Председатель Правительства РФ*														
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	55,2	56,2	56,3	56,1	56,5	59,1	56,6	+8	-3	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	26,8	23,9	24,7	24,7	20,5	19,5	23,4	-9	-1	-
Губернатор														
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	38,8	39,7	39,3	38,3	37,1	40,5	39,0	-5	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	40,1	39,6	37,0	37,4	37,5	35,4	37,8	+5	+7	+16
* Вопрос задается с 2008 г.														

За последние два месяца увеличилась доля жителей области, считающих успешными действия Президента по защите демократии и укреплению свобод граждан (с 39 до 42%). Оценка деятельности главы государства по наведению порядка в стране и подъему экономики существенно не изменилась (50 и 36% соответственно).

Обращает на себя внимание ухудшение оценок общественного мнения относительно работы В.В. Путина по укреплению международных позиций России (доля позитивных отзывов за последние два месяца снизилась с 53 до 51%, удельный вес негативных суждений возрос с 29 до 33%).

В целом оценки населения лучше, чем в начале года, чем в 2013 и 2014 гг. В том числе это касается и суждений по поводу решения Президентом самой актуальной для жителей области проблемы – подъема экономики и роста благосостояния.

Тем не менее, в среднем за последние 6 опросов доля отрицательных оценок по-прежнему остается более высокой, чем удельный вес положительных характеристик, в отношении населения к деятельности главы государства по двум проблемам – защита демократии (42 против 40%) и рост благосостояния граждан (51 против 35%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России														
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	50,9	52,3	50,8	50,4	52,7	51,1	51,4	+6	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	30,0	31,0	30,3	29,5	28,7	32,5	30,3	-6	-3	+5
<i>Индекс успешности**</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,9</i>	<i>121,3</i>	<i>120,5</i>	<i>120,9</i>	<i>124,0</i>	<i>118,6</i>	<i>121,0</i>	<i>+12</i>	<i>+9</i>	<i>-12</i>
Наведение порядка в стране														
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	47,5	49,4	52,1	50,3	50,1	49,9	49,9	+10	+13	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,8	37,8	35,1	37,3	37,5	38,0	37,3	-10	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>109,7</i>	<i>111,6</i>	<i>117,0</i>	<i>113,0</i>	<i>112,6</i>	<i>111,9</i>	<i>112,6</i>	<i>+21</i>	<i>+26</i>	<i>-7</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан														
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	37,6	38,2	40,7	39,5	39,2	42,2	39,6	+8	+7	-5
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	43,7	44,3	41,9	40,9	39,9	38,3	41,5	-10	-7	+5
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>93,9</i>	<i>93,9</i>	<i>98,8</i>	<i>98,6</i>	<i>99,3</i>	<i>103,9</i>	<i>98,1</i>	<i>+17</i>	<i>+14</i>	<i>-9</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан														
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	35,1	33,9	37,6	34,4	34,7	36,2	35,3	+4	+5	-12
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	50,2	54,4	50,8	51,5	49,9	49,9	51,1	-6	-5	+12
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>84,9</i>	<i>79,5</i>	<i>86,8</i>	<i>82,9</i>	<i>84,8</i>	<i>86,3</i>	<i>84,2</i>	<i>+10</i>	<i>+10</i>	<i>-24</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.
** Для расчёта индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой.

В структуре партийно-политических предпочтений населения за период с апреля по июнь 2015 г. отмечается незначительное увеличение поддержки «Единой России» (с 38 до 40%), что в целом соответствует росту одобрения деятельности федеральных органов власти. Позиции остальных партий за последние два месяца существенно не изменились: доля жителей области, которые считают, что их интересы выражает КПРФ, составляет 7%, ЛДПР – 5%, «Справедливая Россия» – 3%.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Среднее за послед- ние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
														2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	34,3	35,5	36,7	38,8	38,2	40,3	37,3	+8	+6	+7
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	9,1	9,3	8,3	7,7	7,8	6,8	8,2	-3	-2	+1
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,9	7,3	7,8	6,7	6,1	5,4	6,7	-1	-1	-1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,7	3,9	3,2	4,1	3,7	3,3	3,7	-1	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,1	0,7	0,1	0,3	0,1	0,2	0,3	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	35,0	32,6	32,7	30,3	31,5	32,5	32,4	-2	+3	+15
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	10,9	10,7	11,1	12,0	12,5	11,6	11,5	+1	-2	-10

Отмечается восстановительный рост оценок социального самочувствия после резкого падения в начале года. В феврале 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. доля позитивных оценок социального настроения снизилась с 71 до 62%. В последующие месяцы (с февраля по июнь 2015 г.) наблюдается рост удельного веса положительных характеристик (с 62 до 70%).

В апреле–июне 2015 г. доля жителей области, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась с 68 до 70%; удельный вес «испытывающих напряжение, раздражение, страх, тоску» снизился с 27 до 24%.

Запас терпения сохраняется на прежнем уровне: 79% жителей области считают, что «всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть», 15% отмечают, что не могут терпеть свое «бедственное положение». Для сравнения: в декабре 2014 г. доля положительных оценок составляла 80%, в феврале 2015 г. – 74%.

Впервые за последние 6 опросов улучшились оценки материального положения. В апреле – июне 2015 г. доля тех, кто субъективно относит себя к категории людей «среднего достатка», увеличилась с 37 до 39%, удельный вес «бедных и нищих» снизился с 52 до 48%.

Индекс потребительских настроений, характеризующий прогнозы людей относительно перспектив развития экономики и личного благосостояния, возрос с 73 до 80 пунктов, что примерно соответствует уровню декабря 2014 г. (82%).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Настроение														
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	69,5	68,3	0	+5	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,1	24,6	24,1	31,3	26,6	24,4	26,0	0	-3	-2
Запас терпения														
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	82,5	80,3	80,0	74,3	78,9	79,0	79,2	0	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	12,8	12,1	13,6	17,3	14,9	14,7	14,2	0	-1	+1
Социальная самоидентификация*														
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	44,1	43,5	42,3	38,3	36,7	39,4	40,7	-3	-2	-7
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	49,6	49,3	51,0	53,3	51,6	48,0	50,5	+4	+6	+8
Индекс потребительских настроений														
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	87,1	84,0	82,3	75,7	73,4	80,1	80,4	-10	-9	-25
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»														

В апреле – июне 2015 г. доля негативных оценок текущего материального положения на территории Вологодской области снизилась с 38 до 32%, отрицательных прогнозов на ближайший год – с 31 до 24%. Это позволяет рассчитывать на положительные изменения и в среднем по стране.

Как отмечают ученые Института социологии РАН, «явно не сбываются многочисленные прогнозы², согласно которым к весне 2015 г. страна подойдет в состоянии экономической разрухи и социальной депрессии... Как всегда бывает в кризисные времена, общество фиксирует нарастание напряженности даже в том случае, если никаких серьезных социальных катаклизмов в стране не происходит»³.

Общественное мнение о текущем состоянии и перспективах развития материального положения (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Как Вы оцениваете свое материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад?				Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже или примерно такое же, как сейчас?			
	Октябрь 2014		Апрель 2015		Октябрь 2014		Апрель 2015	
	Вологодская область	Российская Федерация	Вологодская область	Российская Федерация	Вологодская область	Российская Федерация	Вологодская область	Российская Федерация
Лучше	9	22	6	10	6	31	5	25
Такое же	48	56	41	44	38	46	34	38
Хуже	28	22	38	46	23	23	31	37
Затрудняюсь ответить	15	—	16	—	33	—	30	—

Источники: данные по Вологодской области – мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН; данные по Российской Федерации – информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования «Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?» (ИС РАН, 2015).

В апреле – июне 2015 г. в 8 из 14 социально-демографических групп отмечается рост доли людей, характеризующих свое настроение как «прекрасное, нормальное, ровное». Особенно среди мужчин (с 67 до 73%), людей в возрасте до 30 лет (с 74 до 79%), лиц со средним специальным образованием (с 68 до 74%), 20% наиболее обеспеченных (с 78 до 83%).

² Некоторые примеры пессимистических прогнозов на весну 2015 г.:

1. Директор Института проблем глобализации д.э.н. М. Делягин: «Рост социальной напряженности уже весной приведет к крупным акциям протеста, но они будут разрозненными; осенью же начнут сливаться в единый фронт» // Официальный сайт Московского экономического форума [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://me-forum.ru/media/news/3693/>

2. «В 2015 г. экономический спад усилится на фоне ускоряющейся инфляции: к середине года она может разогнаться почти до 20%, невиданных с начала 2000-х гг. Прогнозы сулят снижение реальных доходов населения впервые с 1990-х гг. на 5–10%, что обрушит товарооборот розницы и сектор услуг... По оценке Barclays, пик роста цен – 16–17% – придется на март–апрель, по итогам года она составит 12,5%. Однако, учитывая беспрецедентную девальвацию и волатильность курса, темп инфляции может оказаться выше, не исключают аналитики Barclays» (Кризис-2015: к чему и как готовятся экономисты и производители в России? // Ведомости. – 2015. – 26 янв. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.vedomosti.ru/library/articles/2015/01/26/glavnoe-ne-kurs-a-stabilnost/>

3. Директор агентства рыночных исследований и консалтинга «Маркет» А. Давидович: «Особенно остро мы почувствуем кризис к весне 2015 года» // Деловая газета «Взгляд» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.vz.ru/economy/2015/1/3/722716.html>

4. Независимый экономист, инвестиционный консультант В. Жуковский (из интервью 1 декабря 2014 г.): «Пик нынешнего кризиса наступит примерно через полгода. Думаю, к весне 2015 года будут окончательно проедены потребительские кредиты, которые набрали россияне в банках, и встанет рынок ипотеки» // Свободная пресса [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://svpressa.ru/economy/article/105772/>

³ Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования «Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?» / ИС РАН. – 2015. – С. 2, 4.

В 5 группах существенных изменений не произошло. К ним относятся женщины (67%), люди в возрасте 30 – 55 лет (68%), 20% наименее обеспеченных (57%), жители Череповца (65%) и районов (65%).

Незначительное снижение доли людей, положительно характеризующих свое настроение, отмечается только среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (с 73 до 71%).

Во всех социально-демографических категориях жителей области оценки социального настроения лучше, чем в начале 2015 г. Однако уровень декабря 2014 г. достигнут пока только в 7 из 14 категорий населения.

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2013 г. отмечаются некоторые негативные изменения среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием (доля положительных оценок снизилась с 77 до 72%), а также среди жителей Череповца (с 75 до 71%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2013	2014	авг. 2014	окт. 2014	дек. 2014	фев. 2015	апр. 2015	июнь 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2013	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	69,9	68,9	69,5	68,8	69,7	61,7	67,4	72,7	68,3	-2	+4	+2
Женский	61,7	62,0	65,8	67,5	69,8	71,4	69,8	72,0	61,9	67,8	66,8	68,3	+1	+6	+7
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	75,5	75,1	79,1	76,6	76,4	71,3	73,5	79,4	76,1	+1	+6	+5
30–55 лет	64,8	62,5	67,9	69,2	69,5	70,3	68,3	69,8	58,3	67,9	67,6	67,0	-2	+5	+2
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	62,4	65,4	64,9	66,1	69,1	60,7	63,7	65,9	65,1	+3	+7	+10
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	60,6	62,5	63,3	65,4	67,8	54,8	62,1	64,0	62,9	+2	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	68,1	70,4	71,3	70,2	71,8	65,2	68,2	73,6	70,1	+2	+6	+5
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	77,4	76,2	77,7	73,3	73,5	65,8	73,1	70,6	72,3	-5	+4	+4
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	46,2	50,8	54,1	50,2	55,1	38,3	55,6	57,1	51,7	+6	+6	0
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	71,9	72,3	71,5	73,5	75,0	65,2	69,2	71,3	71,0	-1	+6	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,3	84,8	89,6	79,0	81,6	80,3	78,1	82,5	81,9	-1	+7	+7
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	75,0	76,4	80,7	75,5	75,6	66,4	72,5	75,6	74,4	-1	+7	+11
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,3	76,3	76,5	72,8	73,2	63,1	69,8	71,2	71,1	-4	0	+3
Районы	61,6	57,1	59,8	61,6	61,8	61,5	64,0	67,1	58,6	63,7	65,1	63,3	+2	+6	+2
Область	63,6	63,1	67,3	68,6	69,4	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	69,5	68,3	0	+5	+5

Заключение.

Результаты опроса, проведенного в июне 2015 г., свидетельствуют о том, что после напряженного периода, который имел место в конце 2014 – начале 2015 г. и был связан с обострением проблем материального характера (с ростом цен, колебаниями курса национальной валюты, пессимистическими ожиданиями воздействия санкций), общественное мнение в Вологодской области постепенно улучшается. За последние два месяца улучшились оценки деятельности федеральных и региональных органов государственного управления, укрепились позиции «Единой России» (что также свидетельствует о поддержке населением действующей власти), более позитивными стали самооценки материального положения.

Положительные изменения в оценках населения отражаются на текущем настроении людей и их ожиданиях относительно будущей жизни (об этом свидетельствует динамика индекса потребительских настроений, которая улучшилась впервые за последний год).

Оценки жителей Вологодской области по самым разным аспектам их жизни демонстрируют тенденцию восстановительного роста. Возможно, это свидетельствует о том, что у людей появилась надежда на успешное преодоление напряженной экономической ситуации внутри страны и для себя лично. Однако с уверенностью говорить об этом пока преждевременно. Улучшение общественного мнения может быть связано как с началом летнего (для многих – дачного) сезона, так и с изменившейся по сравнению с концом 2014 – началом 2015 г. информационной политикой федеральных и региональных органов власти.

28 апреля на II Медиафоруме независимых региональных и местных средств массовой информации «Правда и справедливость» В.В. Путин так охарактеризовал сложившуюся на сегодняшний день в стране ситуацию: «Я бы даже кризисом это не назвал. Явления есть определенные, сложности определенные... Но в целом уже понятно, что никакого коллапса нет и не будет. И это самое главное»⁴.

Оптимизм Президента через средства массовой информации передается населению и, безусловно, влияет на динамику общественного мнения. Однако как в действительности будет развиваться социально-экономическая ситуация в стране, пока неизвестно.

⁴ Стенограмма Медиафорума независимых региональных и местных СМИ // Российская газета. – 2015. – 28 апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/04/28/mediaforum-site.html>

Реформаторам науки не хватает квалификации*

**Виктор Меерович
ПОЛТЕРОВИЧ**

академик РАН

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова

Центральный экономико-математический институт РАН

— Я много лет занимаюсь реформами разного типа, в разных странах как объектом исследования и поэтому не могу согласиться с абзацем в проекте резолюции конференции, который начинается словами: «Главный источник проблемы — господство узкоутилитарного подхода к сфере науки...»

Я полагаю, что никаким, даже узкоутилитарным подходом, нельзя объяснить то, что происходит в сфере науки. Ответ на вопрос «где здесь источник?» совсем в другом. Поэтому я предлагаю изменить этот абзац на следующий: **«Главный источник проблемы — недостаточная квалификация тех, кто отвечает за реформирование науки (здесь и далее выделено нами. — Ред.)**. Конференция требует отставки министра образования и науки Д.В. Ливанова. Конференция обращается к Президенту и Правительству РФ с просьбой инициировать

разработку проекта дальнейших преобразований научной сферы, опирающегося на профессиональный анализ эволюции систем управления наукой как в других странах, так и в России, и предусматривающего проведение и тщательную оценку необходимых институциональных экспериментов с последующей корректировкой планов реформ».

Объясню. Вообще, реформирование крупных институциональных систем — очень сложная и тонкая задача, и нет однозначных рецептов, как ее решать так, чтобы результаты были эффективными. Бесспорно, одним из основных источников нашего знания о том, как проводить реформы, является опыт других стран. В частности, более передовых. Только речь не должна идти о сравнении того, что есть у нас, и того, что есть в США. Чаще всего эти сравнения бесплодны. Если вы хотите

* Опубликовано в газете «Поиск» от 5 июня 2015 г. № 23 (1357), представляет собой выступление (с небольшими сокращениями) на третьей сессии постоянно действующей Конференции научных работников. В.М. Полтерович работает в Центральном экономико-математическом институте РАН и Московской школе экономики.

извлечь уроки из опыта развитых стран, оглянитесь на пятьдесят-сто лет назад. Вот там могут быть найдены ответы на многие ключевые вопросы. И, конечно, нельзя ограничиваться опытом только развитых стран – нужно брать и страны, которые близки к нам по уровню развития.

На мой взгляд, дело в том, что **наши чиновники не владеют элементарной техникой проведения институциональных реформ. И одна из главных ошибок, которую они делают и повторяют от реформы к реформе, – использование так называемого метода шоковой терапии.**

Шоковая терапия – это непосредственный переход от одной институциональной системы к другой, не предполагающий промежуточных институтов. Почему такие стадии нужны? Потому что подобные реформы предусматривают заимствования или трансплантации институциональных систем из других, более развитых, стран. Но при этом при непосредственном переносе институциональной системы из развитой страны в менее развитую возникают всевозможные ограничения: ресурсные, технологические, культурные, институциональные, политические... Все это надо учитывать. А для того, чтобы учитывать, необходимо выстроить целую последовательность институциональных изменений. Только тогда мы можем надеяться на успех.

Если же мы этого не делаем, то чаще всего реформаторские усилия оказываются бесплодными. Тогда мы получаем совсем иные результаты, отличные от задуманных реформаторами, и несем колоссальные издержки.

Хочу напомнить, что именно методом шоковой терапии проводились в 1990-е годы такие реформы, как либерализация

цен и внешней торговли, приватизация, монетизация льгот, а впоследствии и пенсионная реформа. Введение ЕГЭ страдает похожими недостатками. Так вот, подсчитано, что в 1990-х годах в России потери валового внутреннего продукта были больше, чем в 1937–1945 годах...

На самом деле, те ошибки, о которых я упоминаю, повторяются от страны к стране, от периода к периоду... Но российский опыт 1990-х годов послужил развитию соответствующей теории, и сейчас уже стало понятно, что действовать такого рода методами нельзя. **Метод шоковой терапии порочен, но именно он и послужил основой для проведения реформы науки в России.**

Приведу пример грамотно проведенной реформы. Вы помните, что либерализация цен в России была проведена за одну ночь 2 января 1992 года. Большинство цен в России были либерализованы. В Китае этот процесс занял 15 лет. Они начали в 1978 году с шести крупных предприятий в Сычуани. Китайцы оставили плановую систему неизменной, но сказали этим предприятиям: вы имеете право продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам. В течение 15 лет происходило увеличение количества вовлеченных в этот эксперимент предприятий, с одной стороны. С другой – продолжалось тщательное регулирование плановых показателей таким образом, что доля продукции, производимой внутри плана, постепенно сокращалась...

В 1979 году было уже 100 предприятий. К 1993 году плановая система сократилась до 5%, процесс либерализации цен был завершен. Возникла рыночная инфраструктура, был накоплен опыт. Китай избежал инфляции, кризиса неплатежей, засилья бартера. Рост составил более 10% в год.

На самом деле, **реформа требует проектирования**. Есть типичные шаги для расчета проекта: формулировка целей; анализ эволюции институтов в развитых странах; анализ аналогичных реформ в развивающихся странах; разбиение реформы на этапы и представление ее в виде последовательности промежуточных институтов; сопоставление интегральных выгод от реформы с интегральными издержками; обоснование перспективности планируемой институциональной траектории; выбор эффективной технологии осуществления реформы, включая создание необходимых вспомогательных институтов и экспериментирование; методика анализа результатов осуществленных институциональных изменений.

Без этих расчетов никто даже рассматривать проект не может!

Теперь давайте посмотрим с высоты птичьего полета на реформу РАН. Первый этап (2008–2013 годы). Какие аргументы тогда существовали для проведения реформы? Цитирую «Коммерсантъ» 2006 года: «...Академия названа «квазиведомством» и «обособленной от проблем общества политизированной распределительной корпорацией, которая заботится не об исследованиях, а о комфортном существовании».

Примерно с 2008 года началось переключение денежных средств от РАН в национальные исследовательские университеты. Была сделана ставка на создание системы управления наукой, подобной существующей в США. И этому не было никаких обоснований...

Присутствовал и еще один аргумент. Снова цитирую. «Коммерсантъ-Власть» (2007 год): «...Министр образования Андрей Фурсенко посетовал на... косную систему в своем ведомстве, упорно пытающуюся готовить человека-творца. Ныне же,

по мнению министра, главное — взрастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими».

Я должен сказать, здесь, кроме всего прочего, неверно понимается задача заимствования, потому что для того, чтобы грамотно заимствовать, нужно знать передовые рубежи. А для того, чтобы их знать, необходимо самостоятельно проводить соответствующие исследования. То есть в 2013–2014 годах было фактически заявлено, что фундаментальная наука не нужна.

Так вот, **проект закона от 28 июня 2013 года (о реформировании госакадемий) — типичная шоковая терапия. Цели этого закона не имели ничего общего с целями повышения уровня науки в России. Что мы получили, всем известно. Компромисс, который мы сейчас имеем, достигается в отчаянной борьбе, а не в процессе проектирования. Это ведет к колоссальным издержкам.**

Совсем недавно был совершен радикальный переворот в направлении реформирования. Теперь уже не США, а Германия является образцом! При этом очень интересно высказывание того же А. Фурсенко: «**Интеграция российской науки в мировое научное пространство, вопреки ожиданиям, не сделала ее более эффективной**» (А. Фурсенко, письмо В. Путину 11 июня 2014 года). Это **признание того, что все те реформы, которые проводились, не дали эффекта**. И теперь возник план структуризации научных организаций... Этот документ написан экономистами, но недостаточно грамотными и скрывающими свои имена!

В чем состоит этот план, если сказать совсем грубо? Просто скопировать германскую систему без всякого рассмотрения того, насколько она подходит, насколько

соответствует другим документам и т.д. Просто предлагается создать четыре общества при структуризации научных организаций России: общества Планка, «имени Гельмгольца», «имени Фраунгофера» и «имени Лейбница». Снова без каких бы то ни было сопоставлений и обоснований.

Абсолютно безграмотно. Нет ни слова о необходимости экспериментального подтверждения планов структуризации.

Закрываю тем, с чего и начал: **главный источник проблемы – недостаточная квалификация тех, кто отвечает за реформирование науки.**

Виктор Меерович Полтерович – академик РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН.

Polterovich V.M.

Reformers of science lack the necessary qualifications to cope with the task

Viktor Meerovich Polterovich – RAS Academician, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences.

Может ли быть успешным проект ФАНО–РНФ?*

Эрик Михайлович
ГАЛИМОВ
академик
Российская академия наук

ФАНО и РНФ должны служить науке, а не управлять ею. Их назначение – создать новую основу организации отечественной науки. Но пока эта пара похожа скорее на щипцы для дробления и перемалывания (здесь и далее выделено нами. – Ред.).

Российская наука серьезно ослаблена. Уже давно она лишена тех возможностей, которые имеет наука в передовых странах: новейших приборов и материалов для экспериментов, современной инфраструктуры, наконец, зарплаты – не только ученых, но и высококвалифицированных техников, инженеров, обслуживающих уникальное научное оборудование, без которых ученые не могут воплотить свои замыслы. Эти люди ушли из науки. Что касается самих ученых, то здесь дело обстояло не совсем так, как иногда рисуют. Да, когда открылись границы, многие уехали за рубеж, главным образом перспективная молодежь. Ученых, которым было больше сорока лет, за границей особенно никто не ждал. Через

десяток с лишним лет им пришлось бы платить пенсию. Но именно зрелые ученые являются носителями знаний, методов, научного опыта. Поэтому российская наука с точки зрения квалификации потеряла мало. В течение более двадцати лет, лишенная нормальной поддержки, она продолжала производить на удивление качественную научную продукцию. По крайней мере, в области естественных наук: математики, теоретической физики, науках о земле и жизни, химии. Сегодня людям, на которых все еще держится академическая наука, 60–80 лет. Хотя надо иметь в виду, что ученые не обязательно должны быть шустры физически, а, как говорил поэт, «быстры разумом». А мозги тренируются долгими годами размышлений.

Вместо помощи – чистка

С моей позиции директора Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского (ГЕОХИ) в деталях были видны процессы, разворачивавшиеся в

* Статья опубликована в журнале «Эксперт» от 15 июня 2015 года № 25. Академик Э.М. Галимов в недавнем прошлом был директором ГЕОХИ им. В.И. Вернадского.

сфере науки в стране. Институт занимается проблемами глобальной геохимии и прогнозированием минерального сырья, космическими исследованиями, исследованиями в океане (у него есть океанографическое судно), биогеохимией и экологией, проблемой захоронения радиоактивных отходов, развитием аналитической химии. Это типичный крупный институт Российской академии наук, один из передовых. Поэтому, как говорится, то, что хорошо или плохо для этого института, то хорошо или плохо для науки.

Первый этап работы в системе Федерального агентства научных организаций, ФАНО, разочаровал полностью. Напрасными оказались ожидания, что ФАНО возьмет на себя вопросы хозяйствования, как это определил президент страны, предпослав образованию ФАНО указание: пусть имущественными вопросами займутся подготовленные для этого люди, а ученые сосредоточатся на науке. Ученые по-прежнему озабочены тем, как сдать помещения в аренду, чтобы выкроить деньги на текущий ремонт, на содержание охраны, на связь, на обеспечение функционирования теплоснабжения и канализации и прочее. ФАНО явно видело свою задачу лишь в том, чтобы административными мерами навести «порядок» и произвести чистку в рядах науки.

Нужна ли была эта сторона деятельности ФАНО? Вероятно, да. Как доложило руководство ФАНО на заседании Совета по научно-технической политике при президенте РФ, проверки выявили десятки околонучных мелких организаций, через которые осваивались бюджетные деньги. Выявленные ФАНО паразитические структуры образовались потому, что научному сообществу навязывалось бюрократическое построение науки. Множились бумаженные отчеты, а деньги уходили в песок.

Казалось бы, правительство в борьбе за качество и эффективность науки могло бы опереться на Российскую академию наук. А оно, если оставить дежурные слова, противопоставило ей ФАНО. И агентство принялось за «чистку» в институтах – флагманах науки, ориентируясь на формальные показатели (возраст, число публикаций и т.п.). Создавались комиссии, придирчиво выявлявшие нарушения, имевшие подчас смехотворный характер, а крупные жизненно важные проблемы оставались без внимания или не решались.

Примером такой проблемы было и все еще остается состояние научного флота Российской академии наук. Огромный, оснащенный по последнему слову техники научный флот в советское время содержался государством централизованно. Академические институты осуществляли лишь экспедиции и оперативное управление судами, которые были к ним приписаны. С началом перестройки суда были оставлены в руках у институтов фактически без всякой поддержки. На содержание и ремонт флота выделялось из бюджета в среднем немногим более 100 млн. рублей в год, в то время как нормальная эксплуатация флота такого размера и качества требовала по меньшей мере 2 млрд. рублей в год. Научный флот является ценнейшим инструментом изучения планетарных геологических процессов, в частности процессов в океане, влияющих на экологию, климат, биопродуктивность, вызывающих катастрофические явления. Поэтому ученые стремились во чтобы то ни стало удерживать научный флот на плаву. Без помощи и поддержки люди сохраняли народное имущество, исключительно на старом советском равнодушии к общественному добру. Организовывали международные экспедиции с условием, что за все будут платить иностранные партнеры. Сдавали

суда во фрахт. Даже возили грузы и туристов. В надежде, что настанет время, когда научный флот удастся в полной мере использовать по назначению. Казалось бы, время настало. Все имущество, институты и флот перешли к ФАНО. Однако, как и в других случаях, агентство заняло позицию надзорной организации, не несущей никакой ответственности за существо дела.

Именно с проблемой ремонта и содержания принадлежащего институту научно-исследовательского судна был связан мой личный конфликт с руководством ФАНО. Сегодня, когда этот конфликт нашел разрешение, нет смысла углубляться в детали. Важно лишь отметить, что один из результатов имевших место обсуждений состоял в том, что ФАНО должно серьезно и ответственно взяться за реальные действия по спасению флота, в частности, принадлежащего ГЕОХИ научно-исследовательского судна. Это действительно сейчас происходит. Это сдвиг в нужном направлении, который показал, что **если ФАНО будет рассматривать в качестве своей главной цели не контроль и анкетирование, а**

помощь научным институтам в организации их деятельности, уважение к труду ученых, чего явно не хватает персоналу агентства, то эта новая форма организации науки в нашей стране может сыграть положительную роль.

Найти общую платформу

Для успеха реформы науки предельно важно найти правильную платформу взаимодействия между ФАНО и РАН. Имеются декларации о совместных действиях, экспертных функциях РАН, согласовании кадровых решений. Но практически **институты полностью отрезаны от какого-либо влияния со стороны РАН. Если кому-то кажется, что это путь к оздоровлению науки, то это большая ошибка. В сегодняшних обстоятельствах лучшим решением было бы сделать институты учреждениями двойного подчинения.** Тем более что принцип «двух ключей» с самого начала был положен в основу реформы, как объявлялось ее инициаторами. В этом случае директора институтов, как отвечающие за имущественную составляющую, назначались бы ФАНО, а их научные руководители были бы номенклатурой

Организации, выполняющие исследования и разработки

График 1

РАН и входили бы в штат РАН. Они должны выбираться в коллективах институтов, затем в отделениях РАН (по той же процедуре, как раньше директора), утверждаться Президиумом РАН и быть ему подотчетны. То же относится к статусу советников академии. Это позволило бы имущественную и кадровую политику осуществлять через ФАНО, а научно-методическое руководство отнести к компетенции РАН.

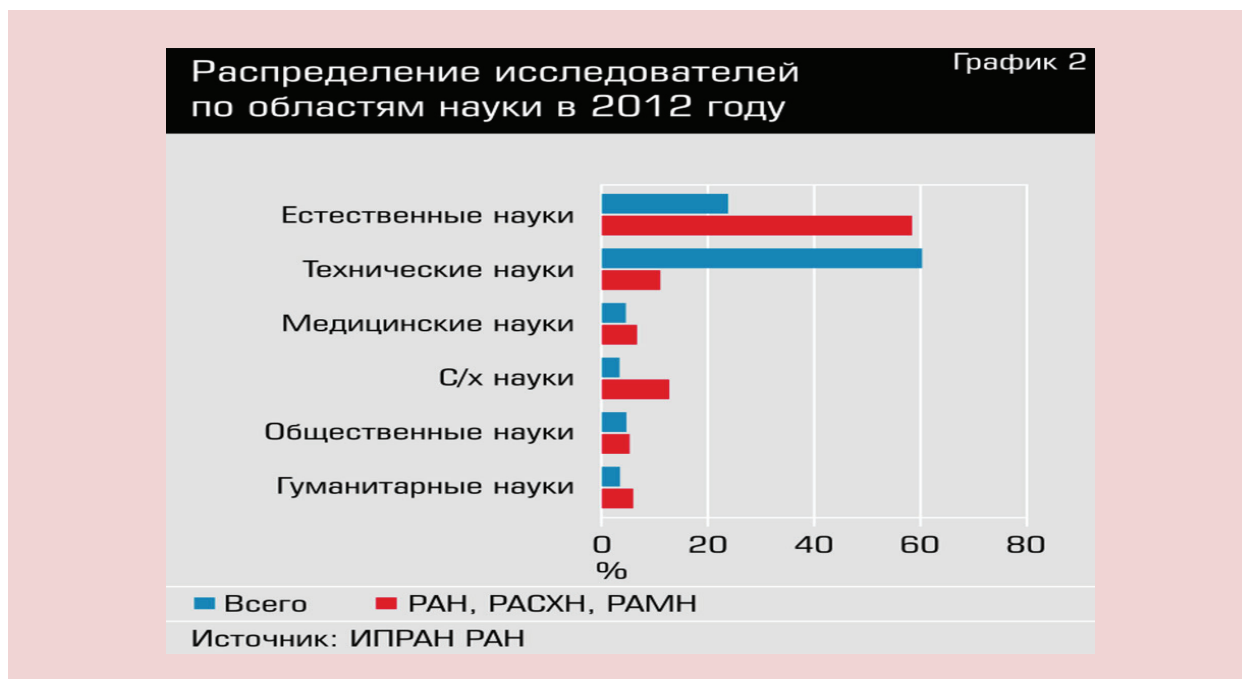
О финансировании науки

У российской науки появился еще один источник средств – Российский научный фонд (РНФ), основная задача которого распределять гранты. Казалось бы, благо. Система научных грантов широко используется во всем мире. Цель ее – поддержать инициативные работы, чтобы максимально сократить время между появлением перспективной идеи и включением ее в базовое финансирование.

Но у нас РНФ, фактически в связке с ФАНО, имеет еще одно предназначение: распределение финансирования среди тех, кто останется после проведенной ФАНО «чистки».

Однако талант ученого и талант писать заявки – часто разные вещи. Экспертные комиссии, даже если они составлены из объективных и компетентных ученых, не могут вынести правильное суждение, потому что в заявках они имеют дело с фрагментами целостной научной работы, вырванными из ткани науки конкретных научных коллективов. Только научные коллективы знают, кто есть кто, кто генерирует идеи, кто прекрасный экспериментатор, кому цены нет, хотя публиковаться не спешит и защищать диссертацию ленится. **Только базовое финансирование – средства, переданные институтам под контроль их коллективов и ученых советов, – может быть использовано максимально эффективно.**

Нужны ли гранты? Полезна ли эта форма поддержки науки? Да, но только как дополнение к базовому финансированию. Потому что если придать ей всеобъемлющее значение, то в специализированных институтах, таких как институты Академии наук, эта форма финансирования может стать просто разрушительной. Так же, как и в случае с ФАНО, перекос в применении

и непродуманные формы и методы самой процедуры распределения грантов со стороны РНФ приводят к перерождению хороших намерений в плохую практику.

Сказанное относится и к проблеме технического оснащения, которое имеет огромное значение в современной науке. Это и дорогие приборы для тончайших анализов, и масса вспомогательной аппаратуры и материалов. Казалось бы, наиболее экономично и эффективно не раздавать приборы всем подряд, а создать центры коллективного пользования. Центры коллективного пользования полезны. Но они могут иметь лишь вспомогательное значение. Для получения рутинных данных. Так же как пункты проката автомобилей. Они тоже полезны. Но личный автомобиль обеспечивает более универсальные возможности. Это скажет вам каждый автомобилист. А неавтомобилисту кажется, что иметь пункты проката вполне достаточно. Уникальные приборы должны быть в распоряжении специализированных научных лабораторий, которые не только используют их, но и создают на их основе новые методы. Но, конечно, использование уникальных приборов, установленных в специальных лабораториях, должно осуществляться в рамках научного сотрудничества. Как это делается во всем мире.

Наука и общество

Науку нельзя рассматривать вне состояния общества. Есть некоторые базовые вещи, не внося коррективы в которые не удастся должным образом реформировать науку.

Сначала деньги, а потом стулья. На вопрос, почему менеджеры госкорпораций иногда получают зарплату, исчисляемую чуть ли не десятками миллионов рублей в месяц, президент РФ Владимир Путин ответил, что именно столько получают их иностранные коллеги. Не можем же

мы платить меньше нашим, занимающим аналогичную должность. Это убедительно. Но этот аргумент следует распространить и на другие случаи. Зарплата профессора академического института – меньше 50 тысяч рублей в месяц, а зарплата профессора аналогичного уровня и квалификации, например, в Канаде – 300–400 тысяч рублей в месяц в переводе на наши деньги.

Но главное для любого ученого даже не зарплата, а возможности, которые он имеет для проведения своих исследований. А они определяются средствами, выделяемыми на оборудование, на эксперименты, на экспедиции. Каждому понятно, что нельзя **иметь конкурентоспособную науку в стране, где финансирование науки в расчете на одного ученого в пять-семь раз меньше, чем в странах с передовой научно-технологической культурой.** Конечно, это понимает и правительство. Его идея реформирования состоит в том, чтобы не тратить деньги «впустую» на финансирование всего научного сообщества как оно сложилось, а точно поддержать наиболее продуктивно работающие подразделения и, как следствие, увеличить зарплату эффективно работающим ученым, а общее число ученых сократить. Это и есть проект ФАНО–РНФ. Иначе говоря, это принцип «сначала стулья, а потом деньги». А в науке действует другой принцип: «сначала деньги, а потом стулья». И ничего с этим поделать нельзя. Нужно искать нелинейный компромисс. Институты, которые сумеют сократить численность на 20%, должны получить увеличение финансирования в два раза. В следующие пять лет институты, которые сократят численность еще на 20%, должны получить увеличение финансирования еще в два раза. Затем нужно продолжать увеличение финансирования институтов, добившихся выдающихся результатов. Так лет через десять можно выйти на нормальный уровень состояния науки.

Чего ждать от бизнеса. В прикладную науку деньги должны поступать от бизнеса. А государство должно создать условия, чтобы для бизнеса это было выгодно. Но пока наука может дать бизнесу увеличение прибыли на 10–15%, в то время как договоренность с чиновником — на 50%, бизнес вряд ли проявит интерес к науке.

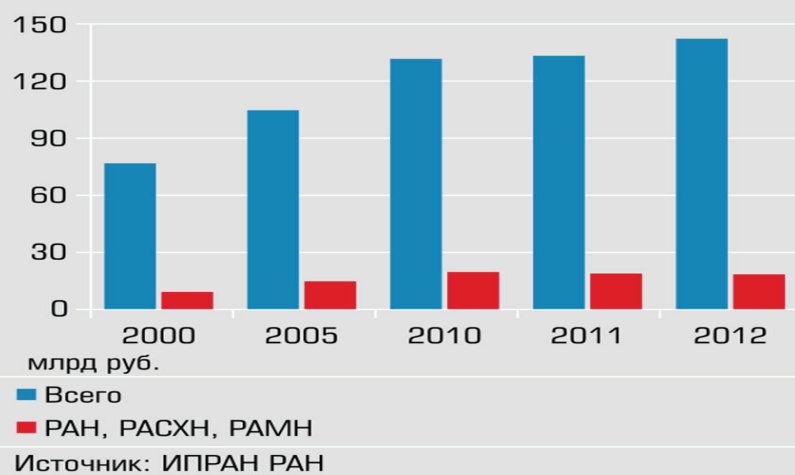
Ведь вкладывать средства в науку — значит рисковать деньгами. Но чем шире и мощнее базис науки, тем вернее выявляется практическая польза от нее. А этот базис создает фундаментальная наука. Фундаментальная наука, подчас круто меняющая направление производства, скорее даже находится в противоречии с текущими потребностями бизнеса. **И государству фундаментальная наука нужна не для того, чтобы решить его текущие проблемы, а для того, чтобы обеспечить фундамент развития, обеспечить будущее.**

Доверие и наука. Ведущим принципом отношений государства и науки должно быть доверие. Недоверие вызывает необходимость все держать под контролем. Выстраиваются бюрократические барьеры с благой целью предотвратить злоупотребления. В результате честные люди теряют массу времени и усилий на отвлекающие их от дела доказательства своей честности: справки, отчеты, обоснования и т.п. Между тем жулики, хорошо ориентирующиеся в бюрократическом мире, легко проникают через все барьеры. Тотальный контроль требует содержания огромного бюрократического и правоохранительного аппарата. Это только на первый взгляд кажется, что разумнее предотвратить преступление, чем потом искать виновного. В большинстве случаев выгоднее доверять людям, а при обнаружении нарушения найти и наказать виновного. Ибо контролировать приходится всех, а искать придется немногих.

В частности, нужно доверить институтам возможность определять направление расходования средств, которые им выделяются государством. До последнего времени все было расписано по статьям. Бюджетные организации живут нищей, но безответственной жизнью. Случись пожар — мы не виноваты. Мы ведь просили денег на противопожарные средства, а нам не дали. При самостоятельном распоряжении бюджетом коллективу самому придется думать, как оптимально вести дело, за счет чего увеличить заработную плату. Чтобы купить дорогое оборудование, возможно, придется уменьшить численность персонала. Но это будет собственное решение, а не спущенное сверху, что вызывает недоверие и сопротивление. **Реформы потому и не идут, что они бюрократически навязываются сверху, а не являются результатом обоснованного выбора самого научного коллектива.** Нужно отменить закон о тендерах, представляющий собой яркое проявление принципа недоверия. Очень важно, чтобы была возможность перемещать на следующий финансовый год неизрасходованные средства. Тогда можно на дорогостоящий прибор, который невозможно приобрести за один финансовый год, накопить средства за несколько лет. До сих пор средства к концу года списывались потому, что это удобно из бюрократических соображений. А поскольку финансирование часто поступает в последние месяцы года, то, чтобы деньги не пропали, их тратили на совершенно ненужные или второстепенные цели.

В России, в народе, всегда было уважительное отношение к учености, к образованности. Принадлежность к уважаемой части общества привлекала в науку одаренных людей. Сейчас этот стимул практически исчез. Восстановить его в нашем обществе — задача не менее важная, чем финансирование.

Внутренние затраты на исследования и разработки в постоянных ценах 2000 года График 3

Я надеюсь, что в ФАНО зреет понимание этих проблем.

В научном сообществе живет подозрение, что проект ФАНО–РНФ нацелен только на захват имущества и искоренение сложившихся форм отечественной науки, прежде всего академической. Я верю, что проект ФАНО–РНФ имеет благие, но нереализуемые цели. У властей, очевидно, сложилось неправильное впечатление об органической беспомощности российской науки и необходимости ее перестройки по западным стандартам. Многие методы и идеи, работающие на Западе, будучи перенесены на российскую

почву, не оправдывают себя. Не потому, что эти идеи плохи, а потому что в России традиционно сложились другие социальные приоритеты. Чиновники призывают ученых проявить инициативу в реформировании, но они глухи к предложениям, которые не укладываются в их представления, а те, что укладываются, часто непродуктивны. **Если упорно стоять на своем, ожидая краха концепции оппонента, это может закончиться крахом общим. Опыт столкновений и дискуссий показывает, что при конструктивном подходе и готовности к взаимопониманию реформирование может стать успешным.**

Эрик Михайлович Галимов – академик, Российская академия наук.

Galimov E.M.

Can the FANO–RSF project be a success?

Erik Mikhailovich Galimov – Academician, Russian Academy of Sciences.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.4
УДК 330.341(470), ББК 65.9(2Рос)-962

© Поварова А.И.

Пассивное поведение правительства Бюджетные проблемы регионов нарастают

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, air150663@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на проведение ряда реформ, сложившаяся в России многоуровневая бюджетная система не в полной мере отвечает стратегии развития страны и её регионов. *До сих пор Правительство РФ не приняло никаких действенных мер по устранению основного структурного противоречия бюджетной системы, имеющего в своей основе неадекватное распределение доходных и расходных полномочий, что проявилось в резком сжатии доходной базы территориальных бюджетов в период мирового финансового кризиса 2009 г. Однако кризисные последствия не были проанализированы, соответствующие выводы не сделаны.* Министерство финансов РФ решало проблему разбалансировки территориальных бюджетов не пересмотром действующих механизмов распределения доходов на региональный уровень, а масштабной выдачей кредитов, возврат которых планировался после 2012 г. Вопреки этому в результате резкого роста социальной нагрузки¹ произошло разрастание дефицита и закредитованности, вызвавшее бюджетный кризис целого ряда регионов. Эксперты Высшей школы экономики констатировали, что по итогам 2014 года двадцать субъектов РФ, имеющих уровень государственного долга более 80%, фактически находятся в дефолте². Вместо поиска путей выхода из бюджетного кризиса регионов российские власти постепенно в целом утрачивают контроль над процессами регионального развития. Механизмы федеральных целевых программ работают слабо, а финансовое обеспечение программных мероприятий всё в большей степени перекладывается на субъекты РФ³. По сути, управление территориальным

¹ После принятия В.В. Путиным указов от 7 мая 2012 г. произошло перераспределение социальной нагрузки между уровнями бюджетной системы: доля регионов в финансировании социальной сферы увеличилась с 46% в 2012 г. до 51% в 2014 г.

² Высшая школа экономики: 20 российских регионов фактически в дефолте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/news/4015638>

³ За 2008–2014 гг. объём субсидий территориальным бюджетам на софинансирование федеральных целевых программ сократился в шесть раз – со 123,9 млрд. руб. до 20,3 млрд. руб.

развитием сводится к перекачке финансовых ресурсов из федерального бюджета в регионы, а Министерство финансов РФ, регулирующее межбюджетные отношения, фактически превратилось в единственный реальный институт региональной политики. Но и межбюджетная политика Минфина не даёт видимой экономической отдачи: с 2006 по 2014 год объём безвозмездной финансовой помощи в бюджеты регионов увеличился с 0,6 до 1,5 трлн. руб., а количество самодостаточных территорий уменьшилось с 20 до 11. Обострение внутренних социально-экономических проблем сопровождается сложной международной обстановкой, негативными последствиями внешних санкций, предпринятых против России, и падением цен на нефть. Уже в 2014 г. потери от санкций составили 40 млрд. долл., от снижения нефтяных цен – 100 млрд. долларов⁴, однако федеральный бюджет на 2015 г. был сформирован без учёта этих факторов, что продемонстрировало неспособность Правительства РФ реально оценивать ситуацию и прогнозировать её даже в краткосрочной перспективе. В результате вынужденной существенной корректировки федерального бюджета, проведённой в апреле 2015 г., его **дефицит был увеличен в семь раз – с 0,4 до 2,7 трлн. руб.** Безусловно, такая разбалансировка главного бюджета страны серьёзно осложнит исполнение территориальных бюджетов. В новом варианте федерального бюджета трансферты субъектам РФ урезаны на 72 млрд. руб., или на 10,5%. При этом антикризисный план Правительства РФ, нацеленный на общий секвестр всех бюджетных расходов, предусматривает не оказание безвозмездной финансовой поддержки регионам, а выделение бюджетных кредитов в объёме 160 млрд. руб., которые вернутся в федеральную казну. Этих средств хватит на погашение всего 15% накопленной коммерческой задолженности региональных бюджетов. **Столь недалёковидная бюджетная политика центральных властей лишает регионы всякой надежды на решение проблемы растущего государственного долга.** Кризисные процессы, в значительной степени затронувшие регионы с металлургической специализацией, выявили ограниченность контрциклического потенциала бюджетной политики. Отсутствие системы управления бюджетными рисками повлекло глубокое падение конъюнктурных налоговых доходов, являющихся важнейшим доходным источником бюджетов этих регионов. Ещё одним негативным следствием стала потеря статуса регионов-доноров Вологодской, Липецкой, Челябинской, Кемеровской областями. В статье представлены результаты продолжающегося в ИСЭРТ РАН исследования проблем бюджетной обеспеченности Вологодской, Липецкой и Челябинской областей, на территории которых расположены базовые активы ведущих отечественных корпораций чёрной металлургии. Дана оценка состояния региональных бюджетов, долговой политики, взаимодействия с федеральным бюджетом по итогам 2014 г. Основной акцент сделан на анализе взаимоотношений металлургических корпораций с бюджетами территорий. Несмотря на то, что регионы-металлурги характеризуются существенными, объединяющими их структурными особенностями, в территориальном разрезе полученные оценки неоднозначны. Вместе с тем итоги исследования позволили сделать обобщающий вывод о том, что в этих регионах **сохраняется наблюдаемое с 2009 года нарастание проблем с поступлением налоговых платежей от ключевой бюджетобразующей отрасли**, влекущее за собой целый ряд других негативных факторов функционирования региональных бюджетных систем. **При этом в результате крайне неэффективной экономической политики, проводимой центральным правительством в отношении крупнейших налогоплательщиков, региональные власти полностью утратили возможность регулирования их экономической деятельности.**

Ключевые слова: металлургические корпорации, бюджеты регионов; налог на прибыль, государственный долг, эффективность государственного управления.

⁴ Финансовая сфера: о некоторых событиях и итогах 2014 года / М. Ершов, А. Танасова, В. Татузов, О. Лупандина // Российский экономический журнал. – 2015. – № 1. – С. 100-109.

В 2014 г. исполнение бюджетов регионов-металлургов происходило в условиях обострения социально-экономических проблем регионального развития. Прирост валового регионального продукта (ВРП) оказался минимальным за последние пятнадцать лет (не считая 2009 г.). При этом самые низкие среднегодовые темпы роста экономики, составившие 0,3%, продемонстрировала Вологодская область (табл. 1).

Одним из основных факторов торможения экономического роста стало снижение инвестиционной активности. Мощный спад инвестиций в основной капитал, составивший 54% по отношению к докризисному уровню, фиксировался в Вологодской области в связи с завершением крупных инвестиционных проектов и сокращением инвестиционных программ энергетических компаний. Отрицательный тренд имела динамика темпов роста инвестиций и в других регионах, однако снижение было не столь серьёзным, как в Вологодской области (табл. 2).

Ключевой причиной, обусловившей спад инвестиционной деятельности в регионах-металлургах, явилось резкое ухудшение финансовых результатов деятельно-

сти хозяйствующих субъектов, вызванное снижением спроса на промышленную продукцию, недостаточным объёмом оборотных средств, необходимыми для осуществления взаиморасчётов и платежей (табл. 3).

В 2014 г., даже без поправок на инфляцию, сальдированная прибыль организаций Липецкой и Челябинской областей составляла 35–60% от уровня 2008 г. Результаты финансовой деятельности экономики Вологодской области характеризовались значительным убытком, составившим 34 млрд. руб., что сопоставимо с 60% доходов территориального бюджета.

Столь серьёзное снижение доходности экономики регионов-металлургов происходило на фоне существенного роста прибыли в целом по субъектам РФ. Безусловно, решающее влияние на формирование финансового результата по рассматриваемым регионам оказали предприятия металлургического комплекса. Убытки, полученные металлургами Липецкой и Челябинской областей в 2013 г. и Вологодской области в 2014 г., не смогла компенсировать ни одна другая отрасль, что лишней раз отражает негативы монофункциональности.

Таблица 1. Индекс физического объёма ВРП в субъектах РФ в 2007–2014 гг., % к предыдущему году

Субъект	2000–2011	2011	2012	2013	2014	2012–2014
Липецкая область	105,0	104,8	101,8	103,4	101,0	102,1
Челябинская область	104,9	105,3	102,4	101,5	102,2	102,0
Вологодская область	103,1	106,9	104,8	95,5	100,5	100,3
Российская Федерация	105,3	104,3	103,4	101,3	100,6	101,8

Источники: данные Росстата; расчёты автора.

Таблица 2. Индекс физического объёма инвестиций в основной капитал в субъектах РФ в 2008–2014 гг., % к предыдущему году

Субъект	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
Липецкая область	118,4	91,9	116,5	102,8	78,0	103,5	105,0	93,3
Челябинская область	113,8	75,9	99,2	107,6	100,1	103,2	101,8	85,2
Вологодская область	85,9	71,1	116,1	149,4	120,7	38,7	80,5	46,4
Российская Федерация	109,5	86,5	106,3	110,8	106,8	100,8	97,3	106,7

Источники: данные Росстата; расчёты автора.

Таблица 3. Сальдированный финансовый результат деятельности организаций (прибыль +, убыток -) в субъектах РФ в 2008–2014 гг., млрд. руб.

Субъект	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
Липецкая область	116,9	32,4	45,6	44,1	36,5	3,7	40,6	34,7
- металлургия	103,9	24,9	38,4	39,5	28,1	-10,9	30,2	29,1
Челябинская область	53,8	43,7	67,3	28,6	53,2	-34,4	32,0	59,4
- металлургия	26,5	31,3	42,5	6,1	20,4	-58,0	н.д.	н.д.
Вологодская область	90,8	10,6	-21,6	28,6	55,2	15,4	-33,6	х
- металлургия	55,8	5,2	-33,3	0,03	17,3	12,4	-35,5	х
Российская Федерация	3801	4432	6331	7140	7825	6854	5906	155,4
- металлургия	313	207	351	289	284	148	238	76,0

Источники: данные Росстата; расчёты автора.

Таблица 4. Данные, характеризующие динамику потребительского спроса в субъектах РФ в 2008–2014 гг., % к предыдущему году

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
Вологодская область								
Реальные доходы населения	100,5	103,3	108,2	100,8	110,6	105,6	101,8	134,0
Реальная зарплата	108,4	92,9	105,6	99,8	106,9	104,4	98,2	107,3
Оборот розничной торговли	108,5	89,4	116,3	107,6	119,7	101,7	102,0	138,9
Индекс потребительских цен	114,3	107,2	109,2	105,7	106,0	107,2	112,0	157,5
Липецкая область								
Реальные доходы населения	108,8	105,4	103,0	97,8	112,0	103,8	106,4	131,3
Реальная зарплата	105,0	91,7	104,7	102,7	109,1	102,3	95,0	104,5
Оборот розничной торговли	117,3	100,0	106,9	109,2	107,5	107,0	104,7	140,6
Индекс потребительских цен	116,0	108,7	108,1	104,7	106,6	106,3	111,9	156,0
Челябинская область								
Реальные доходы населения	116,1	97,0	103,1	99,1	101,8	104,6	97,2	102,6
Реальная зарплата	108,8	91,7	107,9	104,1	106,7	107,9	100,0	118,6
Оборот розничной торговли	122,4	93,0	100,8	101,7	105,6	104,1	99,5	104,3
Индекс потребительских цен	112,8	108,6	109,6	108,3	106,3	105,4	109,9	58,7
Российская Федерация								
Реальные доходы населения	103,8	101,8	105,4	101,2	105,8	104,8	99,0	119,2
Реальная зарплата	111,5	96,5	105,2	102,8	108,4	105,3	101,3	120,7
Оборот розничной торговли	113,5	94,9	106,5	107,1	106,3	103,9	102,5	122,5
Индекс потребительских цен	113,3	108,8	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	58,8

Источники: данные Росстата; расчёты автора.

Отличительной особенностью последних лет стало снижение покупательской активности, выступавшей ранее одним из драйверов экономического роста.

В 2014 г. под воздействием ускорения инфляционных процессов и контрсанкций, введённых российскими властями, темпы роста реальной заработной платы

в Вологодской и Липецкой областях, реальных денежных доходов населения в Челябинской области приобрели отрицательный тренд (табл. 4).

Ухудшение социально-экономической ситуации продуцировало усиление дестабилизационных процессов в региональных бюджетных системах.

По итогам 2014 г. регионы-металлурги, как и большинство российских регионов, не смогли выйти на докризисный объём доходов своих бюджетов в реальном выражении, что свидетельствует о рисках, связанных с наполняемостью территориальных бюджетов. Вместе с тем если в целом по стране до полного восстановления доходов не хватило 6% источников, то в Липецкой и Челябинской областях – 10%, а в Вологодской области – 26% (табл. 5).

Медленное восстановление доходных источников, даже в условиях существенного расширения поддержки регионов-

металлургов⁵ из федерального центра, привело к нарастанию долговых проблем. В то же время различные аспекты долговой политики региональных властей весьма неоднородны.

Во-первых, долговая нагрузка Вологодской области два года подряд превышает 80% и близка к критической (100% в объёме собственных доходов бюджета).

В Липецкой и Челябинской областях уровень долговой нагрузки также заметно возрос, но он существенно ниже, чем в Вологодской области: соответственно 51 и 26% от объёма собственных доходов территориального бюджета (табл. 6).

Таблица 5. Динамика доходов бюджетов субъектов РФ в 2008–2014 гг., млрд. руб.*

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
Вологодская область	76,0	54,3	59,1	60,3	61,8	56,8	56,4	74,2
Липецкая область	60,2	49,0	48,5	50,0	50,0	49,1	54,2	90,0
Челябинская область	159,3	122,0	141,8	143,3	145,6	139,2	142,5	89,5
Российская Федерация	9300,8	8104,3	8367,4	9111,5	9120,7	8695,4	8746,6	94,0

* В ценах 2014 г.
Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Таблица 6. Государственный и муниципальный долг субъектов РФ в 2008–2014 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Вологодская область							
Получено кредитов, млрд. руб.	0,2	6,4	8,5	8,9	6,7	13,3	33,2
Долг, млрд. руб.	1,7	11,0	19,0	26,9	30,9	34,9	38,0
Долговая нагрузка, %*	3,8	39,4	52,8	67,0	70,7	81,1	82,0
Липецкая область							
Получено кредитов, млрд. руб.	0	0,55	2,9	4,1	3,4	4,8	4,4
Долг, млрд. руб.	4,0	6,5	7,8	10,4	13,9	17,7	22,4
Долговая нагрузка, %*	12,0	25,1	25,7	30,4	38,7	46,7	51,4
Челябинская область							
Получено кредитов, млрд. руб.	0,7	4,5	1,5	1,2	5,5	14,3	11,9
Долг, млрд. руб.	0,3	4,7	11,9	13,6	20,4	28,7	30,5
Долговая нагрузка, %*	0,3	8,0	13,9	14,2	19,3	26,2	26,0
Российская Федерация							
Получено кредитов, млрд. руб.	230,5	474,9	576,2	548,3	709,9	1038,3	1994,7
Долг, млрд. руб.	599,6	1024,5	1265,5	1387,3	1596,7	2026,3	2402,3
Долговая нагрузка, %*	12,2	24,0	25,4	23,8	25,0	30,8	33,6

* Долговая нагрузка рассчитана как отношение объёма долга к объёму собственных доходов бюджета субъекта РФ.
Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.

⁵ За 2009–2014 гг. объём федеральных трансфертов, перечисленных в бюджеты анализируемых регионов, вырос в два раза по сравнению с 2008 г.

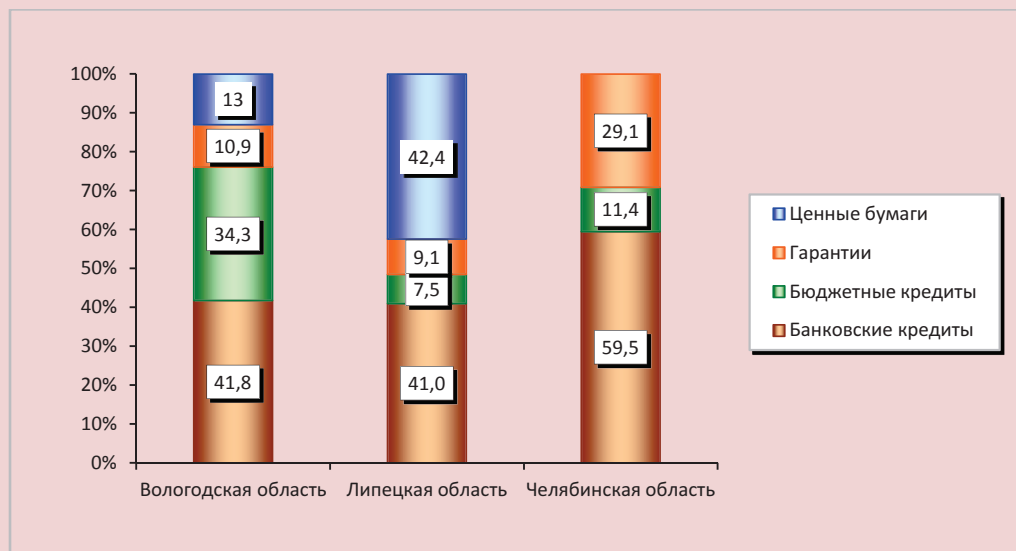
Во-вторых, долговая политика в Липецкой и Челябинской областях была ориентирована на сдерживающее привлечение кредитных ресурсов. Если в 2014 г. власти этих регионов сворачивали заимствования, то в Вологодской области, наоборот, закредитованность выросла в 2,5 раза за счёт получения в конце года бюджетных кредитов на замещение банковских.

Раздавая регионам кредиты из федерального бюджета, Правительство РФ пытается ослабить их долговые проблемы. Однако, чтобы получить такие кредиты, региональные власти должны выполнить ряд жёстких условий по снижению дефицита и рыночных займов. Соблюсти эти условия будет сложно, поскольку основной причиной долгового кризиса являют-

ся растущие социальные расходы в рамках реализации указов Президента РФ на фоне замедления темпов роста экономики и бюджетных доходов. Да и сама помощь в виде долгового финансирования приведёт лишь к дальнейшему отягощению региональных бюджетов⁶. Понимая это, Минфин РФ требует отказаться от повышения заработной платы. *«Самое главное, надо принимать решение по расходным обязательствам регионов, с тем чтобы они не наращивали расходы по заработным платам»*, – заявил министр финансов А.Г. Силуанов⁷. Безусловно, такая позиция финансового ведомства прямо противоречит выполнению стратегических задач, поставленных главой государства.

В-третьих, имелись различия в структуре долговых обязательств (рисунок).

Структура государственного и муниципального долга субъектов РФ в 2014 г., %

Источники: данные Минфина РФ; расчёты автора.

⁶ О неэффективности подобной политики можно говорить на примере Вологодской области. Несмотря на масштабное получение федеральных кредитов в 2014 г., составивших 17,3 млрд. руб., государственный долг области продолжает расти. На 01.06.2015 г. он составил 35,2 млрд. руб. против 34,9 млрд. руб. на 01.01.2015 г. При этом динамика коммерческих кредитов не изменилась – в структуре долга они составляют 14 млрд. руб., или 40%.

⁷ Сокращение зарплат поможет выполнить майские указы Президента // Независимая газета. – 2015. – 12 марта.

Во всех рассматриваемых регионах основная часть займов представлена коммерческими кредитами, однако если соотнести их с собственными доходами территориальных бюджетов, за счёт которых кредиты будут возвращаться, то получится, что после 2014 г. **Вологодская область должна направить на эти цели 34% собственных средств, Липецкая область – 21%, а Челябинская область – 15%**. Следовательно, наиболее обременительной рыночная составляющая долга будет для бюджета Вологодской области. Кроме того, структурными преимуществами долговых обязательств Челябинской области следует признать высокий удельный вес условного (гарантийного) долга, а Липецкой области – сопоставимую с банковскими кредитами долю ценных бумаг, отличающихся длительными сроками возврата и возможностью установления пониженных ставок по сравнению с банковскими.

В-четвёртых, наблюдалась высокая степень дифференциации регионов по объёму бюджетных средств, использованных на возврат и обслуживание кредитов.

В соответствии с бюджетным законодательством погашение привлечённых кредитных ресурсов производится за счёт собственных доходных источников субфедеральных бюджетов, поэтому стабилизация бюджета во многом определяется уровнем расходов на эти цели (табл. 7).

Приведённые данные показывают, что самая драматичная ситуация сложилась в

Вологодской области, где **более 60% полученных в 2014 г. собственных доходов использовалось не на развитие, а на возврат займов и процентные платежи**. В Липецкой области на эти цели отвлекалось 13% средств, а в Челябинской области расходы на погашение кредитов были необременительными для бюджета.

Устойчивый рост расходов на обслуживание государственного долга создаёт угрозу для безусловного исполнения жизненно важных обязательств перед населением, вынуждая региональные власти направлять первоочередное финансирование на погашение задолженности.

Мы не располагаем информацией о том, на какие именно цели региональные власти привлекали займы. Однако общее представление можно получить, сравнив объёмы государственного долга и инвестиционных расходов бюджета по доле в ВРП (табл. 8).

Судя по данным таблицы, с 2012 г. в данных регионах происходило снижение капитальных вложений и увеличение госдолга в ВРП, соответственно, большая часть привлечённых кредитов направлялась на финансирование текущих расходов, обслуживание и возврат заимствований.

Использование кредитных ресурсов на финансовое обеспечение текущих затрат будет постоянно вызывать необходимость перекредитования и, в конце концов, может привести к переносу долгового бремени на длительную перспективу.

Таблица 7. Расходы бюджетов субъектов РФ на возврат и обслуживание кредитов в 2011–2014 гг.

Субъект	2011		2012		2013		2014	
	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*
Вологодская область	5,2	13,0	8,1	18,5	10,6	24,7	28,7	62,0
Липецкая область	1,4	4,0	3,0	8,3	3,9	10,4	5,8	13,3
Челябинская область	1,5	1,6	3,8	3,6	6,7	6,1	6,2	5,3
Российская Федерация	436,7	7,5	617,2	9,7	803,7	12,2	1729,6	24,2

* К собственным доходам бюджета.
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 8. Государственный долг и инвестиционные расходы бюджетов субъектов РФ в 2011–2014 гг., % к ВРП

Показатели	2011	2012	2013	2014	2014 к 2011 п.п.
Вологодская область					
Государственный долг	8,3	8,7	10,2	10,5	+2,2
Инвестиционные расходы	2,0	1,5	1,5	1,2	-0,8
Липецкая область					
Государственный долг	3,6	4,7	5,6	6,6	+3,0
Инвестиционные расходы	1,6	1,2	1,6	1,3	-0,3
Челябинская область					
Государственный долг	1,8	2,4	3,3	3,1	+1,3
Инвестиционные расходы	2,0	1,8	1,5	1,0	-1,0
Российская Федерация					
Государственный долг	3,1	3,2	3,8	4,0	+0,9
Инвестиционные расходы	2,6	2,2	2,0	1,7	-0,9
Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.					

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что отсутствие чётких механизмов финансирования расходов между уровнями бюджетной системы в конечном счёте заставило регионы *привлекать дорогие рыночные кредиты для реализации не только инвестиционных, но и социальных программ, спровоцировав затяжной долговой кризис*, выход из которого российские власти пока не могут найти.

Говоря о бюджетных проблемах регионов, нельзя не упомянуть и о том, что федеральный центр, во многом создавший эти проблемы, сокращал финансовую поддержку регионов. *Объём безвозмездных перечислений из федерального бюджета регионам-металлургам*, наиболее пострадавшим от кризисных последствий и до сих пор не восстановившим бюджетные потери, *был на 23–37% ниже*, чем в среднем по всем субъектам РФ (табл. 9).

Важно отметить, что на фоне недостаточного выделения регионам трансфертов всё большая их часть оставалась неизрасходованной по причине несвоевременного перечисления центральным правительством и возвращалась в федеральный бюджет. Как видно из таблицы, *эта тенденция*

усилилась в 2013–2014 гг., что лишнее указывает на неэффективность межбюджетного взаимодействия.

Рассмотренные проблемы и обусловившие их факторы, несмотря на определённую специфику, характерны для подавляющего большинства субъектов РФ. В регионах же с металлургической специализацией эти проблемы осложняются ещё и внутренними условиями, связанными с деятельностью крупнейших транснациональных корпораций. Казалось бы, присутствие таких холдингов, являющихся стратегическими налогоплательщиками, должно создавать заметные бюджетные эффекты. Однако результаты исследований ИСЭРТ РАН⁸ свидетельствуют о том, что преимущества крупного производства не сопровождаются ускорением социально-экономического развития территорий. Напротив, корпорации в лице их базовых предприятий (металлургических

⁸ Ильин В.А., Поварова А.И., Сычёв М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 102 с.; Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы государственного управления. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 181 с.

Таблица 9. Подушевые трансферты из федерального бюджета субъектам РФ в 2009–2014 гг.

Показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация						
Трансферты, руб.	10472	9778	11500	11340	10546	11437
Вологодская область						
Трансферты, руб.	9204	7177	8358	8800	7883	8442
В % к среднему уровню по РФ	87,9	73,4	72,7	77,6	74,7	73,8
Возврат трансфертов, млн. руб.	140,8	456,6	283,8	211,8	475,7	432,7
Липецкая область						
Трансферты, руб.	7574	6208	6988	7169	7238	9066
В % к среднему уровню по РФ	72,3	63,5	60,8	63,2	68,6	79,3
Возврат трансфертов, млн. руб.	186,6	150,5	178,5	245,1	534,0	316,4
Челябинская область						
Трансферты, руб.	7132	6197	6674	6864	6434	7305
В % к среднему уровню по РФ	68,1	63,4	58,0	60,5	61,0	63,9
Возврат трансфертов, млн. руб.	127,9	581,0	690,4	649,4	1256,5	1269,2
Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.						

комбинатов⁹) сформировали своеобразную систему управления в регионах присутствия и всё в большей мере становятся инструментами выкачивания местных ресурсов в пользу собственников.

К сожалению, итоги анализа публичной отчётности головных предприятий корпораций чёрной металлургии за 2014 год¹⁰ подтверждают этот вывод, хотя финансовые показатели выглядят вполне успешными. Выручка комбинатов увеличилась на 10–18%, чему во многом способствовал рост доходности от экспортных продаж на фоне девальвации рубля. Велика полученная от продаж прибыль. Обращает на себя внимание снижение или замедление темпов роста себестоимости и затрат, непосредственно влияющих на базу налогообложения (табл. 10).

⁹ Череповецкий металлургический комбинат (ЧерМК), Магнитогорский металлургический комбинат (ММК), Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК).

¹⁰ Официальный сайт ПАО «Северсталь». – Режим доступа: <http://www.severstal.ru/>; Официальный сайт ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат». – Режим доступа: <http://www.mmk.ru/>; Официальный сайт ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат». – Режим доступа: <http://www.lipetsk.nlmk.ru/>

Вместе с тем дальнейший анализ финансовой отчётности показал противоречивые тенденции. Как видно из данных таблицы 10, в 2014 г. **ЧерМК и ММК имели самый большой объём прибыли от продаж после 2009 г., что должно было повлиять на увеличение прибыли до налогообложения. Вместо этого оба комбината отразили убыток, причём в ЧерМК он оказался самым значительным за весь анализируемый период.** Чем же объяснить такую ситуацию?

Правительство Вологодской области усматривает причины убыточности ЧерМК исключительно колебаниями валютных разниц¹¹. Действительно, по сравнению с 2013 г. они принесли комбинату в шесть раз больше убытков (табл. 11).

Как показали результаты нашего же анализа, гораздо большее влияние на получение убытков до налогообложения оказали расходы по ликвидации американских непрофильных управляющих компаний,

¹¹ Итоги социально-экономического развития Вологодской области за 2014 год: доклад заместителя Губернатора области А.В. Кожевникова на публичных слушаниях по годовому отчёту об исполнении областного бюджета за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologdazso.ru/analitic/219029/>

Таблица 10. Финансовые показатели металлургических комбинатов в 2008–2014 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2013, %
ЧерМК								
Выручка	243,6	143,6	209,8	254,3	223,6	212,9	233,6	109,7
Себестоимость	157,4	104,5	157,5	200,8	182,2	174,2	171,2	98,3
Коммерческие расходы	5,3	7,2	9,9	12,9	13,9	14,2	13,8	97,5
Управленческие расходы	7,0	6,2	7,8	9,3	11,8	9,4	8,8	93,1
Прибыль от продаж	73,9	25,6	34,6	31,2	15,7	15,1	39,8	264,4
Процентные расходы	4,7	8,8	10,8	10,3	10,9	9,2	9,0	98,2
Прибыль до налогообложения	52,8	5,8	-34,1	-1,4	16,3	9,2	-37,7	x
ММК								
Выручка	226,0	137,3	201,8	247,3	243,1	225,5	266,5	118,6
Себестоимость	160,9	101,2	164,9	211,4	203,8	195,0	205,4	105,4
Коммерческие расходы	4,7	4,1	5,3	5,9	9,4	12,3	13,8	112,3
Управленческие расходы	6,7	5,5	6,1	6,6	7,5	7,2	6,6	91,0
Прибыль от продаж	53,7	26,5	25,5	23,3	22,3	10,1	40,7	401,2
Процентные расходы	1,1	1,6	2,3	3,5	4,4	3,9	4,3	110,6
Прибыль до налогообложения	15,6	34,0	29,6	-5,2	11,4	-58,6	-1,3	2,2
НЛМК								
Выручка	202,1	128,6	179,9	221,2	240,1	225,5	262,7	116,5
Себестоимость	115,1	94,3	130,7	174,0	205,8	199,7	200,0	100,1
Коммерческие расходы	10,8	12,2	14,1	15,7	18,3	17,9	19,4	108,5
Управленческие расходы	3,7	4,6	6,2	7,0	7,9	8,5	9,9	116,1
Прибыль от продаж	72,4	17,4	28,9	24,4	8,1	-0,6	33,5	x
Процентные расходы	2,0	2,1	3,2	3,7	6,3	6,35	6,4	101,4
Прибыль до налогообложения	90,2	25,8	39,0	40,8	24,2	-10,4	23,3	x
Источники: данные финансовой отчётности меткорпораций; расчёты автора.								

Таблица 11. Прочие расходы ЧерМК в 2013–2014 гг., млрд. руб.

Показатели	2013	2014	2014 к 2013, %
Прочие расходы, всего	49,0	192,7	392,8
- курсовые разницы	11,5	63,4	551,3
- расходы, связанные с ликвидацией компаний Severstal US Holdings, LLC и Severstal Investments LLC	0	95,0	x
Недополученный налог на прибыль в результате учёта расходов на ликвидацию зарубежных компаний	0	19,0	x
- в том числе в бюджет Вологодской области	0	17,1	x
Источники: данные финансовой отчётности ПАО «Северсталь»; расчёты автора.			

отнесённые на прочие расходы ЧерМК и ставшие решающим фактором убыточности комбината. Если бы указанные траты не были учтены при формировании финансового результата, то *предприятие могло иметь прибыль в сумме 57,3 млрд. руб., что превзошло бы уровень 2008 г. По нашим расчётам, недополученный налог*

на прибыль в результате признания такого существенного объёма непродуктивных расходов составил 19 млрд. руб., в том числе в бюджет Вологодской области – более 17 млрд. руб. Одним словом, в 2014 г. у ЧерМК имелась потенциальная возможность выйти на докризисный объём платежей, внесённых в бюджет области.

Все эти факты ещё раз подтверждают правильность выводов ИСЭРТ РАН о неэффективности выбранной руководством «Северстали» стратегии транснационализации бизнеса. Затраты на эксплуатацию иностранных компаний, осуществлённые за счёт прибыли ЧерМК, следует признать ни чем иным, как средством вывода ресурсов из денежного оборота комбината в целях последующей минимизации налогооблагаемой базы. *И если в 2004–2013 гг. среднегодовой размер выводимых финансовых ресурсов составлял 45 млрд. руб., то в 2014 г. – 95 млрд. руб.* Это обернулось для бюджета Вологодской области расчётными потерями поступлений налога на прибыль порядка 10 млрд. руб. ежегодно.

На убыточность ММК в 2014 г. повлияли главным образом отрицательные курсовые разницы, что указывает на неэффективную работу менеджмента компании по управлению валютными рисками. Кроме того, был допущен рост себестоимости, коммерческих и процентных расходов, повлёкший снижение прибыли до налогообложения на 12,4 млрд. руб. Результаты исследований ИСЭРТ РАН по проблемам администрирования налога на прибыль выявили существенные пробелы в сфере налогового законодательства¹². Чрезвычайно сложная методология исчисления налога на прибыль, в основе которой

лежат двойные стандарты (бухгалтерский и налоговый учёт), позволяет налогоплательщикам, прежде всего крупнейшим, манипулировать оценкой доходов и расходов при исчислении базы налогообложения. На практике это чаще всего приводит к занижению исчисленного налога на прибыль. Так, например, прибыль НЛМК для целей налогообложения с помощью различных способов её исчисления только в 2014 г. была оптимизирована на 15,5 млрд. руб., в результате чего бюджет Липецкой области недосчитался почти 3 млрд. руб. налога на прибыль (табл. 12).

Легитимное использование различных схем минимизации налога на прибыль имело своим следствием глубочайшее падение его поступлений от крупнейших металлургических комбинатов. По сути, в 2013–2014 гг. Череповецкий и Магнитогорский комбинаты не вносили в бюджет налог на прибыль. Поступления от Новолипецкого комбината в бюджет Липецкой области в 2014 г. составили 12% от уровня 2008 г., хотя выручка от продаж увеличилась на 30% (табл. 13).

Устойчивое и масштабное снижение доли налога на прибыль в выручке от продаж служит свидетельством того, что всё меньшая часть налогов локализовалась на комбинатах для последующей мобилизации в бюджеты регионов.

Таблица 12. Прибыль НЛМК, исчисленная по различным учётным данным в 2014 г.

Показатели	Млрд. руб.
Прибыль до налогообложения (по данным бухгалтерского учёта)	23,3
Налогооблагаемая прибыль (по данным налогового учёта)*	7,8
Разница	15,5
Недополученный налог на прибыль	3,1
- в том числе в бюджет Липецкой области	2,8
* Налоговый учёт служит основой для определения налога на прибыль. Источники: данные финансовой отчётности ОАО «НЛМК»; расчёты автора.	

¹² Поварова А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль: факторы и пути повышения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 180-195.

Таблица 13. Поступления налога на прибыль металлургических комбинатов в 2008–2014 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
ЧерМК								
Выручка, млрд. руб.	243,6	143,6	209,8	254,3	223,6	212,9	233,6	95,9
Налог на прибыль, млн. руб.*	13961,1	3851,2	4352,9	3082,7	2280,2	0,5	0,96	0,007
- в бюджет региона	10191,6	3466,1	3917,6	2774,4	2052,2	0,46	0,8	0,008
К выручке, %	5,7	2,7	2,1	1,2	1,0	0,0002	0,0004	-5,7 п.п.
ММК								
Выручка, млрд. руб.	226,0	137,3	201,8	247,3	243,1	225,5	266,5	117,9
Налог на прибыль, млн. руб.*	10511,8	507,6	1488,0	1595,0	1958,0	0	143,0	1,4
- в бюджет региона	7673,6	456,8	1339,2	1435,5	1762,2	0	128,7	0,002
К выручке, %	4,7	0,4	0,7	0,6	0,7	0	0,05	-4,7 п.п.
НЛМК								
Выручка, млрд. руб.	202,1	128,6	179,9	221,2	240,1	225,5	262,7	130,0
Налог на прибыль, млн. руб.*	15754,6	1284,5	5062,9	6152,8	2729,9	0	1554,4	9,9
- в бюджет региона	11500,9	1156,1	4556,6	5537,5	2456,9	0	1399,0	12,2
К выручке, %	7,8	1,0	2,8	2,8	1,1	0	0,6	-7,2 п.п.
* Поскольку точных данных о внесённых платежах нет, в таблице приведён текущий налог на прибыль, исчисленный в отчётности о прибылях и убытках.								
Источники: данные финансовой отчётности меткорпораций; расчёты автора.								

Таблица 14. Сальдо денежных средств от финансовой деятельности металлургических комбинатов в 2012–2014 гг., млрд. руб.

Комбинат	2012	2013	2014	Всего за 2012–2014
ЧерМК	-32,8	-43,8	-41,3	-117,9
ММК	-12,9	-18,1	-4,5	-35,5
НЛМК	-1,5	-2,9	-37,5	-41,9
Источники: данные финансовой отчётности меткорпораций; расчёты автора.				

На то, что финансовые потоки изымались из хозяйственного оборота предприятий чёрной металлургии, указывает и отрицательное значение величины чистых денежных средств от финансовой деятельности, включающих выплату дивидендов, займов аффилированным компаниям и т.п. (табл. 14).

Денежные потоки, выведенные за три последних года с Череповецкого и Новолипецкого металлургических комбинатов, в первом случае почти в три раза превысили годовой объём доходов бюджета Вологодской области, а во втором – равнозначны годовому объёму доходов бюджета Липецкой области.

Налоговая нагрузка предприятий металлургического комплекса не согласовалась не только с их доходами, но и с доходами владельцев и ключевых менеджеров этих предприятий (табл. 15).

Как показывают данные таблицы, с 2008 по 2014 год на фоне снижения налоговой нагрузки в 1,7–3,7 раза состояние собственников металлургических корпораций выросло в 1,4–3 раза. При самом существенном снижении вклада в наполняемость бюджетной системы размер годового вознаграждения топ-менеджеров «Северстали», выплачиваемый за счёт средств головного предприятия, увеличился в 13,3 раза. При этом доходы 10 членов совета

Таблица 15. Вознаграждение органов управления, состояние и дивиденды владельцев металлургических корпораций в 2008–2014 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2013 к 2008, раз
ЧерМК								
Вознаграждение органов управления, млн. руб. в год	86,2	630,0	601,3	1068,5	650,0	801,6	1147,6	+13,3
Состояние владельца, млрд. долл.	4,3	9,9	18,5	15,3	12,8	10,5	13,0	+3,0
Дивиденды владельца, млн. руб.	25499	0	5272	12696	7618	5505	39165	+1,5
Налоговая нагрузка, %*	11,1	2,8	4,4	4,4	3,8	4,0	3,0**	-3,7
ММК								
Вознаграждение органов управления, млн. руб. в год	495,4	497,3	276,9	52,1	276,6	672,3	248,5	-2,0
Состояние владельца, млрд. руб.	2,5	9,8	11,2	5,6	4,2	2,8	3,5	+1,4
Дивиденды владельца, млн. руб.	3698	3556	3171	0	2685	0	5655	+1,5
Налоговая нагрузка, %*	7,7	3,7	4,3	6,5	3,0	3,6	2,5	-3,1
НЛМК								
Вознаграждение органов управления, млн. руб. в год	188,1	230,9	291,9	223,5	206,5	293,6	531,0	+2,8
Состояние владельца, млрд. руб.	5,2	15,8	24,0	15,9	14,1	16,6	11,6	+2,2
Дивиденды владельца, млн. руб.	9240	1045	9330	10253	3178	3435	4511	-2,0
Налоговая нагрузка, %*	11,6	5,5	6,7	5,5	6,4	6,2	7,0	-1,7
* Рассчитана как отношение объёма налогов, уплаченных во все уровни бюджета, к выручке.								
** Поскольку в отчётности ПАО «Северсталь» не раскрыта сумма внесённых налогов, данные взяты из отчётности ФНС в целом по металлургическому производству Вологодской области (без страховых платежей).								
Источники: данные журнала «Forbes»; финансовой отчётности меткомбинатов; расчёты автора.								

директоров ПАО «Северсталь» превышали вознаграждение 24 членов органов управления ОАО «ММК» и 18 членов органов управления ОАО «НЛМК» соответственно в пять и два раза.

Обращает на себя внимание выплаченная в 2014 г. основному владельцу ПАО «Северсталь» сумма дивидендов, составившая *рекордную величину за весь исследуемый период – почти 40 млрд. руб., что практически равнозначно объёму налоговых платежей, поступивших в бюджет Вологодской области в 2014 г.* Поскольку Череповецкий комбинат в 2014 г. получил чистые убытки, что согласно международной практике¹³ вообще исключает поощрение акционеров, то *источником дивидендных выплат была выбрана нераспределённая прибыль. В результате основной инвестиционный ресурс*

¹³ Как правило, крупнейшие мировые компании используют на дивиденды не более 25% чистой прибыли.

комбината уменьшился в три раза – с 98 до 32 млрд. руб. Не случайно спад инвестиций в основной капитал в Вологодской области за последние два года был самым сильным среди других российских регионов.

Более того, если учесть, что основной владелец «Северстали» контролирует её через кипрские офшоры, то в результате применения более низкой ставки налогообложения (5% вместо 13%) *бюджет Вологодской области в 2014 г. потерял более 3 млрд. руб. налога на доходы физических лиц.*

Изъятие финансовых ресурсов потребовало прибегнуть к привлечению кредитов, *объём которых увеличился почти в четыре раза и спровоцировал рост корпоративного долга ЧерМК.* На конец 2014 г. задолженность по кредитам превзошла объём полученной выручки на 24%. Другие комбинаты сворачивали привлечение заимствований и характеризовались умеренными долгами (*табл. 16*).

Таблица 16. Задолженность металлургических комбинатов в 2013–2014 гг., млрд. руб.

Показатели	2013	2014	2014 к 2013, %
ЧерМК			
Привлечено кредитов	29,0	110,1	379,0
Задолженность	168,1	288,7	171,8
<i>В % к выручке</i>	78,9	123,6	+44,7 п.п.
ММК			
Привлечено кредитов	38,6	39,6	102,7
Задолженность	80,0	115,7	144,6
<i>В % к выручке</i>	35,6	43,4	+7,8 п.п.
НЛМК			
Привлечено кредитов	57,1	13,8	24,1
Задолженность	112,8	119,9	106,3
<i>В % к выручке</i>	50,0	45,6	-4,4
Источники: данные финансовой отчетности меткорпораций; расчёты автора.			

Агрессивная эскалация корпоративного долга, перекрывшего полученные доходы, и изъятие трети резервируемой прибыли на выплату дивидендов создали высокие риски финансовой устойчивости не только для основного актива «Северстали», но и для экономики Вологодской области с точки зрения пополнения бюджетных доходов и инвестиционного развития.

Таким образом, в 2014 г. противоречивость взаимодействия интересов компрадорски ориентированных крупных корпораций и интересов регионов, где осуществляется их деятельность, усилилась. И если до 2009 г. механизмы равновесия этих интересов можно было оценить вкладом корпораций в формирование бюджетных доходов, то в последние годы этот критерий утратил свою объективность.

Подводя итоги, можно утверждать, что в 2014 г. не только не нашли разрешения, но, напротив, усугубились бюджетные проблемы регионального развития.

Во-первых, выбранная в качестве способа ослабления закредитованности регионов масштабная оптимизация, охватившая помимо инвестиционных и социальные расходы, не достигла своей цели. Процессы наращивания государственного

долга продолжились в регионах, уже имеющих высокий уровень долговой нагрузки, и всё в большей степени затрагивают регионы, ранее отличавшиеся минимальными обязательствами.

Во-вторых, усилившийся перекос в структуре бюджетных расходов в пользу расходов на возврат и обслуживание кредитов может стать критическим для экономического развития регионов.

В-третьих, бездействие Правительства РФ в отношении изменения подходов к регулированию прибыли крупного бизнеса не позволило регионам-экспортёрам сырья и продукции первого передела воспользоваться эффектом девальвации рубля в целях увеличения налоговых платежей в бюджет.

Нарушая фундаментальный принцип бюджетной политики – принцип сбалансированности бюджетов всех уровней, – в критических условиях 2014 г. российские власти продолжали целенаправленно перекладывать бремя социальных расходов с федерального на региональные бюджеты, не сопровождая процесс расширением доходной базы, фактически бросив регионы на самовыживание. Разработанный Правительством РФ антикризисный план характеризуется явным доминированием

поддержки банков над поддержкой реального сектора экономики и бюджетов регионов.

Проведённый анализ состояния бюджетов Вологодской, Липецкой и Челябинской областей показал отсутствие в системе государственного управления инструментов согласованного использования ключевых ресурсов территорий. В результате *региональные власти, не имея законодательных рычагов регулирования деятельности крупного бизнеса, постепенно утрачивают стратегические планы развития экономики и решают преимущественно социальные проблемы в рамках распределения бюджетных средств*. Парадоксально, когда при наличии высокодоходных предприятий неэффективная бюджетно-налоговая политика привела к искусственной дотационности регионов, на территории которых действуют эти предприятия.

В большинстве российских регионов остро ощущается необходимость создания целостной системы управления промышленностью и инвестиционным потенциалом. Без этого экономическая деятельность будет ориентирована только на обслуживание текущего бюджетного дефицита в ущерб стратегическим приоритетам развития.

Разрабатывая проект федерального бюджета на 2016 г., правительственные структуры воспроизводят идеологию бюджетной политики 2015 г., в основе которой заложен секвестр всех расходов. Проект нового бюджета верстается с сокращением расходов на 13%, что без проведения структурных реформ может повлечь серьёзные риски для социально-экономической стабильности. В такой ситуации вряд ли стоит надеяться на решение бюджетных проблем регионов.

На наш взгляд, для начальной стабилизации региональных финансов Правительство РФ должно: незамедлительно провести реструктуризацию задолженности по кредитам, выданным из федерального бюджета; долговое финансирование субфедеральных бюджетов трансформировать в преимущественно трансфертное; кардинально изменить администрирование прибыли крупных налогоплательщиков.

Не меняя сути проводимой бюджетной политики и опустошая бюджеты регионов, Правительство РФ демонстрирует свою неспособность гарантировать достойный уровень жизни российских граждан и провоцирует углубление социально-экономических проблем, чреватых политической дестабилизацией.

Литература

1. Высшая школа экономики: 20 российских регионов фактически в дефолте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/news/4015638>
2. Ильин, В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычёв. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 102 с.
3. Ильин, В.А. Проблемы государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 181 с.
4. Официальный сайт ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат». – Режим доступа: <http://www.mmk.ru/>
5. Официальный сайт ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат». – Режим доступа: <http://www.lipetsk.nlmc.ru/>
6. Официальный сайт ПАО «Северсталь». – Режим доступа: <http://www.severstal.ru/>
7. Поварова, А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль: факторы и пути повышения / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 180-195. – DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.14

8. Сокращение зарплат поможет выполнить майские указы Президента // Независимая газета. – 2015. – 12 марта.
9. Финансовая сфера: о некоторых событиях и итогах 2014 года / М. Ершов, А. Танасова, В. Татузов, О. Лупандина // Российский экономический журнал. – 2015. – № 1. – С. 100-109.

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, зав. сектором исследования проблем общественных финансов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

Povarova A.I.

Passive behavior of the government Budget problems are aggravating in the regions

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate at the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems, Federal Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, anna631506@mail.ru)

Abstract. Despite a number of reforms, the current multi-level budgetary system does not fully correspond to the development strategy of the country and its regions. *Still the Russian Government has not taken effective measures to address the main structural contradiction of the budgetary system, based on the non-adequate distribution of revenue and expenditure responsibilities, manifested in the sharp decline in the revenue base of territorial budgets during the 2009 global financial crisis. However, the crisis effects have not been analyzed and the conclusions have not been made.* The Ministry of Finance of the Russian Federation tried to solve the problem of territorial budgets imbalance not by enhancing existing mechanisms of revenue distribution at the regional level, but by granting large-scale loans to be repaid after 2012. Despite it, due to the sharp rise in the social burden, the deficit and the debt load enlarged and resulted in the budget crisis in the regions. The experts of the Higher School of Economics state that 20 RF subjects, having the level of public debt above 80%, had been actually in default by the end of 2014. Instead of finding ways out of the fiscal crisis, the Russian authorities gradually lose overall control over the processes of regional development. The mechanisms of federal target programs work poorly and the RF subjects have to finance program activities. In fact, the management of territorial development is reduced to the transfer of financial resources from the federal budget to the regions and the Ministry of Finance of the Russian Federation regulating interbudgetary relations has, in fact, become the only real institute of regional policy. But the interbudgetary policy of the Ministry of Finance does not gain visible economic returns: in 2006–2014 the amount of repayable financial assistance to the regional budgets increased from 0.6 to 1.5 trillion rubles, and the number of self-sufficient territories decreased from 20 to 11. The worsening of socio-economic problems is accompanied by a difficult international environment, adverse effects of external sanctions against Russia and falling oil prices. Already in 2014 the losses from the sanctions amounted to 40 billion U.S. dollars, from the decline in oil prices 100 billion U.S. dollars. However, the federal budget for 2015 was approved without taking into account these factors. It demonstrates the inability of the Russian Government to accurately assess the situation and forecast events even in the short term. Due to forced significant amendments to the federal budget in April 2015, *its deficit was increased seven-fold, from 0.4 to 2.7 trillion rubles.* Surely, this imbalance of the country's budget will seriously complicate the implementation of local budgets. In the

new version of the federal budget transfers to regions cut by 72 billion rubles, or by 10.5%. The anti-crisis plan of the Russian Federation Government aimed at cutting budget spending provides not grant financial support to the regions, but allocation of budgetary loans in the amount of 160 billion rubles, which will be returned to the Federal Treasury. These funds will be enough to repay only 15% of the accumulated commercial debt of regional budgets. ***Such a short-sighted budgetary policy of the central authorities deprives the regions of any hope of solving the problem of rising public debt.*** The crisis, greatly affecting the regions with metallurgical specialization, has highlighted the limits of countercyclical potential of fiscal policy. The lack of budget risk management involves deep drop in tax revenues, a major revenue source of regional budgets. Another negative consequence is that the Vologda Oblast, the Lipetsk Oblast, the Chelyabinsk Oblast and the Kemerovo Oblast have lost the status of donor regions. The article presents the results of the research in the problems of budgetary provision of the Vologda Oblast, the Lipetsk Oblast and the Chelyabinsk Oblast, carried out by ISED T RAS. The leading domestic corporations of ferrous metallurgy are located in these areas. The work evaluates the state of regional budgets, debt policy and interaction with the federal budget as of year-end 2014. The main accent is made on the analysis of relations between metallurgical corporations and territorial budgets. Despite the fact that the metallurgy-oriented regions are characterized by significant structural features, the estimates vary greatly in the territorial context. However, we can make a general conclusion that in these regions one can observe ***the growing problems connected with the receipt of tax payments from the key revenue generating industry since 2009.*** It entails a number of other negative factors of the regional budget systems functioning. ***Due to highly inefficient economic policies pursued by the central government in respect of the largest taxpayers, the regional authorities have completely lost the ability to regulate their economic activities.***

Key words: metallurgical corporation, regional budgets, income tax, public debt, public management efficiency.

References

1. *Vysshaya shkola ekonomiki: 20 rossiiskikh regionov fakticheski v defolte* [Higher School of Economics: 20 Russian are Regions Actually in Default]. Available at: <http://www.finmarket.ru/news/4015638>
2. Ilyin V.A., Povarova A.I., Sychev M.F. *Vliyanie interesov sobstvennikov metallurgicheskikh korporatsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye* [Impact of the Metallurgical Corporations' Interests Owners on Socio-Economic Development]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 102 p.
3. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy gosudarstvennogo upravleniya* [Problems of Public Administration]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 181 p.
4. *Ofitsial'nyi sait OAO "Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat"* [Official Web-Site of OJSC "Magnitogorsk Iron & Steel Works"]. Available at <http://www.mmk.ru/>
5. *Ofitsial'nyi sait OAO "Novolipetskii metallurgicheskii kombinat"* [Official Web-Site of OJSC "Novolipetsk Steel"]. Available at: <http://www.lipetsk.nlmk.ru/>
6. *Ofitsial'nyi sait PAO "Severstal"* [Official Web-Site of "PAO Severstal"]. Available at: <http://www.severstal.ru/>
7. Povarova A.I. Snizhenie fiskal'noi funktsii naloga na pribyl': faktory i puti povysheniya [Reduction of the Fiscal Function of Corporate Tax: the Factors and Ways of Increase]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 3, pp. 180-195. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.14
8. Sokrashchenie zarplat pomozhet vypolnit' maiskie ukazy Prezidenta [Decline in Wages will Help to Implement May Decrees of the President]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2015, March 12.
9. Ershov M., Tanasova A., Tatuzov V., Lupandina O. Finansovaya sfera: o nekotorykh sobyitiyakh i itogakh 2014 goda [Financial Sector: on Some Events and Results of 2014]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2015, no.1, pp. 100-109.

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.5

УДК 338.2, ББК 65.05

© Проворова А.А., Губина О.В., Смиреникова Е.В.,
Кармакулова А.В., Воронина Л.В.

Методический инструментарий оценки эффективности реализации государственной социально-экономической политики развития регионов России

**Анна Андреевна
ПРОВОРОВА**

Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук
163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, aashirikova@mail.ru

**Ольга Владимировна
ГУБИНА**

кандидат экономических наук
Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук
163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru

**Елена Владимировна
СМИРЕННИКОВА**

кандидат географических наук
Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук
163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru

**Анна Вячеславовна
КАРМАКУЛОВА**

магистрант
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru

**Людмила Васильевна
ВОРОНИНА**

Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук
163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам совершенствования методического обеспечения оценки эффективности государственной социально-экономической политики в отношении северных регионов России. Проведен краткий анализ методических подходов и механизмов оценки политики в зависимости от функциональной принадлежности области оценивания, объекта, субъекта и предмета оценивания, а также в зависимости от используемых методов оценки. Обозначена проблема отсутствия единого подхода к трактовке категорий «эффективность» и «результативность» политики, что приводит к неясности и сложности оценивания. Предложенный авторский методический инструментарий оценки реализации политики включает в себя ключевые принципы и алгоритм. Оценка эффективности политики согласно предложенному инструментарию включает в себя социально-экономическую, средовую и институциональную составляющие. Социально-экономический блок подразумевает оценку результативности достижения целей и задач политики в отношении северных регионов России на основе системы качественных и количественных показателей. Средовая составляющая предполагает учет влияния территориальных условий на достижение поставленных целей и задач. Институциональный блок оценки включает в себя оценку качества составления региональных государственных программ. Достоинством предложенного методического инструментария являются возможность учета региональной, в том числе северной специфики при постановке и реализации целей и задач политики, а также комплексности проведения оценки. Это позволяет разработать «точечные» рекомендации по регулированию отдельных сфер социально-экономического развития северных регионов России, а также выявить причины не достижения поставленных целей и задач.

Ключевые слова: методический инструментарий, оценка, государственная политика, северный регион

Достижение поставленных целей и получение желаемых результатов в рамках реализации государственной социально-экономической политики является важным условием стабильного социально-экономического роста региона. Повышение эффективности государственного управления стимулируется активным внедрением механизмов и процедур оценки политики, находящихся в постоянном динамичном изменении.

При разработке авторского подхода к оцениванию мы опирались на труды отечественных и зарубежных исследователей, а также на существующие на государственном уровне механизмы оценивания политики. Многочисленные подходы к оцениванию можно сгруппировать следующим образом: по функциональной принадлежности области оценивания [1; 6; 8]; по объектам оценивания (политика,

программы, проекты); по используемым методам оценивания; по предмету оценивания; по уровням проведения (локальный, региональный, общегосударственный); по этапам реализации политики (пред-оценка, сопровождающее оценивание, суммирующее оценивание) [8]; по субъекту оценивания [7].

По функциональной принадлежности области оценивания выделяются подходы, в которых основное внимание сосредоточено на оценке результатов комплексной политики, проводимой, например, в регионе [8; 14; 16]. Разработанный исследователями из Новосибирска проект СИРЕНА позволяет моделировать социально-экономическое развитие региона, в том числе в кратко- и долгосрочном прогнозном периоде и проводить оценки влияния управленческих воздействий центра на развитие отдельных регионов или их совокупности

по заданным социально-экономическим индикаторам. Аналогом СИРЕНы является используемая за рубежом информационная система мониторинга и оценки регионального развития (RAUNIS) [13]. Примером принятого на государственном уровне механизма комплексного оценивания политики является оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ [8]. В то же время существуют механизмы, сосредоточенные на оценке отдельных направлений социально-экономического развития: в сфере оценки политики образования [17], здравоохранения, занятости [4].

Среди наиболее часто употребляемых в процедурах оценивания методов следует выделить:

- метод интегральных оценок [8] с использованием статистических показателей и данных социологических исследований;
- метод сравнения фактически достигнутого показателя с запланированным [12];
- анализ «затраты - результат» (анализ эффективности затрат, анализ «затраты-выгоды») [6; 11-13];
- методы субъективных оценок (основаны на социологических опросах) [2; 5];
- методы оценки факторов и рисков [5; 10].

В качестве предмета оценки могут выступать: результат деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ [7]; социально-экономические последствия принятия управленческих решений [10]; эффективность расходования государственных средств [2; 11; 12]. В настоящее время выявляется проблема отсутствия единого взгляда на содержательные аспекты категорий «эффективность» и «результативность» политики, что приводит к неясности и сложности оценивания. Понятие «результативность реализации государственной политики», как правило,

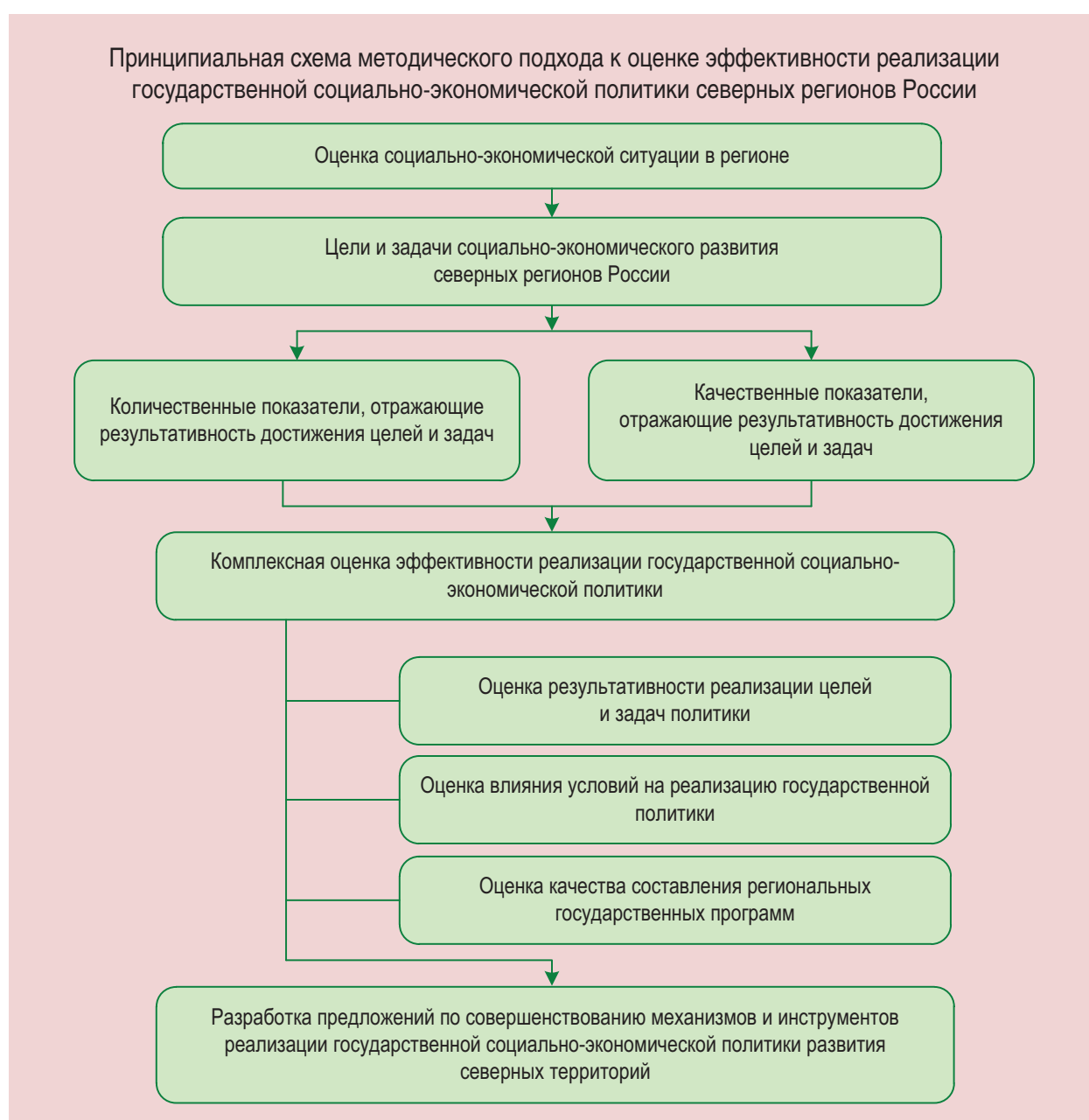
тракуется как степень достижения поставленных целей, выражающаяся в улучшении социально-экономических показателей развития региона в запланированный временной период. Ввиду близости понятий «эффективность» и «результативность» политики, результативность политики рассматривается как составная часть эффективности. Традиционно понятие «эффективность» трактуется как соотношение результатов и затрат и является довольно узким. В широком понимании, эффективность управления следует рассматривать как комплексную категорию, которая, с одной стороны, понимается как «состояние экономики, при котором определенное соотношение результатов деятельности и затрат на достижение этих результатов приводит к получению субъектом максимальных результатов с использованием ресурсов определенной стоимости или производству товаров определенной стоимости при наименьших затратах ресурсов» [11]. С другой стороны, именно широкое понимание эффективности управления позволяет оценить экономическую, социальную и техническую эффективность.

В зависимости от субъекта оценки можно выделить внешнее (со стороны вышестоящих органов власти или сторонних организаций [2; 5; 9; 10]) и внутреннее или самооценивание. [11; 12].

Большинство методик оценки результатов деятельности органов власти отличаются отсутствием комплексности используемых систем показателей и недостаточной проработанностью критериев оценки, сосредоточенностью преимущественно на анализе количественных показателей. Одним из аспектов, нуждающихся в методической проработке, является учет региональной специфики реализации политики – в нашем случае, так называемых особых северных условий.

Предлагаемый авторский методический инструментарий оценки эффективности реализации государственной социально-экономической политики развития северных регионов России позволит оценить результативность реализации целей и задач политики в системной взаимосвязи с институциональными аспектами и условиями реализации политики. Методический инструментарий опирается на принципы сбалансированности и комплексности.

Принцип сбалансированности заключается в обеспечении равновесия между краткосрочными и долгосрочными целями регионального развития, балансе внутренних интересов развития региона и интересов государства, соответствии показателей верхних уровней иерархии показателям нижних уровней. Принцип комплексности основывается на включении равнозначных аспектов оценки эффективности политики: результатив-

ности достижения целей и задач; качестве государственных программ регионального развития; условий реализации социально-экономической политики в северных регионах.

Алгоритм оценки эффективности реализации социально-экономической политики развития северных регионов России включает следующее (рисунок).

Этап 1. Оценка социально-экономической ситуации в регионе

Включает характеристику экономико-географического положения, уровня хозяйственной освоенности территории, отраслевой структуры хозяйственного комплекса, инвестиционной активности территории, особенностей демографической ситуации в регионе, уровня и качества жизни, финансового состояния территории.

Исследование социально-экономической ситуации в регионе необходимо для выявления потенциальных возможностей и угроз развития региона, требующих принятия управленческих решений.

Этап 2. Обоснование стратегических целей и тактических задач развития региона и перечня количественных (объективных) и качественных (субъективных) показателей, отражающих результативность их достижения.

Содержит комплексный анализ стратегических документов, определяющих социально-экономическое развитие северных регионов России, и результаты комплексной оценки социально-экономической ситуации в этих регионах. Задачи государственной социально-экономической политики сгруппированы в семь блоков в рамках выявленных стратегических целей политики. Для каждой задачи обосновывается показатель, динамика изменения которого будет свидетельствовать о результативности ее реализации.

Система оценки включает количественные и качественные показатели (таблица).

Количественные показатели оценки результативности формируются на основе статистических данных, а качественные — на основе результатов проведения социологического опроса населения и экспертов.

Этап 3. Комплексная оценка эффективности реализации государственной социально-экономической политики северных территорий

Проводится по методике, которая включает три блока: оценку результативности реализации целей и задач социально-экономической политики; оценку условий реализации государственной политики; оценку качества составления региональных государственных программ.

Блок 1. *Методика оценки результативности реализации целей и задач государственной социально-экономической политики северных территорий*

Ключевую роль в методике играет соответствие стратегической цели, тактических задач и результатов, соответствующих конечному значимому эффекту и выбору характеризующих их показателей [11, 12]. В соответствии с данным подходом, была разработана система количественных и качественных показателей, отражающих результативность реализации целей и задач государственной социально-экономической политики развития северных территорий.

Общий интегральный показатель оценки результативности реализации целей и задач государственной социально-экономической политики северных территорий представляет собой сумму индексов результативности политики на основе количественных и качественных показателей, скорректированных на весовой коэффициент:

$$\text{ОИР} = 0,8 \times \text{ИР} + 0,2 \times \text{ИУ}$$

Система показателей для оценки результативности достижения целей
и задач региональной социально-экономической политики

Цели	Задачи	Количественные показатели оценки	Качественные показатели оценки
Совершенствование территориальной организации хозяйства	Формирование устойчивой системы расселения, создание кластеров, «точек роста»	Плотность населения, чел./км ² Уровень хозяйственной освоенности, ВРП/км ²	Отсутствуют
Обеспечение высоких и устойчивых темпов экономического роста	Развитие внешнеэкономических и межрегиональных связей в интересах экономического развития региона	Доля внешнеторгового оборота региона во внешнеторговом обороте страны. %	Отсутствуют
	Диверсификация промышленного производства и структуры экономики	Доля обрабатывающих производств в структуре ВРП, % Доля занятых в обрабатывающих производствах, %	Отсутствуют
	Повышение энергоэффективности региональной экономики	Удельное электропотребление населением, кВт*ч/чел. Электроемкость ВРП, кВт*ч/тыс. руб.	Отсутствуют
	Модернизация и развитие инновационной деятельности	Объем инновационных товаров (работ, услуг), млн. руб. Внутренние затраты на НИКОР к ВРП, %	Отсутствуют
	Повышение социально-экономической эффективности использования природных ресурсов	Доля доходов в консолидированный бюджет региона от использования природных ресурсов, %	Отсутствуют
	Развитие малого и среднего бизнеса	Количество предприятий малого и среднего бизнеса, ед./10000 чел. Доля занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса, %	Уровень предпринимательской активности. Удовлетворенность условиями ведения бизнеса
	Развитие туризма	Количество мест в гостиницах, ед./1000 чел. Количество посадочных мест в предприятиях питания, ед./1000 чел.	Удовлетворенность создаваемыми условиями для развития туризма в регионе. Оценка привлекательности региона для развития туризма
Укрепление финансового состояния региона	Увеличение притока инвестиций в регион и реализация инвестиционных проектов	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, млн. руб./чел. Рейтинг инвестиционной привлекательности региона, место	Отсутствуют
	Совершенствование межбюджетных отношений (уход от дотаций)	Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов в консолидированном бюджете региона, % Собственные доходы консолидированного бюджета на одного человека, руб.	Отсутствуют
Модернизация и развитие инфраструктуры	Развитие транспортной и энергетической инфраструктуры (снижение инфраструктурных ограничений)	Густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км дорог на 1000 км ² ; Производство электроэнергии, млрд. кВт/час	Удовлетворенность работой транспорта в населенном пункте
	Развитие информационных технологий и услуг связи	Число абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет, тыс. чел.	Удовлетворенность населения доступностью и качеством услуг связи

Окончание таблицы

Развитие институционального обеспечения	Совершенствование системы государственного и муниципального управления	Развитие процедур оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов; Количество многофункциональных центров предоставления государственных услуг, ед/10000 чел. населения;	Оценка уровня восприятия коррупции в регионе
Обеспечение экологической безопасности	Снижение негативного воздействия на окружающую среду	Объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, приходящихся на единицу площади, тонн/км ² ; Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, приходящихся на единицу площади, м ³ /км ²	Удовлетворенность экологической обстановкой
	Обеспечение устойчивого развития уникальных региональных экосистем	Инвестиции на охрану окружающей среды, тыс. руб.; Доля площади территорий ООПТ в общей площади территорий региона, %	Отсутствуют
Развитие человеческого потенциала	Формирование численности населения и трудовых ресурсов в объемах, необходимых для решения экономических задач	Естественный прирост, тыс. чел. Миграционный прирост, тыс. чел. Доля населения в трудоспособном возрасте, % Уровень общей безработицы (по МОТ), %	Отсутствуют
	Повышение конкурентоспособности кадрового потенциала, рабочей силы и социальных секторов	Доля занятых с высшим профессиональным образованием, %	Удовлетворенность доступностью и качеством профессионального образования
	Рост реальных денежных доходов	Соотношение среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума, %	Удовлетворенность уровнем доходов семьи
	Обеспечение социальной инфраструктурой (здравоохранение, образование)	Сводный индекс уровня развития отраслей социальной инфраструктуры, баллы	Удовлетворенность доступностью и качеством бесплатного дошкольного образования. Удовлетворенность доступностью и качеством медицинского обслуживания. Удовлетворенность условиями для занятия спортом. Удовлетворенность условиями проведения досуга.
	Сохранение и поддержка традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера	Доля КМНС, владеющих национальным языком, % Доля КМНС, работающих не по найму, %	Удовлетворенность условиями проживания.

При обосновании значения весового коэффициента использовалась методика оценки эффективности органов исполнительной власти субъектов РФ, разработанная Министерством регионального развития РФ [7].

Преимущество данного подхода заключается в возможности получения более объективных оценок результатов деятель-

ности органов исполнительной власти за счет корректировки показателей федеральной статистики сведениями социологических опросов. Предложенные индексы результативности позволяют не только оценить итоговую результативность реализации политики в регионах Севера РФ, но и выявить «слабые места» посредством расчета индексов по блокам задач.

Блок 2. *Методика оценки влияния условий на реализацию государственной социально-экономической политики развития северных территорий*

Проблемы социально-экономического развития и практической деятельности органов государственной власти по регулированию развития регионов должны рассматриваться взаимосвязано и системно, посредством проведения анализа условий, влияющих на формирование и реализацию региональной социально-экономической политики, а также их учета при разработке программных и стратегических документов.

Разработанная методика включает типологию условий, систему характеризующих их показателей и алгоритм оценки влияния условий на результативность реализации политики.

В методике учитываются следующие группы условий: ресурсно-климатические; географические; экономические; социальные; демографические; финансовые; институциональные.

Первая группа описывает климатические условия и ресурсный потенциал территории, уровень востребованности которого и особенности освоения определяют основной вектор развития северного региона. Данная группа оценивается по биоклиматическому индексу суровости метеорежима; комплексному индексу обеспеченности природными ресурсами и потенциалу устойчивости природных экосистем, выражаемых в баллах.

Вторая группа характеризует особенности географического и геоэкономического положения северного региона и возможности его использования в целях социально-экономического развития. Эта группа условий оценивается по следующим показателям: ВРП на единицу площади территории (руб./км²); плотность

населения (чел./км²); густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (км/тыс. км²); коэффициент энергообеспеченности региона; стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (в % к среднероссийской стоимости); доля внешнеторгового оборота региона во внешнеторговом обороте страны (%).

Третья группа условий позволяет оценить уровень накопленного экономического потенциала и конкурентоспособности региона. Показателями оценки данных условий являются: объем ВРП на душу населения (руб./чел.); доля ВРП региона в суммарном ВРП РФ (%); стоимость основных фондов (руб./чел.); ВРП на одного занятого в экономике региона (руб./чел.); объем инновационных товаров, работ, услуг (млн. руб.).

Четвертая группа характеризует уровень социального развития территории и связана с формированием уровня жизни населения. Эти условия оцениваются по численности экономически активного населения (тыс. чел.); доле экономически активного населения субъекта РФ в экономически активном населении страны (%); покупательной способности денежных доходов населения (раз); соотношению покупательной способности денежных доходов в регионе к среднероссийскому показателю (%); обороту розничной торговли (млн. руб.); доле оборота розничной торговли региона в общем обороте розничной торговли в России (%).

Пятая группа описывает демографический потенциал населения и особенности воспроизводственных процессов на основе изучения естественного и механического движения населения посредством оценки показателей численности населения региона (тыс. чел.), естественного и миграционного прироста (‰).

Шестая группа позволяет оценить финансовое состояние территории и оценивается при помощи следующих показателей: доля собственных доходов в консолидированном бюджете региона (%); уровень расходов консолидированного бюджета региона на душу населения (руб./чел.).

Седьмая группа характеризует степень вовлеченности региона в программное регулирование социально-экономического развития и уровень дотационности бюджета посредством использования показателей: доля инвестиций из федерального и регионального бюджетов в общей сумме инвестиций в основной капитал региона (%) и доля безвозмездных поступлений в доходах консолидированного бюджета субъекта РФ (%).

Алгоритм оценки влияния условий на показатели результативности государственной политики включает следующие действия:

1. Определение основных групп условий реализации государственной социально-экономической политики развития северных территорий и системы показателей.

2. Построение корреляционной матрицы с целью определения тесноты взаимосвязи между условиями и выделение максимально независимых друг от друга условий.

3. Построение регрессионных моделей с целью установления степени зависимости между показателями, характеризующими условия реализации политики и показателями, отражающими результативность решения задач.

4. Построение модели оценки степени влияния условий реализации политики на результативность целей и задач государственной политики развития северных регионов посредством использования метода равных интервалов.

Использование данной методики позволяет осуществить оценку интенсивности влияния тех или иных условий на реализацию конкретных задач социально-экономической политики.

Блок 3. Оценка качества составления государственных программ северных регионов Российской Федерации

Качественно составленный программный документ повышает возможности его использования как эффективного инструмента реализации социально-экономической политики, а также приводит к более эффективному расходованию бюджетных средств.

На основе анализа государственных документов [1, 2] были сформированы 10 критериев оценки качества составления госпрограмм регионального уровня. Для их количественной оценки предполагается использование балльных методов, что позволяет сопоставить между собой разнообразные критерии качества составления государственных программ и найти сводный показатель, с помощью которого все многообразие изучаемых критериев, сводится к единой величине — баллам.

Критериями качества составления региональных госпрограмм являются:

1. Цель, задачи и приоритеты, сформулированные в государственной программе должны учитывать положения стратегических документов, утвержденных Президентом РФ и Правительством РФ, положения приоритетных национальных проектов и отдельных решений Президента РФ и Правительства РФ.

При оценке рассматриваемого критерия рассчитывается соотношение целевых ориентиров, согласованных в федеральных документах и региональной госпрограмме, и общего количества целевых ориентиров выделенных на федеральном уровне.

2. Соответствие сформулированных в региональной госпрограмме задач и конечных результатов её реализации (согласно принципам БОР).

Для оценки соответствия сформулированных в региональной госпрограмме задач и конечных результатов рассчитывается соотношение количества задач, которым соответствуют конечные результаты и общего числа задач, прописанных в государственной программе.

3. Соответствие показателей региональной государственной программы сформулированным в ней конечным результатам.

Для проведения оценки соответствия показателей и конечных результатов региональной госпрограммы производится расчет соотношения количества конечных результатов, которым соответствуют адекватные показатели их измерения, и общего числа конечных результатов.

4. Соответствие сформулированных в региональной государственной программе задач набору основных мероприятий программы.

Проведение оценки соответствия сформулированных в региональной государственной программе задач набору основных мероприятий программы предполагает расчет соотношения количества задач, которым соответствуют мероприятия по их реализации, и общего числа задач.

5. Соответствие состояния сферы реализации региональной государственной программы заявленным в ней проблемам.

Для оценки рассчитывается соотношение количества проблем, выявленных при помощи анализа статистических данных и согласованных с обозначенными в госпрограмме проблемами, и общего числа выявленных проблем на основе анализа статистических данных.

6. Соответствие сформулированных в государственной региональной программе задач выделенным проблемам.

При оценке данного критерия предлагается расчет соотношения количества проблем, для решения которых в региональной госпрограмме сформулированы соответствующие задачи, и общего количества выделенных в региональной госпрограмме проблем.

Полученные по первым шести критериям значения ранжируются, на основе чего происходит присвоение баллов.

7. Наличие в региональной государственной программе обоснования необходимости финансовых ресурсов на ее реализацию.

8. Учет и анализ рисков в региональной государственной программе.

9. Наличие в региональной государственной программе мер управления рисками.

10. Наличие методики оценки эффективности региональной государственной программы.

По критериям 7-10 присвоение баллов происходит следующим образом: в случае наличия в госпрограмме обоснования необходимых финансовых ресурсов для ее реализации, методики оценки эффективности, учета рисков и наличия мер управления рисками, то ей присваивается 1 балл. В противном случае госпрограмме присваивается – 0 баллов.

Следующим этапом оценки качества составления региональных государственных программ является определение роли каждого критерия путем вычисления весовых коэффициентов. Весовые коэффициенты критериев качества составления региональных государственных программ рассчитываются при помощи метода экспертной оценки, в ходе которой методом

прямого оценивания будут расставлять коэффициенты в долях единицы для каждого критерия: чем больше вклад критерия, тем выше весовой коэффициент. Затем весовые коэффициенты усредняются путем нахождения среднего арифметического.

Последним этапом оценки качества составления региональных госпрограмм является расчет итогового индекса качества составления региональных госпрограмм, который представляет собой сумму баллов по 10 критериям качества с учетом весовых коэффициентов.

Этап 4. Разработка предложений по совершенствованию механизмов и инструментов реализации государственной социально-экономической политики развития северных территорий

На основе проведения комплексной оценки эффективности реализации государственной политики разрабатываются рекомендации для органов государственного управления. Учет различных аспектов оценки позволяет комплексно охарактеризовать процесс реализации поставленных целей и задач с позиции достижения

социально-экономических результатов, интенсивности влияния условий и качества разработки государственных программ. Это позволяет разработать конкретные рекомендации, направленные на оптимизацию развития отдельных составляющих крупных блоков: социально-экономического, средового, институционального.

Достоинством предложенного методического инструментария являются возможность учета региональной, в том числе северной специфики, при постановке и реализации целей и задач политики. Проблемы учета северной специфики актуализируются во многих стратегических и программных документах, однако данный аспект не имеет методического обеспечения. Методический подход позволяет, с одной стороны, взглянуть на проблему эффективности политики комплексно, с другой стороны, дает возможность разработать «точечные» рекомендации по регулированию отдельных сфер социально-экономического развития, а также выявить причины не достижения поставленных целей и задач.

Литература

1. Бачлер, Дж. Оценка региональной политики в Европейском сообществе [Электронный ресурс] / Дж. Бачлер. — Режим доступа: <http://ieie.nsc.ru/~tacis/bachtler-rec.htm>.
2. Внедрение аудита эффективности использования государственных средств в практику деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации: учебно-практическое пособие / под общ. ред. С.В. Степашина. — М., 2006. — 303 с.
3. Достойный труд: теория, методология и методика оценки / отв. ред. ак. А.И. Татаркин; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. — 133 с.
4. Козлова, О.А. Методические подходы к оценке региональной политики занятости населения / О.А. Козлова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 29. — С. 92-98.
5. Козловская, О.В. Внедрение и развитие института оценки регулирующего воздействия при формировании и реализации государственной политики / О.В. Козловская, Р.А. Эльмурзаева // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 363. — С. 165-166.
6. Мадер, Л. Оценка законодательства — вклад в повышение качества законов / Л. Мадер // Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного О-931 семинара. — М.: Издание Государственной Думы, 2003. — 152 с.
7. Маршаков, В.А. Оценивание политик и измерение результативности: мировой опыт и российские перспективы оценивания эффективности государственного управления / В.А. Маршаков // Коллоквиум «Оценивание программ и политик: методология и применение»: сборник материалов. — М.: Дело, 2006. — С. 144-162.

8. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: указ Президента РФ от 28.06.2007 г. № 825 (ред. от 16.01.2015 № 1199) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 27. – Ст. 3256.
9. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008 г. № 607 (ред. от 14.10.2012 № 1384) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 18. – Ст. 2003.
10. Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: приказ Минэкономразвития России от 26.03.2014 г. № 159 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162537/?frame=5.
11. Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации: приказ Министерства экономического развития РФ от 20.11.2013 г. № 690 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2014. – № 17.
12. Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации (ред. от 24.11.2014) [Текст]: Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 года № 588 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 32. – Ст. 4329.
13. Использование информационных систем в реформе местных властей и оценке их развития [Электронный ресурс] / Г. Пилсетниекс, Г. Гутманис и др. // Государственное управление. Электронный вестник МГУ. – 2009. – № 18. – Режим доступа: www.e-journal.spa.msu.ru/images/File/2009/18/Pilsetnieks_Gutmanis_Spade_Bruninieks.pdf.
14. Проект СИРЕНА: опыт влияния государственной политики на региональное развитие / под ред. С.А. Суспицына. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. – 359 с.
15. Социально-экономическая эффективность регионального развития / отв. ред. д.э.н. С.Н. Растворцева. – М.: Экон-Информ, 2011. – 131 с.
16. Суспицын, С.А. Подход к комплексной оценке влияния государственной политики на региональное развитие / С.А. Суспицын // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 3. – С. 42-60.
17. Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area. – Helsinki: European Association for Quality Assurance in Higher Education, 2005. – 41 p.

Анна Андреевна Проворова – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук (163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, aashirikova@mail.ru)

Ольга Владимировна Губина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук (163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru)

Елена Владимировна Смиренникова – кандидат географических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук (163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru)

Анна Вячеславовна Кармакулова – магистрант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru)

Людмила Васильевна Воронина – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архангельский научный центр уральского отделения Российской академии наук (163000, Россия, г Архангельск, ул. Садовая, д. 3, oei2@rambler.ru)

Provorova A.A., Gubina O.V.
Smirennikova E.V., Karmakulova A.V., Voronina L.V.

Methodological Tools for Assessing the Effectiveness of Implementation of the State Social and Economic Development Policy of Russia's Regions

Anna Andreevna Provorova – Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Arkhangelsk Scientific Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya Street, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation, aashirikova@mail.ru)

Ol'ga Vladimirovna Gubina - Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Arkhangelsk Scientific Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya Street, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation, oei2@rambler.ru)

Elena Vladimirovna Smirennikova - Ph.D. in Geography, Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Arkhangelsk Scientific Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya Street, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation, oei2@rambler.ru)

Anna Vyacheslavovna Karmakulova – Master's Degree Student, Federal State-Financed Scientific Institution Arkhangelsk Scientific Centre, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya Street, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation, karmy-anny@yandex.ru)

Lyudmila Vasil'evna Voronina - Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Arkhangelsk Scientific Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya Street, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation, oei2@rambler.ru)

Abstract. The article considers the issues of improvement of methodological support in assessing the effectiveness of the state social and economic policy in relation to Russia's northern regions. It provides a brief analysis of methodological approaches and mechanisms to assess the policies based on the function of the area of assessment, the object, subject and target of assessment, and depending on the methods of estimation. The authors point out the absence of a common approach to interpretation of the notions of "effectiveness" and "performance efficiency" of a policy, this fact leads to ambiguity and complexity of assessment. The methodological tools proposed by the authors for assessing the implementation of the policy include key principles and an algorithm. Assessment of policy effectiveness using the proposed tools includes socio-economic, environmental and institutional components. The socio-economic component involves evaluation of the goals and objectives of the policy with regard to Russia's northern regions on the basis of qualitative and quantitative indicators. The environmental component involves consideration of the impact of territorial conditions on the achievement of goals and objectives. The institutional component includes assessment of the quality of regional state programs. The advantage of this set of methodological tools lies in the fact that it takes into consideration the regional and northern specifics in the policy target-setting, and provides for a comprehensive assessment. This makes it possible to develop specific recommendations for the regulation of various spheres of socio-economic development of Russia's northern regions, and to identify reasons for failures in achieving the set goals and objectives.

Key words: methodological tools, evaluation, state policy, northern region

References

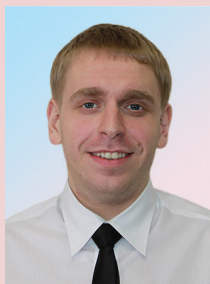
1. Bachler J. *Otsenka regional'noi politiki v Evropeiskom soobshchestve* [Assessment of Regional Policy in European Community]. Available at: <http://ieie.nsc.ru/~taxis/bachtler-rec.htm>.

2. *Vnedrenie audita effektivnosti ispol'zovaniya gosudarstvennykh sredstv v praktiku deyatelnosti kontrol'no-schetnykh organov Rossiiskoi Federatsii: uchebno-prakticheskoe posobie* [Introduction of the Audit of the Effectiveness of the Use of Public Funds in the Practice of Control and Accounts Bodies of the Russian Federation: Textbook]. Under general editorship of S.V. Stepashin. Moscow, 2006. 303 p.
3. *Dostoinyi trud: teoriya, metodologiya i metodika otsenki* [Decent Labor: Theory, Methodology and Assessment Technique]. Executive editor Academician A.I. Tatarkin. Yekaterinburg: IE UrO RAN, 2013. 133 p.
4. Kozlova O.A. Metodicheskie podkhody k otsenke regional'noi politiki zanyatosti naseleniya [Methodological Approaches to Evaluation of Regional Employment Policy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2008, no. 29, pp. 92-98.
5. Kozlovskaya O.V., El'murzaeva R.A. Vnedrenie i razvitiye instituta otsenki reguliruyushchego vozdeistviya pri formirovani i realizatsii gosudarstvennoi politiki [Implementation and Development of the Institute of Regulatory Impact Assessment in the Formation and Implementation of State Policy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2012, no. 363, pp. 165-166.
6. Mader L. Otsenka zakonodatel'stva – vklad v povyshenie kachestva zakonov [Assessment of the Legislation – Contribution to the Improvement of the Quality of Laws]. *Otsenka zakonov i effektivnosti ikh prinyatiya. Materialy Mezhdunarodnogo O-931 seminar* [Evaluation of Laws and the Effectiveness of Their Adoption. Proceedings of the International O-931 Seminar]. Moscow: Izdanie Gosudarstvennoi Dumy, 2003. 152 p.
7. Marshakov V.A. Otsenivanie politik i izmerenie rezul'tativnosti: mirovoi opyt i rossiiskie perspektivy otsenivaniya effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Evaluation of Policies and Measurement of Performance: World Experience and Russian Prospects of Estimating the Efficiency of Public Administration]. *Kollokvium "Otsenivanie programm i politik: metodologiya i primenenie": sbornik materialov* [Colloquium "Evaluation of Programs and Policies: Methodology and Application: Proceedings]. Moscow: Delo, 2006. Pp. 144-162.
8. Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta RF ot 28.06.2007 g. № 825 (red. ot 16.01.2015 № 1199) [On the Assessment of Performance Efficiency of Executive Authorities of Subjects of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of June 28, 2007 No. 825 (Amended on January 16, 2015, Decree No. 1199)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation Legislation], 2007, no. 27, item 3256.
9. Ob otsenke effektivnosti deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 28.04.2008 g. № 607 (red. ot 14.10.2012 № 1384) [On the Assessment of Performance Efficiency of Local Governments of Urban Districts and Municipal Districts: Decree of the President of the Russian Federation dated 28.04.2008 No. 607 (Amended on October 14, 2012, Decree No. 1384)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation Legislation], 2008, no. 18, item 2003.
10. *Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsii po organizatsii i provedeniyu protsedury otsenki reguliruyushchego vozdeistviya proektov normativnykh pravovykh aktov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i ekspertizy normativnykh pravovykh aktov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 26.03.2014 g. № 159* [About the Adoption of Methodological Recommendations on the Organization and Implementation of the Procedure of Assessment of Regulatory Impact of Draft Normative Legal Acts of Subjects of the Russian Federation and the Expert Assessment of Normative Legal Acts of Subjects of the Russian Federation: Order of the Ministry of Economic Development of Russia of March 26, 2014 No. 159]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162537/?frame=5.
11. Ob utverzhdenii Metodicheskikh ukazanii po razrabotke i realizatsii gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii: prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 20.11.2013 g. № 690 [On the Approval of Methodological Guidelines for the Development and Implementation of State Programs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of November 20, 2013 No. 690]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti* [Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Authorities], 2014, no. 17.
12. Ob utverzhdenii Poryadka razrabotki, realizatsii i otsenki effektivnosti gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii (red. ot 24.11.2014): Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 2 avgusta 2010 goda № 588 [On the Approval of the Procedure for the Development, Implementation and Evaluation of the Effectiveness of State Programs of the Russian Federation (as Amended on November 24, 2014): RF Government Resolution of August 2, 2010 No. 588]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Russian Federation Legislation], 2010, no. 32, item 4329.
13. Pilsetnieks G., Gutmanis G. et al. Ispol'zovanie informatsionnykh sistem v reforme mestnykh vlastei i otsenke ikh razvitiya [The Use of Information Systems in the Reform of Local Authorities and Evaluation of Their

Development]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik MGU* [Public Administration. Electronic Herald of MSU], 2009, no. 18. Available at: www.e-journal.spa.msu.ru/images/File/2009/18/Pilsetnieks_Gutmanis_Spade_Bruninieks.pdf.

14. Proekt SIRENA: opyt vliyaniya gosudarstvennoi politiki na regional'noe razvitie [SIREN Project: Experience of the Influence of State Policy on Regional Development]. Ed. by S.A. Suspitsyn. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2002. 359 p.
15. *Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' regional'nogo razvitiya* [Socio-Economic Efficiency of Regional Development]. Executive Editor Doctor of Economics S.N. Rastvortseva. Moscow: Ekon-Inform, 2011. 131 p.
16. Suspitsyn S.A. Podkhod k kompleksnoi otsenke vliyaniya gosudarstvennoi politiki na regional'noe razvitie [Comprehensive Approach to Assessing the Impact of State Policy on Regional Development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2000, no. 3, pp. 42-60.
17. *Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area*. Helsinki: European Association for Quality Assurance in Higher Education, 2005. 41 p.

Организационно-экономический механизм управления промышленным комплексом как инструмент развития экономики региона

**Евгений Александрович
МАЗИЛОВ**

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, eamazilov@mail.ru

**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

доктор экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, gil@vscc.ac.ru

Аннотация. Эффективное функционирование экономики возможно только на основе успешной деятельности всех отраслей народного хозяйства, и в первую очередь промышленности. Поскольку обеспечить необходимый уровень экономического роста и достойное качество жизни населения могут лишь регионы с развитым промышленным комплексом. Однако в нем за годы рыночных реформ сложился целый ряд системных проблем, решение которых требует осуществления глубоких преобразований – активного использования достижений научно-технического прогресса и формирования принципиально нового подхода к процессу развития этой отрасли. Функционирование современной экономики во многом зависит от эффективности созданного в ней механизма управления. Поэтому решение задач модернизации и повышения конкурентоспособности промышленного комплекса целесообразно начать именно с корректировки сложившейся системы управления. В статье обозначены ключевые проблемы промышленного комплекса, представлена типология регионов по уровню его развития. Обосновано, что именно инновационная деятельность оказывает наибольшее влияние на его функционирование. Кроме того, приведены результаты математического моделирования влияния основных составляющих инновационной

деятельности на объем продукции, отгруженной предприятиями промышленного комплекса субъектов РФ. Внесены предложения по корректировке существующего механизма управления региональным промышленным комплексом, представлены приоритеты его развития на долгосрочную перспективу. Автором также обоснована точка зрения о необходимости формирования в регионе фонда развития промышленных технологий.

Ключевые слова: регион; промышленный комплекс; организационно-экономический механизм; инновационная деятельность; типология; математическое моделирование.

Промышленный комплекс является основой экономики Российской Федерации, обеспечивая все отрасли народного хозяйства средствами труда, гарантируя экономическую безопасность государства и достойный уровень жизни населения. В 2013 г. более 32% ВВП приходилось на предприятия обрабатывающей, добывающей промышленности, а также организации по производству и передаче электроэнергии, газа и воды (рис. 1). На протяжении девяти лет, начиная с 2005 г., данный показатель значительно не изменялся, составляя заметную долю в ВВП.

Однако кризисные явления в экономике последних лет оказали существенное влияние на объемы продукции, отгруженной предприятиями промышленного комплекса (рис. 2). Так, по сравнению с 2005 г. в 2013 г. производство продукции обрабатывающей промышленности выросло лишь на 29%, показав значительное падение в 2009 г., а добывающей промышленности – на 14%. Объемы производства и распределения электроэнергии, газа и воды остались на уровне 2005 г. Для сравнения: за данный период промышленность Китая выросла в 2,4 раза [9]. По мнению ведущих

Рисунок 1. Структура ВВП Российской Федерации в 2005–2013 гг., % [12, 13]

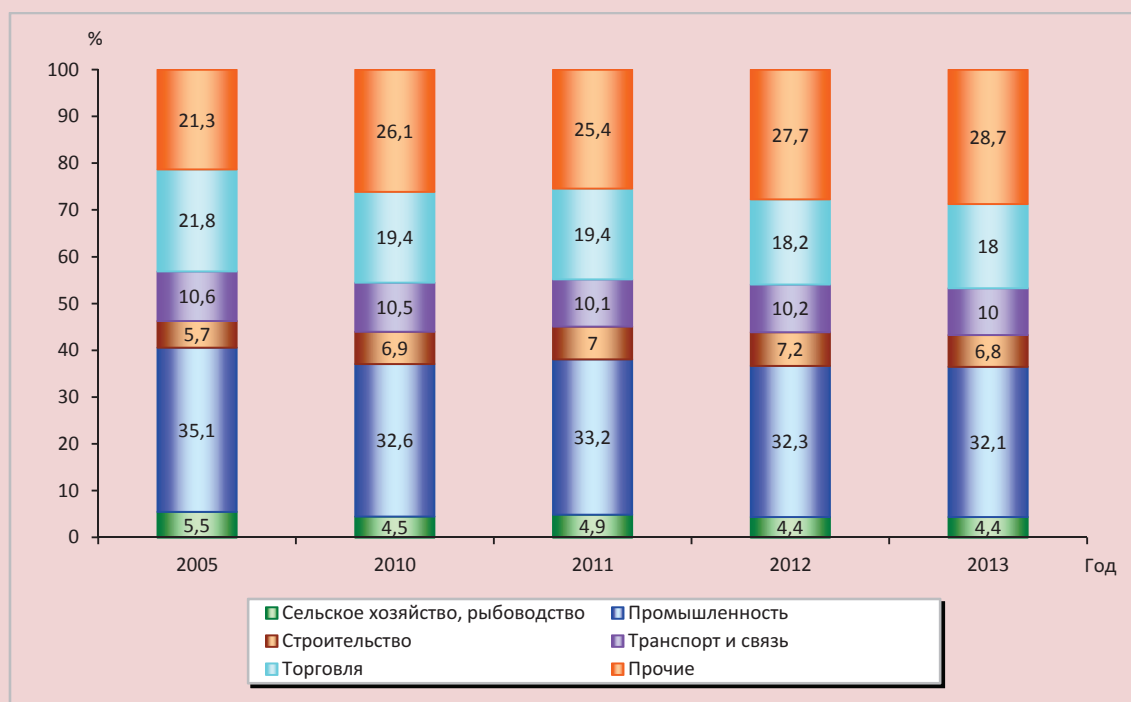
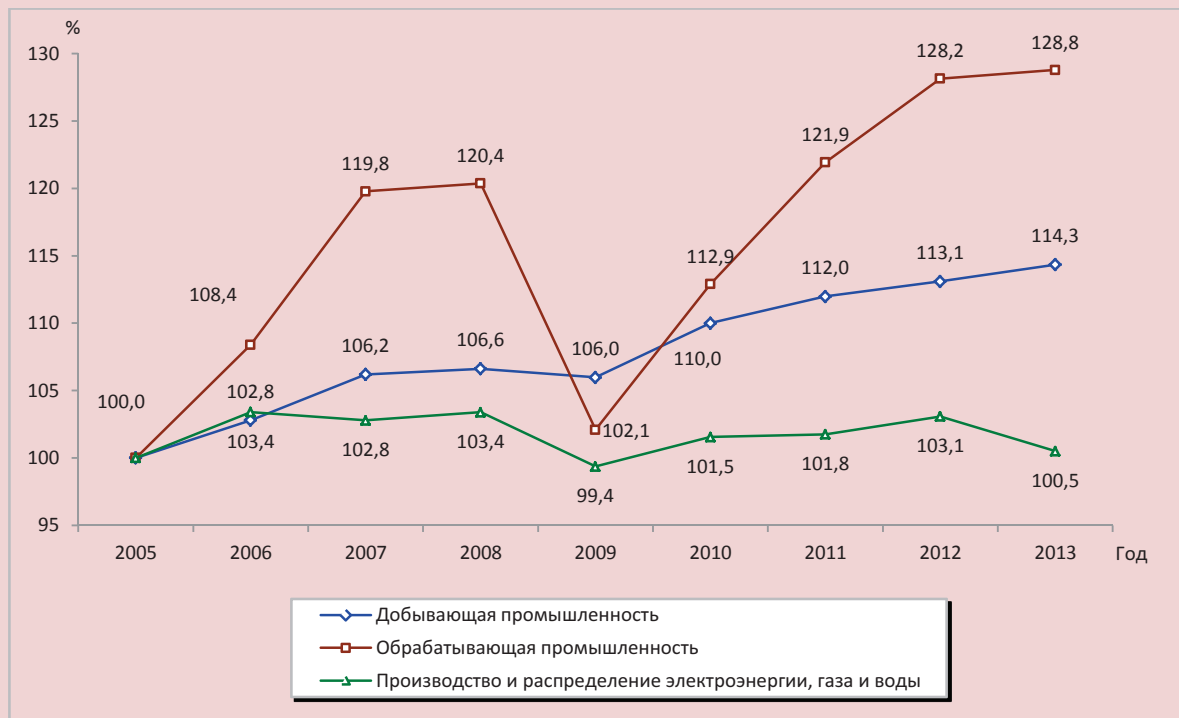

Рисунок 2. Динамика промышленного производства Российской Федерации в 2005–2013 гг. (2005 = 100), % [12, 13]

ученых [15], темпы роста промышленного производства в развитых и новых индустриальных странах достигали 7–8,5% в год. Таким образом, можно говорить о недостаточно активном развитии промышленного комплекса России.

Анализ его структуры показал, что более 65% продукции производится предприятиями обрабатывающего сектора (табл. 1). В 2013 г. каждый пятый рубль отгруженной продукции приходился на химическое производство, производство кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий. В то же время сложилась тенденция к росту данного вида производства – за исследуемый период его доля увеличилась на 4,6 п.п. (до 21,5%).

К положительным моментам можно отнести незначительный рост (на 1,6 п.п.) производства машин, транспортных средств и оборудования, электрооборудо-

вания, электронного и оптического оборудования – до 14,6% в 2013 г. В структуре промышленного производства ведущих мировых экономик аналогичный показатель достигает 50%. Доля машиностроения в Китае и Франции составляет 35–40%, в США – 46%, Японии и Германии – 51–54%) [8]. Таким образом, в целом динамика значений по России не показывает ухудшения структурных пропорций промышленного комплекса, но основные показатели не соответствуют мировым тенденциям и свидетельствуют о недостаточном уровне развития ведущей отрасли промышленности.

Заметим, что основные индикаторы развития промышленного комплекса в 2005–2013 гг. показывают отсутствие существенных изменений (табл. 2). Так, по-прежнему очень высок (45,7%) износ основных производственных фондов (ОПФ).

Таблица 1. Структура промышленного комплекса РФ в 2005–2013 гг., %*

Группы отраслей	Год					Абс. отклонение 2013–2005 гг.
	2005	2010	2011	2012	2013	
Обрабатывающие производства В том числе:	65,1	65,6	65,1	65,7	65,6	0,5
- химическое производство, производство кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий	16,9	19,3	19,7	20,3	21,5	4,6
- производство машин, транспортных средств и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования	13,0	12,9	14,0	14,7	14,6	1,6
- производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	10,9	11,5	10,3	10,5	10,3	-0,6
- металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	13,9	12,1	11,5	10,5	9,6	-4,3
- прочие виды производств	3,1	3,2	3,1	3,2	3,2	0,1
- производство прочих неметаллических минеральных продуктов	3,1	2,9	2,9	3,0	3,0	-0,1
- целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	2,3	2,1	2,0	2,0	1,8	-0,5
- обработка древесины и производство изделий из дерева	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	-0,1
- текстильное, швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и обуви	0,9	0,8	0,7	0,7	0,7	-0,2
Добыча полезных ископаемых	22,5	21,7	22,9	23,4	23,5	1,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	12,4	12,7	12,0	10,9	10,9	-1,5

* Рассчитано автором на основе данных [12, 13].

Таблица 2. Основные показатели функционирования промышленного комплекса Российской Федерации в 2005–2013 гг.*

Показатель	Год					Абс. отклонение 2013–2005 гг.
	2005	2010	2011	2012	2013	
Уровень износа ОПФ, %	48,0	43,9	44,6	44,5	45,7	-2,3
Доля занятых в промышленности в общей численности экономически активного населения, %	19,7	17,6	17,5	17,4	17,3	-2,4
Инвестиции в основной капитал предприятий промышленности на одно предприятие промышленности, млн. руб.	2,5	8,0	8,8	10,2	11,2	8,7
Уровень инновационной активности, %	9,7	9,5	10,4	10,3	10,1	0,4
Количество используемых производственных технологий в расчете на одно предприятие промышленности	0,3	0,5	0,4	0,4	0,4	0,1

* Рассчитано автором на основе данных [12, 13].

Количество работников предприятий промышленности имеет незначительную, но устойчивую тенденцию к снижению: их доля в общей численности экономически активного населения составляет лишь 17,3%, что меньше уровня 2005 г. на 2,4 п.п.

Одним из немногих показателей, демонстрирующих рост, является объем инвестиций в основной капитал промышленных предприятий (в расчете на одно предприятие). Данный показатель за анализируемый период увеличился на

8,7 млн. руб., составив в 2013 г. 11,2 млн. руб. в расчете на одно промышленное предприятие.

Уровень инновационной активности предприятий промышленного комплекса составляет порядка 10%, что намного ниже, чем в странах-лидерах. Так, в Германии удельный вес организаций промышленности, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций достигает 80%, в Финляндии – 52%, во Франции – 50% [4, 7]. К тому же количество используемых передовых производственных технологий в расчете на одно промышленное предприятие осталось на уровне 2005 г., что, несомненно, является негативным результатом.

В целях устранения диспропорций в развитии промышленного комплекса необходимо создавать условия для активного функционирования новых высокотехнологичных отраслей. Это повысит эффективность деятельности промышленного комплекса в целом, активизирует инвестиционные процессы. Существующие проблемы являются в основном системными, с ними сталкиваются многие субъекты РФ. В связи с этим выявление общих закономерностей и негативных тенденций в их развитии, а также определение регионов-лидеров возможно лишь на основе проведения типологии субъектов и их дальнейшей группировки.

Выполненное исследование существующих подходов к оценке состояния и уровня развития промышленного комплекса региона [2, 3, 6, 11, 14] показало, что все они не соответствуют в полной мере таким критериям, как: доступность и объективность исходных данных; простота расчетов; наглядность результатов; учет инновационной составляющей развития; количественные и качественные показатели, что не позволяет в достаточной степени

оценить состояние промышленного комплекса отдельно взятого региона.

Исходя из этого предложена методика оценки уровня развития промышленного комплекса на основе расчета интегрального показателя, базирующегося на основных факторах его развития, количественных и качественных характеристиках, а также учитывающего инновационную составляющую и результаты функционирования.

В соответствии с решаемой задачей на первом этапе была разработана система показателей, позволяющая на основе комплексного подхода оценить уровень развития регионального промышленного комплекса. Система содержит два блока показателей: факторные и результирующие. Один блок характеризует основные факторы: ОПФ, трудовые, инвестиционные и использование в производственном процессе инновационно-технологических ресурсов. Другой блок иллюстрирует результаты деятельности промышленного комплекса. Для более объективной и всесторонней оценки каждого из представленных ресурсов выбраны два типа показателей: количественный и качественный.

На втором этапе был определен индекс состояния всех выделенных факторов развития промышленности, а также результатов функционирования промышленности, который представляет собой среднее квадратическое значение стандартизованных коэффициентов двух входящих в него показателей.

На третьем этапе сформирован интегральный показатель. Для отражения значимости каждого выделенного блока, характеризующего состояние основных факторов развития промышленности, целесообразно использовать среднее квадратическое значение индексов, входящих в интегральный показатель.

На четвертом этапе проведена классификация и соотнесение интегральной оценки состояния промышленности регионов по группам, характеризующим возможности развития производства. Пороговые значения интегрального показателя оценки находятся в пределах от 0 до 1 (табл. 3). Таким образом, можно выделить пять уровней развития промышленности региона

Необходимо отметить, что результаты, полученные в рамках данной методики, позволяют осуществлять группировку регионов по уровню развития промышленности, тем самым проводя их типологию и выделяя схожие субъекты.

Как показали расчеты, в рейтинге субъектов РФ по уровню развития промышленного комплекса Вологодская область в 2013 г. находилась на 9 месте (табл. 4).

Субъектами-лидерами стали Сахалинская область, Приморский край, Тюменская область (за счет реализации крупных инвестиционных проектов в промышленности Дальнего Востока, развития нефтедобычи, активизации инновационных процессов в регионах) и г. Москва (зарегистрировано множество предприятий, расположенных в других субъектах). В первую десятку входят также Ленинградская, Магаданская, Калужская, Кемеровская области и Чукотский автономный округ.

В нижней десятке расположились регионы, основой экономики которых является сельское хозяйство, и регионы Северо-Кавказского федерального округа.

Таким образом, согласно полученным данным, в 2013 г. в стране не было регионов, относящихся к группе с высоким уровнем развития промышленности,

Таблица 3. Классификация интегральной оценки измерения уровня развития промышленности региона*

№ интервала	Уровень развития промышленности	Границы интервала
1	Высокий	$0,8 < I < 1,0$
2	Выше среднего	$0,6 < I < 0,8$
3	Средний	$0,4 < I < 0,6$
4	Ниже среднего	$0,2 < I < 0,4$
5	Низкий	$0 < I < 0,2$

* Составлено автором.

Таблица 4. Рейтинг субъектов РФ по уровню развития промышленного комплекса в 2013 г.* (представлены первые и последние 10 регионов)

Субъект РФ	Индекс	Место в рейтинге	Субъект РФ	Индекс	Место в рейтинге
Сахалинская область	0,790	1	Астраханская область	0,287	71
Приморский край	0,605	2	Курганская область	0,287	72
Тюменская область	0,552	3	Республика Адыгея	0,286	73
г. Москва	0,502	4	Чеченская Республика	0,282	74
Ленинградская область	0,464	5	Краснодарский край	0,264	75
Магаданская область	0,461	6	Ставропольский край	0,249	76
Чукотский АО	0,460	7	Еврейская АО	0,220	77
Калужская область	0,460	8	Республика Ингушетия	0,208	78
Вологодская область	0,447	9	Республика Дагестан	0,202	79
Кемеровская область	0,443	10	Республика Северная Осетия–Алания	0,197	80

* Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики [12, 13].

и лишь два региона входило в группу с уровнем «выше среднего». Вологодская область, наряду еще с 24 регионами, имела «средний» уровень развития промышленного комплекса.

Рассчитанные в рамках типологии регионов показатели позволили провести корреляционный анализ влияния основных факторов развития промышленного комплекса на результирующий фактор. Судя по данным анализа, в наибольшей степени на состояние промышленного сектора влияет инновационно-технологический фактор (коэффициент корреляции составляет 0,446). В меньшей степени – трудовые (0,371), инвестиционные (0,305) и производственные (0,215) ресурсы. Зависимость выявлялась на основе анализа показателей, отобранных в методике оценки уровня развития промышленного комплекса за 2005–2013 гг. по 80 субъектам РФ.

Для оценки наиболее значимых составляющих инновационно-технологического фактора целесообразно провести математическое моделирование инновационных процессов. На основе результатов типологии субъектов РФ по уровню развития промышленного комплекса были отобраны 24 из них, относящиеся к той же группе, что и Вологодская область. Далее был собран массив из 41 показателя за 2005–2013 гг. Таким образом, количество наблюдений составило 225 единиц. Корреляционный анализ позволил выделить в данной совокупности факторы, которые в наибольшей

степени коррелируют с результирующим показателем «объем отгруженной продукции предприятиями промышленности». В результате проведения корреляционно-регрессионного анализа и оценки мультиколлинеарности факторных переменных были выбраны наиболее информативные показатели, на основании которых вычислено уравнение регрессии (табл. 5).

Справедливость полученной математической модели подтверждается высоким значением корреляции – 0,74, значимым коэффициентом детерминации (выше 0,561), высоким значением критерия Фишера. Найденная зависимость позволила установить, что увеличение количества выданных в России патентов, используемых передовых производственных технологий, а также затрат на технологические инновации оказывает наибольшее влияние на рост объемов отгруженной продукции предприятий промышленности. Как следствие, реализация мероприятий, способствующих повышению именно этих показателей, станет наиболее эффективным катализатором роста объемов отгруженной продукции. При этом взаимодействие выделенных факторов позволит достичь максимального экономического эффекта от затраченных ресурсов.

Достижение роста перечисленных выше показателей возможно только на основе совершенствования подхода к управлению региональным промышленным комплексом.

Таблица 5. Математическая модель и ее характеристика

Факторы	Характеристика математической модели
$V = 171300,9 + 107,6 \times X_1 + 32,5 \times X_2 + 19,5 \times X_3 + \epsilon$	
V – объем отгруженной продукции предприятиями промышленности, млн. руб.; X ₁ – количество выданных в России патентов, ед.; X ₂ – количество используемых передовых производственных технологий, ед.; X ₃ – затраты на технологические инновации, млн. руб.	R _{коэф. корреляции} = 0,74 R _{коэф. детерминации} = 0,561; F _{Фишера} (3,221) = 94,21; p-уровень < 0,00001.

Предлагаемая структура организационно-экономического механизма управления основана на системе управления региональным промышленным комплексом, сложившейся в Вологодской области¹, а также предусматривает корректировку существующих взаимосвязей и формирование новых объектов, субъектов, методов и инструментов управления (рис. 3). Представленный механизм создается и приводится в действие органами регионального управления, которые руководствуются своей региональной политикой, опирающейся на приоритеты инновационного развития, определяемые органами федеральной власти и обозначенные в основных документах социально-экономического развития государства. Вместе с тем рассматриваемый механизм управления формируется на основе принципов регионального управления, присущих ему функций, специфики построения внутрирегионального взаимодействия, имеющихся ресурсов и современных технологий управления.

В составе организационно-экономического механизма регионального промышленного комплекса выделяются три блока.

Первый блок – система управления функционированием промышленного комплекса региона. В блок входят органы государственной власти и управления, регулирующие деятельность промышленного комплекса, а также общественные организации, советы, которые регулируют отношения между организациями в рамках отдельно взятых отраслей и реализуют представительские функции бизнеса в

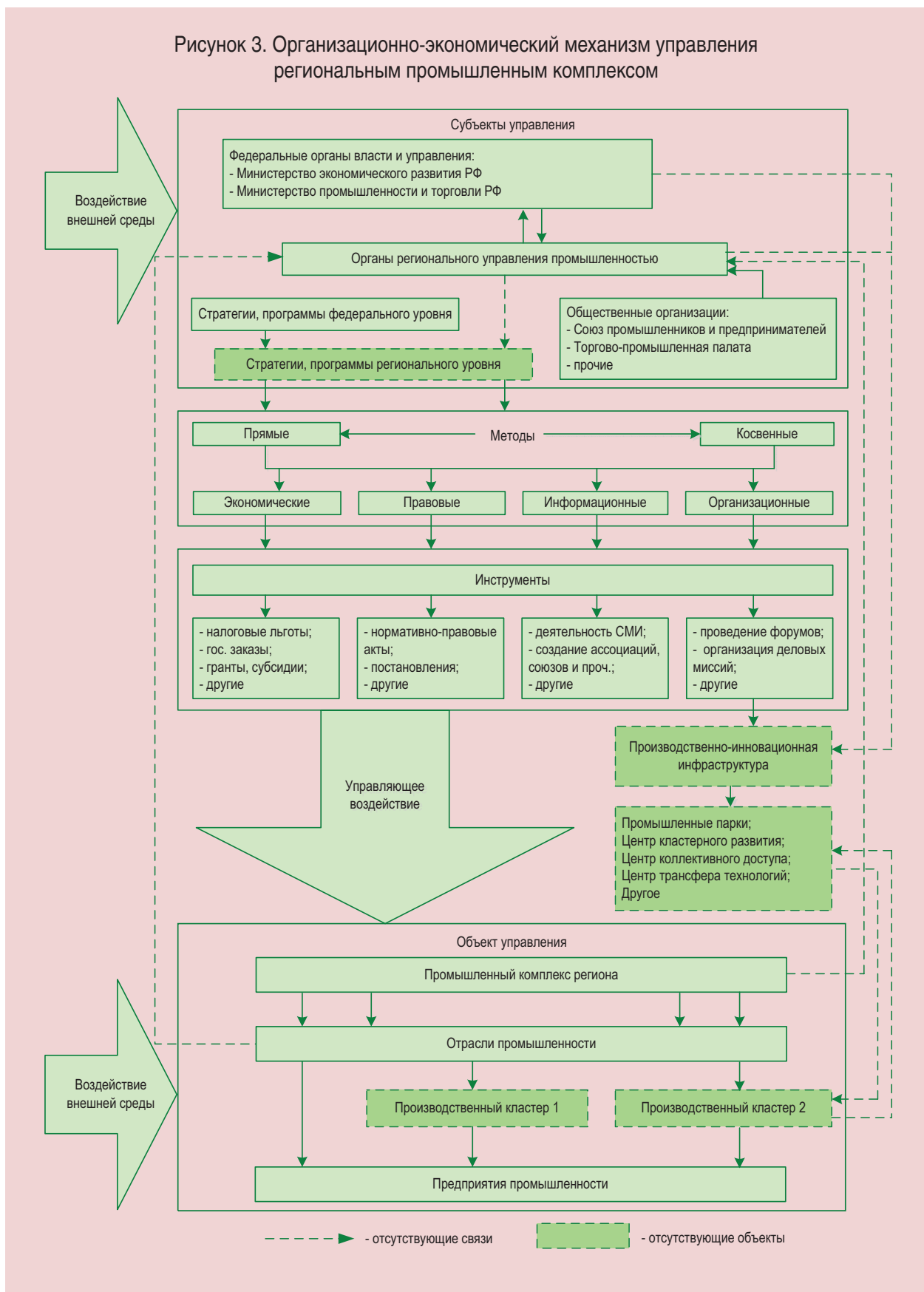
¹ Исследование системы управления промышленным комплексом Вологодской области проведено в работах автора: статье «Промышленная политика как механизм регионального развития» [1] и отчете о НИР «Исследование методов повышения инновационности экономики региона» [10].

органах власти и управления. Кроме того, данный блок призван формировать институциональные рамки, благоприятствующие активизации инновационных процессов в региональном промышленном комплексе. Основу блока составляют концепция и стратегия развития промышленного комплекса, отраслевые стратегии, федеральные целевые программы, целевые региональные и муниципальные программы и проекты.

Принципиальным в механизме управления является второй блок, представляющий собой совокупность методов и инструментов. Методы могут меняться в зависимости от поставленных задач, ресурсной базы региона, опыта управления и ряда других аспектов. По характеру воздействия на объект управления методы, заложенные в основу механизма управления промышленностью, могут быть разделены на прямые и косвенные, а по виду функциональной направленности – классифицированы на следующие группы: экономические, правовые, информационные, организационные. Широкий спектр методов позволяет дифференцированно подходить к их выбору в зависимости от особенностей этапов инновационного развития промышленного комплекса.

Что касается другой составляющей данного блока – совокупности инструментов воздействия, их количества, возможных сочетаний, то степень их использования может принимать различные значения в зависимости от конкретных задач, решений, ситуаций. Поэтому всегда необходимо учитывать определенную комплексность влияния разных инструментов, в совокупности составляющих системный инструментальный механизм. Набор конкретных инструментов постоянно испытывает воздействия и претерпевает изменения под влиянием

Рисунок 3. Организационно-экономический механизм управления региональным промышленным комплексом

внешних и внутренних факторов. Вместе с тем появляются новые инструменты, совершенствуются элементы системы регионального управления (органы управления, структуры, ресурсы, технологии и др.).

При этом необходимо подчеркнуть, что использование ряда методов не может быть жестко заданным для различных стадий перехода на инновационный путь, осуществляемого промышленным комплексом, так как по мере его развития они должны меняться (пересматриваться целесообразность их применения). Это, в свою очередь, требует гибкой и мобильной системы управления промышленностью в целом.

Третий блок представляет собой объект управления. В него входят как традиционные для региона отрасли и предприятия промышленного комплекса, так и рекомендуемые к созданию производственные кластеры.

Помимо основных блоков на схеме (см. рис. 3) отражены процессы взаимодействия и связи между отдельными составляющими механизма. Так, необходимо прежде всего восстанавливать нарушенные и функционирующие не в полную силу связи между отдельными отраслями промышленного комплекса и органами власти и управления. Кроме того, требуется активизировать инновационные процессы, формировать и совершенствовать производственно-инновационную инфраструктуру, которая является одним из наиболее эффективных инструментов развития данных процессов, а также производственные кластеры. И самое главное — активизировать деятельность по разработке соответствующих стратегических документов.

В связи с этим целью современного этапа развития промышленного комплекса Вологодской области может являться формирование на базе системной модерниза-

ции имеющихся ресурсного, трудового, производственного и инновационно-технологического потенциала современного высокотехнологичного промышленного комплекса, способного обеспечить удвоение валового регионального продукта, удовлетворение потребностей области в основных видах конкурентоспособной продукции, значительное увеличение поступлений денежных средств в областной бюджет, существенное повышение качества жизни населения.

Достижение этой цели требует поэтапного развития промышленного комплекса. На наш взгляд, целесообразно выделить два основных этапа его модернизации (рис. 4).

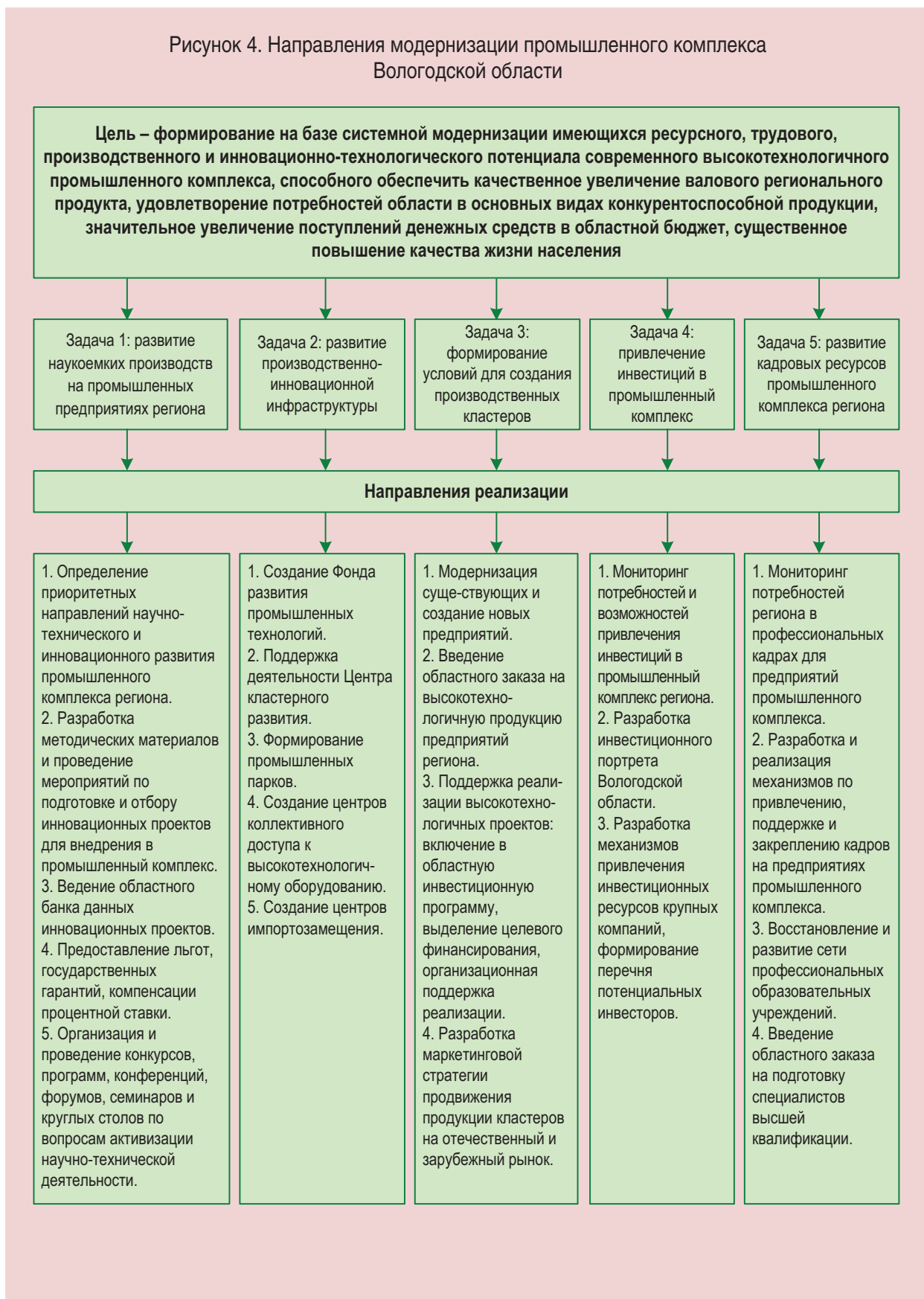
Первый этап предполагает решение следующих задач:

1. Развитие наукоемких производств на промышленных предприятиях региона.
2. Развитие инфраструктуры промышленной деятельности в целях привлечения уникальных и прогрессивных технологий в промышленный комплекс, продвижения на рынок инновационной продукции.
3. Формирование условий для создания машиностроительного кластера.
4. Финансирование и привлечение инвестиций в промышленный комплекс.
5. Развитие кадровых ресурсов промышленного комплекса.

Успешная реализация первого этапа позволит стабилизировать ситуацию в регионе, создать отраслевые производственные кластеры, нацеленные на выпуск новой высокотехнологичной продукции.

В рамках второго этапа, характеризующегося устойчивым развитием промышленного комплекса региона и дальнейшим ростом эффективности производства, будет продолжаться дальнейшее активное развитие высокотехнологичных производств, производственных кластеров и

Рисунок 4. Направления модернизации промышленного комплекса Вологодской области

создание инновационно-активных предприятий. Кроме того, будет повышаться инвестиционная привлекательность промышленности, успешно развиваться региональная производственно-инновационная инфраструктура.

Результатом выполнения второго этапа станет устойчивый рост эффективности промышленного производства и конкурентоспособности выпускаемой продукции.

Реализация этих направлений будет способствовать диверсификации структуры промышленного комплекса и раз-

витию технологического потенциала региона, что приведет к повышению конкурентоспособности его экономики. Кроме того, это повлечет за собой рост к 2020 г. темпов промышленного производства до 7–8% в год (до уровня развитых и новых индустриальных стран), а также позволит повысить уровень инновационной активности предприятий до 25–30% и количество используемых передовых производственных технологий в расчете на одно предприятие промышленности до 1–1,5 единицы.

Литература

1. Мазилев, Е.А. Промышленная политика как механизм регионального развития / Е.А. Мазилев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 187-194.
2. Грибанова, О.А. Экономика отрасли (машиностроение): учебное пособие / О.А. Грибанова, О.Г. Моронова. – Вологда: ВоГТУ, 2008. – 143 с.
3. Калинина, В.В. Современные подходы к оценке промышленного комплекса региона / В.В. Калинина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экон. экол. – Волгоград: ВГУ, 2011. – № 2 (19).
4. Маковеев, В.Н. Зарубежный опыт становления наукоемких производств / В.Н. Маковеев // Вестник ЧГУ. – 2013. – № 3 (50). – С. 62-67.
5. Маковеев, В.Н. Оценка уровня развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности региона / В.Н. Маковеев // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 26–27 марта 2015 г. – СПб., 2015. – С. 334-337.
6. Нажмутдинов, Т.К. Оценка эффективности функционирования промышленного комплекса региона в конкурентной среде / Т.К. Нажмутдинов // Аудит и финансовый анализ. – 2007. – № 2. – Режим доступа: <http://www.auditfin.com/fin/2007/2/Nagmutdinov/Nagmutdinov%20.pdf>.
7. Официальный сайт Евростата. – Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.
8. Петров, А.Б. Посткризисные проблемы развития российского машиностроения / А.Б. Петров // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2 (38). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3631>.
9. Электронный ресурс о мировой экономике, мировых товарных и финансовых рынках. – Режим доступа: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=china&table=ipecia>
10. Исследование методов повышения инновационности экономики региона : заключительный отчет о НИР / исполн. С.В. Теребова, Е.А. Мазилев. – Вологда, 2014. – 146 с.
11. Сатунина, Т.А. Совершенствование методического инструментария оценки эффективности промышленной политики в Российской Федерации / Т.А. Сатунина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/117-13606>.
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: www.gks.ru.
13. Единая межведомственная информационно-статистическая система. – Режим доступа: www.fedstat.ru.
14. Сафина, А.И. Методика оценки социально-экономической эффективности региональной промышленной политики / А.И. Сафина // Эксперт. – 2009. – № 14. – С. 32-37.
15. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – С. 103.

Евгений Александрович Мазилев – и.о. заведующего лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, eamazilov@mail.ru)

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, gil@vscc.ac.ru)

Mazilov E.A., Gulin K.A.

Organizational-Economic Mechanism for Industrial Complex Management as a Tool of Regional Economic Development

Evgenii Aleksandrovich Mazilov – Acting Laboratory Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, eamazilov@mail.ru)

Konstantin Anatol'evich Gulin – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, gil@vscc.ac.ru)

Abstract. Effective functioning of economy is possible only if all economic sectors function successfully. However, only the regions with a developed industrial complex can provide a decent quality of life and promote economic growth. At the same time, certain systemic problems have emerged in the industrial complex during the years of market reforms; these problems can be solved only with the help of profound and comprehensive transformations, such as an extensive use of advanced scientific and technological achievements and the formation of a fundamentally new approach to the development of the industrial complex. Under current economic conditions the functioning and development of the industrial complex depends to a great extent on the efficiency of their management mechanism. Therefore, it is expedient to begin modernization of the industrial complex and enhance its competitiveness with the changes in the existing management system. The paper outlines main problems in the development of the industrial complex, presents the typology of regions according to the level of development of the industrial complex. The authors prove that innovation has the greatest effect on the performance of the industrial complex. In addition, the article presents the results of mathematical modeling of the influence of the main components of innovative activity on the volume of shipped products by enterprises of Russia's industrial complex. The authors put forward their suggestions concerning the adjustment of existing mechanism for the regional industrial complex management and present the priorities of its development in the long term. The authors also substantiate a viewpoint about the necessity of establishing a Foundation for the development of industrial technology in the region.

Key words: region, industrial complex, organizational-economic mechanism, innovation activity, classification, mathematical modeling.

References

1. Mazilov E. A. Promyshlennaya politika kak mekhanizm regional'nogo razvitiya [Industrial Policy as a Mechanism of Regional Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 1, pp. 187-194.

2. Griбанова О.А., Моронова О.Г. *Экономика отрасли (машиностроение): учебное пособие* [Economics of an Industry (Mechanical Engineering): Textbook]. Volgda: VoGTU, 2008. 143 p.
3. Kalinina V.V. Sovremennye podkhody k otsenke promyshlennogo kompleksa regiona [Current Approaches to the Assessment of the Regional Industrial Complex]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3, Ekon. Ecol.* [Volgograd State University Bulletin. Series 3, Econ. Ecol.], 2011, no. 2 (19).
4. Makoveev V.N. Zarubezhnyi opyt stanovleniya naukoemkikh proizvodstv [Foreign Experience of Formation of Knowledge-Intensive Production Works]. *Vestnik ChGU* [Cherepovets State University Bulletin], 2013, no. 3 (50), pp. 62-67.
5. Makoveev V.N. Otsenka urovnya razvitiya innovatsionnoi deyatel'nosti v obrabatyvayushchei promyshlennosti regiona [Assessment of the Level of Development of Innovation Activity in the Manufacturing Sector of the Region]. *Sovremennyy menedzhment: problemy i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 26 – 27 marta 2015 g., g. Sankt-Peterburg* [Modern Management: Problems and Prospects: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference March 26 – 27, 2015, Saint Petersburg]. 2015. Pp. 334-337.
6. Nazhmutdinov T.K. Otsenka effektivnosti funktsionirovaniya promyshlennogo kompleksa regiona v konkurentnoi srede [Performance Evaluation of Operation of the Industrial Complex of Locale in the Competitive Environment]. *Audit i finansovyi analiz* [Audit and Financial Analysis], 2007, no. 2. Available at: <http://www.auditfin.com/fin/2007/2/Nagmutdinov/Nagmutdinov%20.pdf>.
7. *Ofitsial'nyi sait Evrostat* [Official Website of Eurostat]. Available at: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.
8. Petrov A.B. Postkrisisnye problemy razvitiya rossiiskogo mashinostroeniya [Post-Crisis Problems in the Development of Russian Machine-Building]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2011, no. 2 (38). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3631>.
9. *Sait o mirovoi ekonomike, mirovykh tovarnykh i finansovykh ryunkakh* [Website about Global Economy, Global Commodity Markets and Financial Markets]. Available at: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=china&table=ipecia>
10. Terebova S.V., Mazilov E.A. *Issledovanie metodov povysheniya innovatsionnosti ekonomiki regiona: zaklyuchitel'nyi otchet o NIR* [A Study of Methods for Increasing the Innovativeness of the Region's Economy: Final Research Report]. Volgda, 2014. 146 p.
11. Satunina T.A. Sovershenstvovanie metodicheskogo instrumentariya otsenki effektivnosti promyshlennoi politiki v Rossiiskoi Federatsii [The Improvement of Methodological Efficiency Assessment Tools of Industrial Policy in the Russian Federation]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2014. Available at: <http://www.science-education.ru/117-13606>.
12. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: www.gks.ru.
13. *Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema* [Unified Interdepartmental Information and Statistical System]. Available at: www.fedstat.ru.
14. Safina A.I. *Metodika otsenki sotsial'no-ekonomicheskoi effektivnosti regional'noi promyshlennoi politiki* [Methods of Assessing the Socio-Economic Efficiency of Regional Industrial Policy]. *Ekspert* [The Expert], 2009, no. 14, pp. 32-37.
15. Glaz'ev S.Yu. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [The Strategy of Accelerated Development of Russia in Conditions of the Global Crisis]. Moscow: Ekonomika, 2010. P. 103.

Стратегические основы реализации потенциала импортозамещения на примере железнодорожного машиностроения*

**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

доктор экономических наук
Институт экономики Уральского отделения РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, K515L@mail.ru

**Лидия Михайловна
АВЕРИНА**

Институт экономики Уральского отделения РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, Laverina@mail.ru

Аннотация. Экономика России на сегодняшний день характеризуется импортозависимостью в ряде стратегически важных отраслей экономики. Последние экономические и политические события: обострение геополитической ситуации и следующее за этим прекращение экономического партнерства с рядом зарубежных стран и субъектов, а также заявленный правительством курс на снижение импортозависимости влекут за собой необходимость усиления взаимодействия между отечественными производителями и потребность в преимущественном использовании в хозяйственной деятельности отечественного сырья, материалов и оборудования. Именно импортозамещение в России может стать драйвером промышленного роста экономики. В статье приведены различные трактовки термина «импортозамещение», содержащиеся в ряде научных публикаций последних лет, выявлен общий подход авторов к данной проблеме. Обобщены име-

* Статья выполнена при поддержке проекта УрО РАН № 15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

ющиеся предложения по таким приоритетным направлениям импортозамещения, как переход на импортозамещающее производство и технологии в стратегически важных отраслях. К таким отраслям в первую очередь отнесено машиностроение. Российский машиностроительный комплекс представляет собой высокодифференцированную отрасль, поэтому политика импортозамещения предполагает его результативное и экономически эффективное внедрение в различных секторах машиностроения на основе дифференцированного подхода, с обязательным учетом не только отраслевой, но и секторальной специфики. В статье рассмотрены стратегические основы реализации потенциала импортозамещения на примере железнодорожного машиностроения. Выявлены тенденции развития внутреннего рынка продукции железнодорожного машиностроения, на базе статистических данных определена степень импортозависимости для отдельных секторов отрасли. Обоснованы приоритеты и возможности импортозамещения в секторальном разрезе, в т.ч. в высокотехнологичных секторах железнодорожного машиностроения. Сформулирована цель импортозамещения в данных секторах: создание качественно новых видов продукции, обеспечивающих технологический паритет России с развитыми странами в развитии транспорта, и активное влияние на развитие мирового рынка технологий и наукоемкой продукции. Эффективная реализация политики импортозамещения возможна только на основе взаимодействия всех участников технологической цепочки, включая проектировщиков продукции и технологий, поставщиков, потребителей. Наиболее оптимальным способом организации такого взаимодействия являются кластерные объединения. В статье показана роль кластеров в реализации политики импортозамещения на региональном уровне на примере кластера железнодорожного машиностроения в Свердловской области.

Ключевые слова: импортозависимость, импортозамещение, высокотехнологичная продукция, локализация производства, кластерные объединения.

В современных геополитических условиях обострения внешнеполитической и внешнеэкономической обстановки в качестве одного из приоритетных направлений государственной экономической политики в России рассматривается **импортозамещение**. На пленарном заседании Санкт-Петербургского международного экономического форума 23 мая 2014 г. Президент России В.В. Путин заявил: «Уверен, что за счет модернизации промышленности, строительства новых предприятий, локализации конкурентного производства в России мы сможем... существенно сократить импорт по многим позициям, вернуть собственный рынок национальным производителям... Считаю необходимым в короткие сроки проанализировать возможности конкурентного импортозамещения в промышленности» [15].

В настоящее время тема импортозамещения, импортозависимости становится одной из самых обсуждаемых как в общественно-политической периодике, так и в научных изданиях [1, 2, 3, 4, 6, 9, 10, 16, 18 и др.]. Несмотря на различия в подходах, общим выводом является следующее положение: государственная политика, в т.ч. промышленная, должна учитывать конкретные исторические условия и быть адекватной глобальным вызовам современности [1], а именно: в условиях внешнеэкономического и военно-политического давления на Россию не существует эффективной альтернативы развитию без использования данного механизма. Таким образом, как отмечает О.А. Фролова, в современной России проявился новый, «шоковый» фактор, стимулирующий процессы индустриального развития, — необходимость импортозамещения [19].

При этом сам термин «импортозамещение» не имеет достаточно четкого определения, что порождает противоречия при разработке отраслевых, региональных стратегий и программ импортозамещения. Так, В.В. Иванов формулирует цель импортозамещения как «создание собственной промышленности, позволяющей обеспечить технологическую независимость страны от внешних поставщиков по номенклатуре продукции, необходимой для обеспечения минимально допустимого уровня жизнедеятельности и безопасности». Однако, как отмечает сам автор, такое решение проблемы импортозамещения позволит обеспечить минимальную технологическую безопасность и независимость, но не приведет к технологическому паритету России с развитыми странами. Проблема состоит в том, что в данной схеме импортозамещение реализуется по схеме догоняющего развития, т.е. создаваемая продукция и технологии будут в основном повторять уже известные, хотя некоторые из них по своим параметрам могут и превосходить известные аналоги [5]. На наш взгляд, данное толкование задачи импортозамещения консервирует существующее положение отечественной экономики, поскольку не предполагает ускоренного инновационного развития. Анализ трендов развития современных хозяйственных систем показывает, что основным из них является переход к новой модели экономического развития – инновационной экономике, и проблему импортозамещения, как нам представляется, следует рассматривать с учетом этого тренда и согласиться с позицией В.К. Фальцмана: «Формирование инновационной экономики идет по пути импортозамещения инновационной продукции на внутреннем рынке и ориентации на ее экспорт – на внешнем рынке» [17, 18]. Этой позиции придерживаются В.А. Плотно-

ников и Ю.А. Вертакова, которые формулируют цель стратегии импортозамещения как курс на модернизацию отечественного производства, который способствует развитию индустриального сектора, его техническому перевооружению, повышению качества производимых товаров, развитию инновационной активности. Представляет интерес позиция данных авторов, которые предлагают трактовать импортозамещение, с одной стороны, как возможность, с другой стороны, как практическую деятельность по замещению на внутреннем рынке страны товаров иностранного производства. На наш взгляд, данное определение является достаточно емким, поскольку этим термином одновременно обозначают и потенциал, возможность развертывания национального производства, и сам процесс вытеснения с рынка товаров зарубежного производства [3].

При обосновании приоритетных направлений импортозамещения мнение авторов сходится в следующем.

В условиях глобализации России не удастся полностью избежать импортозависимости по многим видам инновационной продукции и комплектующим для ее производства. В рамках реализации национальной стратегии обеспечения экономической и оборонной безопасности необходимо обеспечивать для ключевых секторов экономики самодостаточность и независимость их функционирования от внешнего окружения. Поэтому для России сегодня стратегия, направленная на перестройку модели экономического развития за счет перехода на импортозамещающее производство и технологии в стратегически важных отраслях, является определяющей [3, 5, 17]. К таким отраслям в первую очередь отнесено машиностроение. Анализ статистических данных, представленный в работах указанных

авторов, продемонстрировал, что именно машиностроение должно стать приоритетной сферой для реализации политики импортозамещения.

Российский машиностроительный комплекс представляет собой высокодиверсифицированную отрасль, поэтому политика импортозамещения предполагает его результативное и экономически эффективное внедрение в различных секторах машиностроения на основе дифференцированного подхода, с обязательным учетом не только отраслевой, но и секторальной специфики.

Импортозамещение в машиностроительном комплексе касается, в том числе, тех сегментов экономики, которые обеспечивают устойчивость социально-экономической системы страны. К одному из таких сегментов российской экономики относится железнодорожный транспорт, который является инфраструктурной основой динамичного развития национальной экономики, повышения качества жизни и экономической активности населения. Железнодорожный транспорт обеспечивает свыше 40% пассажирских перевозок, более 80% грузоперевозок (без учета трубопроводного транспорта), около 98% воинских и спецперевозок¹; в условиях чрезвычайных ситуаций максимально приспособлен для массовых перевозок грузов и пассажиров; для отдельных регионов и значительной части населения страны является единственным видом пассажирского транспорта в межрегиональном общении.

В последние годы появилась насущная необходимость скорейшего решения многих проблем развития железнодорожного транспорта и перехода его на инноваци-

¹ Стратегия развития транспортного машиностроения Российской Федерации в 2007–2010 гг. и на период до 2015 года.

онную модель развития², включая, прежде всего, замену физически изношенного и технически устаревшего подвижного состава, а также создание новой прогрессивной техники для организации высокоскоростного движения. В этих условиях существенно возросло значение железнодорожного машиностроения.

Для железнодорожного машиностроения политика импортозамещения определяется наличием двух составляющих, которые формируют основные задачи импортозамещения для данной отрасли:

- импортозамещение в производстве подвижного состава, аналогичного по своему качеству и цене импортной продукции;
- импортозамещение в смежных отраслях для обеспечения железнодорожного машиностроения необходимыми ресурсами (комплектующими, материалами, современными технологиями).

Внутренний рынок железнодорожного подвижного состава в России характеризуется доминированием отечественных производителей при значительной доле импорта. Удельный вес импорта железнодорожной техники на российском рынке составлял 30,8% в 2012 году, 26,0% в 2013 году, 22,5% за 7 мес. 2014 г. До последнего времени основным импортером продукции железнодорожного машиностроения (грузовые вагоны и локомотивы) являлась Украина³, но за последние три года поставки из этой страны резко сократились. Если в 2012 году доля украинских произведе-

² Инновационное развитие транспортной системы определено в качестве приоритетного направления основными действующими стратегическими документами развития отрасли – Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегией развития железнодорожного транспорта Российской Федерации на период до 2030 года.

³ Продукция украинских производителей по качественным характеристикам соответствует российской, ее конкурентное преимущество на российском рынке обеспечивается более низкими, демпинговыми ценами.

лей в общем объеме импорта составляла 80,4%, в 2013 году – 64,2%, то за 7 месяцев 2014 года она сократилась до 50%. Доля импорта продукции из стран дальнего зарубежья (подвижной состав для скоростного движения) увеличилась за тот же период с 20 до 50%, удельный вес продукции из стран СНГ (грузовые вагоны) сохраняется на прежнем невысоком уровне (1–1,5% от общей величины импорта). К настоящему времени ситуация на внутреннем рынке подвижного состава изменилась, особенно кардинально – по грузовым вагонам. В этом сегменте доля импортной продукции составляла в 2012 году 30,4% (в т.ч. 29,3% из Украины), в 2013 году – 23,3% (в т.ч. 22% из Украины), по итогам 7 месяцев 2014 года она составила всего 7,9% (в т.ч. 6,9% из Украины) [11, 12, 14].

Значительное сокращение импорта сопровождалось снижением поставок отечественных грузовых вагонов. Эти изменения связаны в первую очередь с замедлением темпов роста российской экономики, что привело к сокращению спроса на грузовые вагоны. Кроме того, предприятия грузового вагоностроения в условиях сниженного спроса и профицита существующих мощностей⁴ столкнулись также с необходимостью изменения модельного ряда, расширения номенклатуры выпускаемой продукции, а в ряде случаев – перепрофилирования производства. Произошедшее изменение структуры рынка обусловлено изменением покупательского спроса – снижением объемов грузов, предназначенных для перевозок в универсальном подвижном составе, и ростом потребности

⁴ В период с 2012 по 2013 год из-за влияния ряда факторов произошло сокращение спроса на подвижной состав, повлекшее за собой снижение объемов производства. В результате вагоностроительные мощности (порядка 80 тыс. шт. в год) превышают потребности рынка, и ситуация имеет тенденцию к сохранению спроса на ближайшую перспективу в объеме 40–50 тыс. шт.

в специализированных вагонах, ранее поставлявшихся Украиной.

Таким образом, общее сокращение спроса на вагоны, сопровождающееся изменением структуры вагонного парка, меняет акценты в импортозамещении украинских вагонов: необходимо перепрофилирование российских вагоностроителей на новые модели, в т.ч. модели, ранее поставлявшиеся по импорту.

Стартовые условия импортозамещения современной транспортной техники из стран дальнего зарубежья определились исходя из особенностей российского железнодорожного транспорта и, соответственно, особенностей российского рынка железнодорожной техники с его ярко выраженной спецификой ограниченной конкуренции. Российский рынок железнодорожной техники отличается некоторой обособленностью от мирового рынка из-за различия в ширине железнодорожной колеи в России (1520 мм) и большинстве европейских стран⁵ (1435 мм). Разница в ширине колеи, наличие в России развитой обслуживающей инфраструктуры (вагоноремонтные депо), ориентированной на подвижной и тяговый состав, производившийся на заводах стран бывшего СССР, невысокие цены и сложная система сертификации, находящаяся под полным контролем РЖД и Правительства РФ, значительно затрудняют выход на российский рынок продукции из стран дальнего зарубежья. Западные производители заняли определенное место в сегментах поставки подвижного состава и локомотивной тяги для скоростного и высокоскоростного движения, где российские технологии отстают от существующих в мире на десятилетия, а также поставки некоторых видов комплектующих.

⁵ Колею шириной 1520 мм имеют также железные дороги стран СНГ и ряда прилегающих стран, например Монголии, Афганистана и частично Китая.

Эксперты отмечают: несмотря на то, что во многих случаях образцы отечественной техники отстают от лучших зарубежных аналогов, технологический уровень отдельных крупных предприятий отрасли в целом находится на достаточно высоком уровне, позволяющем выпускать подвижной состав любого уровня сложности [12].

Локомотивостроение. За последние годы в России появился целый ряд новых серий тягового подвижного состава: тепловозов, электровозов и электропоездов. Производство новых инновационных видов продукции в отечественном локомотивостроении осуществлялось в значительной степени в рамках создания совместных предприятий с зарубежными производителями, при этом использовались дизели и ряд других комплектующих иностранного производства. Проявилась тенденция применения на отечественных локомотивах иностранных дизелей разных фирм, создано несколько тепловозов с дизелями компаний Wartsila, Caterpillar, General Electric, MTU Friedrichshafen. Таким образом, заказчики получили возможность выбора довольно большого числа серий тепловозов, укомплектованных двигателями самых различных производителей с разными характеристиками.

Электропоезда. В последние годы на внутреннем рынке России появились новые виды данной продукции, в частности скоростной электропоезд «Ласточка» на платформе поезда Desiro, который по своим техническим характеристикам (в т.ч. по конструкционной скорости 160 км/ч) способен конкурировать с продукцией ведущих мировых производителей. Производство данного подвижного состава начато в 2013 году на мощностях ООО «Уральские локомотивы», совместного предприятия ЗАО «Группа Синара» и не-

мецкого концерна «Siemens», и с 2014 года поезда «Ласточка» эксплуатируются на маршруте Сочи – Красная Поляна. Компанией Siemens, ЗАО «Группа Синара» и ОАО «РЖД» подписано соглашение об основных условиях поставки вагонов и локализации их производства. По данному соглашению уровень локализации к 2017 году достигнет 80%.

Для *высокоскоростного движения* между Москвой и Санкт-Петербургом, а также Москвой и Нижним Новгородом был приобретён высокоскоростной подвижной состав типа Velaro производства Siemens AG. Но уже в ближайшее время в России планируется начать выпуск собственных высокоскоростных поездов на мощностях Тверского вагоностроительного завода по западным технологиям с локализацией производства в России.

Таким образом, технический и технологический уровень значительной части производственного оборудования предприятий железнодорожного машиностроения, в частности локомотивостроения и электропоездов, соответствует перспективным качественным требованиям, предъявляемым российскими потребителями⁶ к подвижному составу; существующие мощности способны удовлетворить потребности российских потребителей в обновлении и расширении парка подвижного состава. При этом следует отметить, что производство новых инновационных видов продукции в отечественном транспортном машиностроении осуществлялось в значительной степени в рамках создания совместных предприятий с зарубежными производителями с использованием зарубежных технологий и локализацией произ-

⁶ «Колея 1520» ограничивает экспансию на российский рынок крупных производителей железнодорожной техники из дальнего зарубежья.

водства на территории России. Исходя из этого *главной задачей импортозамещения в данном секторе железнодорожного машиностроения на ближайшую перспективу является дальнейшая локализация производства подвижного состава на совместных предприятиях и организация выпуска отечественных комплектующих взамен импортных.*

Организация производства отечественных комплектующих является важнейшей задачей импортозамещения для выпуска инновационного подвижного состава, т.к. создание конкурентоспособной продукции невозможно без разработки новых материалов и их покрытий, современных двигателей, высокоэффективных систем управления подвижным составом и других инновационных технических решений. Повышенная значимость комплектующих определяется отраслевой особенностью железнодорожного машиностроения — технологической многокомпонентностью продукции (например, в себестоимости тяговых агрегатов в среднем 70% составляет стоимость покупаемых материалов и изделий)⁷. Импортозамещение в производстве комплектующих позволит решить существующие серьезные проблемы с локализацией производства высокотехнологичной продукции на мощностях отечественных предприятий железнодорожного машиностроения. В настоящее время более чем две трети высокотехнологичных комплектующих для новой продукции поставляется из-за рубежа, поскольку в России фактически отсутствует производство целого ряда комплектующих, без

которых невозможно создание техники, соответствующей мировому уровню. В том числе в России отсутствует серийное производство:

- дизельных двигателей нового поколения, соответствующих перспективным требованиям по эмиссии, расходу топлива, масла и другим эксплуатационным характеристикам, и их компонентов;
- тяговых преобразователей тока для бесколлекторных тяговых приводов электроподвижного состава;
- современных тормозных систем для железнодорожного подвижного состава;
- гидродинамических и гидромеханических передач дизельного привода подвижного состава с ресурсом до 1 млн. км пробега;
- систем управления и диагностики верхнего уровня для подвижного состава, взаимодействующих как единое целое в общей системе управления движением на рельсовом транспорте.

Для организации серийного производства в России указанных комплектующих отсутствуют технологии, в т.ч. технологии для производства асинхронного тягового оборудования на IGBT-транзисторах, алюминиевых кузовов для пассажирского подвижного состава, тележек для высокоскоростных (свыше 200 км/ч) пассажирских вагонов и локомотивов (*табл. 1*).

В условиях отсутствия в России производства определенных видов комплектующих компании вынуждены поставлять необходимые детали из-за рубежа, что повышает себестоимость продукции и нивелирует главное преимущество локализации — снижение себестоимости производимой продукции. В результате снижается привлекательность отечественного рынка для иностранных компаний и ограничивается доступ современных технологий для нужд отечественных компаний.

⁷ Так, в 2011 году доля транспортного машиностроения в общем потреблении металла составила 2,75%, или 1,62 млн. т, в то время как в 2009 г. — 1,25%, или 0,66 млн. т. (Источник: Стратегия развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года. Проект. 2013 год / Институт проблем естественных монополий [13].)

Таблица 1. Зарубежные технологии производства комплектующих, не применяемые в России

Комплектующие	Технические параметры	Преимущества
Алюминиевый кузов вагона	<ul style="list-style-type: none"> • Длина – 24,175 м • Ширина – 3265 мм • Высота над головкой рельса – 3990 мм • Высота пола – 1 360 мм 	<ul style="list-style-type: none"> • Повышенный срок службы • Облегченный вес • Ровная поверхность • Современный метод лакировки • Высокая степень коррозионной стойкости
Тележка на $V_{\max} = 300$ км/ч	<ul style="list-style-type: none"> • Расстояние между осями колесной пары – 2600 мм • Диаметр обода колеса – 920/860 мм • Ширина колеи – 1 520 мм 	<ul style="list-style-type: none"> • Комфортабельная первичная и вторичная ступень подвешивания • Высокая ходовая устойчивость за счет тяг колесной пары и демпферов виляния • Высокая тяговая мощность • Высокая тормозная мощность
Тяговый преобразователь (ТП)	<ul style="list-style-type: none"> • Выходная тяговая мощность, макс. – около 2100 кВт • Выходное напряжение (линейное), макс. – около 2800 В • Выходная частота, макс. – 210 Гц • Вес – около 3,4 т (двухсистемный) 	<ul style="list-style-type: none"> • Водяное охлаждение • Подключение непосредственно к контактной сети • Использование технологии IGBT

Технологическая многокомпонентность в производстве подвижного состава определяет высокий уровень кооперации как внутри отрасли, так и с предприятиями других отраслей, при этом возникают вопросы *качества отечественных комплектующих*, производимых по линии внутриотраслевой кооперации и на предприятиях других отраслей промышленности. Качество комплектующих оказывает влияние на качество конечной продукции и, следовательно, на надежность и долговечность транспортной техники. Более 85% отказов техники происходит из-за низкого качества отечественных комплектующих.

Несмотря на трудности, в России имеется определенный потенциал импортозамещения в части производства современных комплектующих для подвижного состава, реализуемый в ряде направлений:

1. Появились разработки отечественных *тележек* для комплектации грузовых вагонов. Это тележка ОАО «НПК «Уралвагонзавод» модели 18-194-1, тележка модели 18-9836, изготовленная ЗАО «Промтрактор-Вагон» с участием американской ком-

пании «Амстед рейл», и тележка модели 18-9855, разработанная ОАО «НВЦ «Вагоны» с участием американской компании «Стандарт кар трак» и изготовленная ЗАО «ТВСЗ».

2. В феврале 2013 года ОАО «ФГК» и немецкая компания Knorr-Bremse подписали учредительные документы о создании в Тверской области предприятия по производству *современного тормозного оборудования* для подвижного состава.

3. Ожидается запуск производства на совместном российско-финском предприятии ООО «Дизелестроительная компания Wartsila TMX», организованном на базе ОАО «Пензадизельмаш». Создание современного производства дизельных двигателей осуществляется в рамках реализации подпрограммы «Транспортное машиностроение» государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». В состав данной подпрограммы включено мероприятие «Создание и организация производства в Российской Федерации дизельных двигателей и компо-

нентов нового поколения», к настоящему времени были получены определенные результаты:

- разработаны в рамках подпрограммы и внедрены в производство 20 технологий;
- разработаны в рамках выполнения поисковых и фундаментальных исследований и внедрены в производство 3 технологии;
- разработаны и запущены в производство 7 базовых модификаций дизельных двигателей.

Однако, несмотря на определенные успехи в создании отечественного производства комплектующих для выпуска высокотехнологичных видов продукции железнодорожного машиностроения, проблема импортозамещения в части комплектующих остается актуальной, т.к. перечисленные выше производства организируются на базе совместных предприятий через трансфер зарубежных передовых технологий.

Одним из инструментов эффективного решения проблемы импортозамещения в высокотехнологичных секторах железнодорожного машиностроения является *использование кластерного подхода*. Эффективность кластерного подхода обусловлена особенностями отрасли:

— существующая высокая степень зависимости от трансфера зарубежных технологий при разработке инновационного подвижного состава требует тесного взаимодействия с наукой;

— *научоёмкость* многих видов подвижного состава обуславливает потребность в высокотехнологичной компонентной базе, наличии высококвалифицированных кадров;

— *технологическая многокомпонентность* в производстве подвижного состава определяет высокий уровень кооперации как внутри отрасли, так и с предприятиями других отраслей;

— наличие государственного интереса в импортозамещении обеспечивает *активное участие государственных структур* в формировании кластера.

Кластерный подход обеспечивает получение интегрального эффекта от кооперационного взаимодействия между участниками, позволяет промышленности страны ускоренно развиваться с учетом специфики актуальных целей и задач стратегического развития индустриального сектора.

Кластерный подход показал свою результативность в кластере железнодорожного машиностроения Свердловской области, который был выделен, среди прочих, в качестве функционирующего, в проекте Концепции кластерной политики Свердловской области до 2020 года. Предпосылкой для формирования данного кластера явились кооперационные связи, сложившиеся в промышленном комплексе Свердловской области на базе развития современного электровозостроения, возможность использования потенциала регионального оборонно-промышленного комплекса, значительный инновационный, научный и кадровый потенциал Среднего Урала.

Ядром кластера является ООО «Уральские локомотивы», входящее в состав холдинга «Группа СИНАРА». Партнеры головного предприятия: поставщики комплектующих (65 предприятий России, из них 20 – из Уральского региона); отраслевая наука Свердловской области (ОАО ВНИКТИ, ОАО ВНИИЖТ), вузовская наука (УРГУПС). Инновационная структура кластера представлена инжиниринговым центром по разработке электропоездов типа «Ласточка» (Deziro-RUS), созданным на основе соответствующего соглашения между ОАО «РЖД» и немецким концерном «Сименс АГ». Кроме того, подписаны соглашения между «Сименс АГ» и Уральским государственным университетом путей

сообщения о совместных исследованиях систем энергосбережения и автоматики для железных дорог и о подготовке кадров для инжинирингового центра. Участие в разработке и реализации проектов большого количества высокотехнологичных промышленных предприятий, в т.ч. предприятий ОПК, научных, проектных организаций обеспечивает конкурентоспособность продукции кластера. Уровень локализации будет доведен с 35% в начале реализации до 80% к 2017 году, что явится свидетельством результативности кластерного подхода при реализации политики импортозамещения в данном секторе железнодорожного машиностроения.

Деятельность Уральского кластера железнодорожного машиностроения служит примером успешной реализации импортозамещения по типу «догоняющего развития» — с привлечением зарубежных технологий для организации в России производства западной техники, первоначально сборочного, но постепенно локализованного на базе российских материалов, компонентов, отечественных сырьевых, энергетических и трудовых ресурсов. Однако следует иметь в виду, что, хотя такая форма импортозамещения успешна на данном этапе, она не имеет ресурса для перехода в новое качество — создание высокотехнологичной продукции на основе отечественных технологий. Решение проблемы импортозамещения через трансфер зарубежных технологий с дальнейшей локализацией позволит обеспечить минимальную технологическую независимость страны от внешних поставщиков, но не приведет к технологическому паритету России с развитыми странами по выпуску высокотехнологичной продукции. В данном случае импортозамещение подразумевает реализацию *политики не опережающего, а догоняющего националь-*

ного развития: заимствуется зарубежный опыт и замещаются уже существующие (освоенные и выведенные на рынок) иностранные товары и технологии. При этом отечественная промышленность будет отставать, и этот временной лаг не позволит эффективно конкурировать с импортными аналогами [8]. *Таким образом, эффективное импортозамещение должно быть ориентировано не столько на копирование зарубежных аналогов, сколько на развитие собственных технологий, что в конечном итоге обеспечит технологическую модернизацию экономики на базе собственных технологических разработок* [3].

Исходя из этого, стратегическую цель импортозамещения в высокотехнологичных секторах железнодорожного машиностроения можно сформулировать как создание качественно новых видов продукции, обеспечивающих технологический паритет России с развитыми странами в развитии транспорта, и активное влияние на развитие мирового рынка технологий и наукоемкой продукции. Сложность достижения обозначенной цели определяется тем, что требования к современному машиностроительному производству в развитых странах постоянно усложняются: число составляющих производственного процесса увеличивается, характер их взаимодействия становится все более динамичным и многопараметрическим. Мировая практика показывает, что за последние 25–30 лет сложность машины как объекта производства возросла в 4–6 раз, а требования к точности изготовления деталей и сборки выросли примерно на порядок. К этому нужно добавить значительное расширение номенклатуры выпускаемой продукции при одновременном сокращении продолжительности выпуска изделий одной номенклатурной группы. В этих условиях для обеспечения конку-

рентоспособности продукции необходим переход к инновационному сценарию развития, основанному на ускоренном освоении базисных технологий новейшего технологического уклада, – информатики и электроники, применении новых прогрессивных материалов.

Существуют разнообразные механизмы реализации задачи инновационного прорыва. Один из них – технологические платформы (ТП), когда кластерный подход увязывается с формированием в различных отраслях экономики технологических платформ, содержащих инновационные технологии. Решением Комиссии по высоким технологиям и инновациям при Правительстве РФ от 1 апреля 2011 года был утвержден перечень технологических платформ, в состав которого вошла ТП «Высокоскоростной интеллектуальный железнодорожный транспорт». Инициатором создания данной **технологической платформы** выступило ОАО «РЖД» с целью активизации и интеграции процессов научных исследований, разработок и коммерческого производства новых транспортных средств и технологий. В числе основных задач технологической платформы выделена разра-

ботка и производство технических средств нового поколения для высокоскоростных магистралей, включая инфраструктуру и подвижной состав. Для решения этой задачи предполагается развивать в рамках ТП технологии создания новых транспортных систем и управления ими. Данные технологии не только обеспечивают научный прорыв в определенной области знаний, но и воздействуют на целый ряд различных секторов экономики, поэтому организация скоростного и высокоскоростного железнодорожного движения придаст дополнительный импульс научно-техническому развитию и совершенствованию технологий практически во всех смежных отраслях от машиностроения до интеллектуальных вычислительных систем, обеспечивая дальнейшее стимулирование научно-технического и интеллектуального потенциала страны в первую очередь за счет размещения на отечественных предприятиях заказов на создание новых образцов техники мирового уровня. Организация производства отечественного подвижного состава для скоростного и высокоскоростного движения с увеличением выпуска его производства открывает возможность для

Таблица 2. Проекты развития скоростного и высокоскоростного движения в странах «Пространства 1520»

Страна	Организация	Инвестиционный проект
Азербайджан	ЗАО «Азербайджанские железные дороги»	Государственная программа по развитию железной дороги Азербайджана
Белоруссия	ГО «Белорусская железная дорога»	Развитие скоростного межрегионального пассажирского сообщения
Грузия	ООО «Грузинская железная дорога»	Строительство скоростной железной дороги Тбилиси–Батум
Казахстан	АО «НК «Казахстан темир жолы»»	Развитие скоростного пассажирского движения
Украина	ГП «Укрзалізниця»	Внедрение скоростного движения пассажирских поездов на железных дорогах Украины
Латвия	ГАО «Латвияс Дзелзцельш»	Строительство международной скоростной магистрали Rail Baltica

Источник: Отраслевое исследование «Рынок локомотивов России и пространства 1520. Итоги 2011 г. Прогноз до 2015 года [Электронный ресурс] / Информационное агентство «INFOLine». – Режим доступа: <http://infoline.spb.ru>

будущего импортозамещения при реализации российских инфраструктурных проектов и развития экспорта подвижного состава в рамках реализации проектов скоростного и высокоскоростного движения, намеченных к реализации в странах «Пространства 1520» (табл. 2).

Таким образом, развитие производства конкурентоспособного отечественного современного подвижного состава существенно укрепит лидерские позиции России на рынках стран «Пространства 1520» и увеличит инновационный элемент российской экономики.

Литература

1. Александров, П. Возможности малых и средних обрабатывающих предприятий в производстве импортозамещающей продукции в Российской Федерации / П. Александров // Общество и экономика. – 2014. – № 12. – С. 48-56.
2. Бочко, В.С. Импортозамещение: экономическое содержание и методы осуществления / В.С. Бочко // Проблемы региональной экономики. – 2015. – № 1-2. – С. 15-26.
3. Вертакова, Ю.В. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России / Ю.В. Вертакова, В.А. Плотников // Экономика и управление. – 2014. – № 11. – С. 11-47.
4. Винокуров, М.А. Экономические санкции Запада против России и пути ликвидации их последствий / М.А. Винокуров // Экономика и управление. – 2014. – № 11. – С. 75-79.
5. Иванов, В.В. Концептуальные основы национальной технологической инициативы / В.В. Иванов // Инновации. – 2015. – № 1. – С. 8-14.
6. Крюков, Я.В. Импортозамещение технологий и оборудования в российской энергетике / Я.В. Крюков // ЭКО. – 2015. – № 3. – С. 30-45.
7. Лаврикова, Ю.Г. Импортозамещение и технологическая модернизация предприятий строительного комплекса на основе кластерного взаимодействия / Ю.Г. Лаврикова, С.Н. Котлярова, А.В. Суворова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 163-168.
8. Марданов, Р. Импортозамещение, консервирующее отставание / Р. Марданов // Ремедиум. – 2012. – № 8. – С. 52-60.
9. Межевич, Н.М. Внешние экономические аспекты российской промышленной модернизации / Н.М. Межевич // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 4. – С. 128-134.
10. Овчаренко, Н.А. Особенности конкурентоспособности продукции российской промышленности и ее потенциал импортозамещения на внутреннем рынке / Н.А. Овчаренко, Л.Б. Лучинина, Р.В. Рыбальченко // Вопросы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 75-79.
11. Российский статистический ежегодник. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014.
12. Саакян, Ю.З. Грузовое вагоностроение в Стратегии развития транспортного машиностроения до 2030 года. Состояние и перспективы [Электронный ресурс] / Ю.З. Саакян // Материалы конференции «Подвижной состав XXI века: инновации в грузовом вагоностроении», г. Санкт-Петербург, 25-26 июня 2014 г. – Режим доступа: [https:// docviewer.yandex.ru](https://docviewer.yandex.ru).
13. Саакян, Ю.З. Перспективы реализации Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс] / Ю.З. Саакян; Институт проблем естественных монополий. – Ноябрь 2013 г. – Режим доступа: [https:// www. ipem.ru](https://www.ipem.ru).
14. Статистика железнодорожного машиностроения // Техника железных дорог. – 2015. – № 1; 2014. – № 2; 2014. – № 3.
15. Стенографический отчет о пленарном заседании Санкт-Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/21080>
16. Сухарев, О.С. Экономическая политика и условия развития технологической базы России / О.С. Сухарев // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 4. – С. 32-45.
17. Фальцман, В.К. Приоритеты структурной политики: импортозависимость, импортозамещение, возможности экспорта инновационной продукции промышленности / В.К. Фальцман // ЭКО. – 2014. – № 5. – С. 162-180.

18. Фальцман, В.К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке / В.К. Фальцман // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 1. – С. 22-32.
19. Фролова, О.А. Импортозамещение в производственных цепях поставок продукции российского машиностроения: стратегия и уровни / О.А. Фролова // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2012. – № 4. – С. 53-58.
20. Tsai, B.-H., Li, Y. (2009). Cluster evolution of IC industry from Taiwan to China. *Technological Forecasting and Social Change*, 76 (8), 1092-1104.
21. Suire, R. Vicente, J. (2014). Clusters for life or life cycles of clusters: in search of the critical factors of clusters' resilience. *Entrepreneurship and Regional Development*, 26 (1-2), 142-164.

Юлия Георгиевна Лаврикова – доктор экономических наук, заместитель директора, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, K515L@mail.ru)

Лидия Михайловна Аверина – ведущий экономист, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, Laverina@mail.ru)

Lavrikova Yu.G., Averina L.M.

Strategic Framework for Implementing the Potential of Import Substitution on the Example of Railway Engineering

Yuliya Georgievna Lavrikova – Doctor of Economics, Deputy Director, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, K515L@mail.ru)

Lidiya Mikhailovna Averina – Leading Economist, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, Laverina@mail.ru)

Abstract. At present, Russia's economy is dependent on import in some of its strategically important sectors. The recent economic and political developments such as the aggravation of geopolitical situation and termination of economic partnership between Russia and a number of countries and entities, and also the Government's policy that aims to reduce import dependence determine the need to expand the interaction between domestic producers and the need to use domestic resources, materials and equipment in economic activities. Import substitution in Russia can become a driving force of its industrial growth. The paper presents different interpretations of the term "import substitution" contained in several publications of recent years; it also reveals a common approach of the authors to this problem. The article summarizes existing proposals on priority areas of import substitution such as the shift towards import-substituting production and technology in strategically important industries. Mechanical engineering is seen as a most important industry in this respect. Russia's machine-building complex is a highly diversified industry, therefore the policy of import substitution implies that it will be implemented efficiently in various sectors of mechanical engineering on the basis of the differentiated approach, with regard to industry and sectoral specifics. The article considers a strategic framework for the implementation of the import substitution potential on the example of railway engineering. The authors reveal trends in the development of the internal market of railway engineering products; they determine the degree of import dependence for individual sectors of the industry on the basis of statistical data. The article substantiates priorities and possibilities of

import substitution in different sectors, and in high-tech sectors of railway engineering. The authors point out a goal of import substitution in these sectors, the goal is to create qualitatively new types of products that provide technological parity between Russia and developed countries in the development of transport, and active influence on the development of the world market of technologies and science-intensive products. Effective implementation of import substitution policy is possible only on the basis of interaction of all the participants of technological chain, including designers of products and technologies, suppliers, and customers. The best way to organize such interaction is to form cluster associations. The article shows the role of clusters in the implementation of import substitution policy at the regional level on the example of the railway engineering cluster in the Sverdlovsk Oblast.

Key words: dependence on import, import substitution, high-tech products, production localization, cluster associations.

References

1. Aleksandrov P. Vozmozhnosti mal'nykh i srednykh obrabatyvayushchikh predpriyatii v proizvodstve importozameshchayushchei produktsii v Rossiiskoi Federatsii [Possibilities of Small and Medium Processing Enterprises in the Production of Import-Substituting Products in the Russian Federation]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2014, no. 12, pp. 48-56.
2. Bochko V.S. Importozameshchenie: ekonomicheskoe sodержanie i metody osushchestvleniya [Import Substitution: Economic Content and Methods of Implementation]. *Problemy regional'noi ekonomiki* [Problems of Regional Economics], 2015, no. 1-2, pp. 15-26.
3. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Importozameshchenie: teoreticheskie osnovy i perspektivy realizatsii v Rossii [Import Substitution: Theoretical Foundations and Prospects of Implementation in Russia]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2014, no. 11, pp. 11-47.
4. Vinokurov M.A. Ekonomicheskie sanktsii Zapada protiv Rossii i puti likvidatsii ikh posledstviy [Economic Sanctions of the West against Russia and the Ways to Eliminate Their Consequences]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2014, no. 11, pp. 75-79.
5. Ivanov V.V. Kontseptual'nye osnovy natsional'noi tekhnologicheskoi initsiativy [Conceptual Framework of the National Technology Initiative]. *Innovatsii* [Innovations], 2015, no. 1, pp. 8-14.
6. Kryukov Ya.V. Importozameshchenie tekhnologii i oborudovaniya v rossiiskoi energetike [Import Substitution in Technologies and Equipment in Russia's Energy Sector]. *EKO*, 2015, no. 3, pp. 30-45.
7. Lavrikova Yu.G., Kotlyarova S.N., Suvorova A.V. Importozameshchenie i tekhnologicheskaya modernizatsiya predpriyatii stroitel'nogo kompleksa na osnove klaster'nogo vzaimodeistviya [Import Substitution and Technological Modernization of the enterprises of a building complex on the basis of cluster interaction]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science of Togliatti State University], 2015, no. 1, pp. 163-168.
8. Mardanov R. Importozameshchenie, konserviruyushchee otstavanie [Import Substitution that Preserves the Gap]. *Remedium*, 2012, no. 8, pp. 52-60.
9. Mezhevich N.M. Vneshnie ekonomicheskie aspekty rossiiskoi promyshlennoi modernizatsii [External Economic Aspects of Russian Industrial Modernization]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], 2014, no. 4, pp. 128-134.
10. Ovcharenko N.A., Luchinina L.B., Rybal'chenko R.V. Osobennosti konkurentosposobnosti produktsii rossiiskoi promyshlennosti i ee potentsial importozameshcheniya na vnutrennem rynke [Specifics of Competitiveness of Products of Russian Industry and Its Potential for Import Substitution in the Domestic Market]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Issues of Economics and Law], 2014, no. 4, pp. 75-79.
11. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2014: stat. sb. [Russian Statistical Yearbook. 2014: Statistics Collection]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2014.
12. Saakyan Yu.Z. Gruzovoe vagonostroenie v Strategii razvitiya transportnogo mashinostroeniya do 2030 goda. Sostoyanie i perspektivy [Freight Car Building in the Strategy for Development of Transport Engineering until 2030. Status and Prospects]. *Materialy konferentsii "Podvizhnoi sostav KhKhI veka: innovatsii v gruzovom*

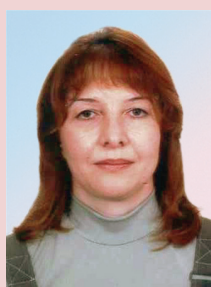
- vagonostroenii*”, g. Sankt-Peterburg, 25-26 iyunya 2014 g. [Proceedings of the Conference “Rolling Stock of the 21st Century: Innovations in Freight Car Building”, Saint Petersburg, June 25–26, 2014]. Available at: <https://docviewer.yandex.ru>.
13. Saakyan Yu.Z. *Perspektivy realizatsii Strategii razvitiya transportnogo mashinostroeniya Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda* [Prospects of Implementation of the Strategy for Development of Transport Engineering in the Russian Federation until 2030]. Available at: <https://www.ipem.ru>.
 14. Statistika zheleznodorozhnogo mashinostroeniya [Statistics of Railway Engineering]. *Tekhnika zheleznykh dorog* [Railways Engineering], 2015, no. 1; 2014, no. 2; 2014, no. 3.
 15. *Stenograficheskii otchet o plenarnom zasedanii Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* [Verbatim Report on the Plenary Session of the Saint Petersburg International Economic Forum]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/21080>
 16. Sukharev O.S. Ekonomicheskaya politika i usloviya razvitiya tekhnologicheskoi bazy Rossii [Economic Policy and Terms of Development of Russia’s Technological Base]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], 2014, no. 4, pp. 32-45.
 17. Fal’tsman V.K. Prioritety strukturnoi politiki: importozavisimost’, importozameshchenie, vozmozhnosti eksporta innovatsionnoi produktsii promyshlennosti [Priorities of Structural Policy: Import Dependence, Import Substitution and Export Opportunities for Innovative Industry Products]. *EKO*, 2014, no. 5, pp. 162-180.
 18. Fal’tsman V.K. Forsirovanie importozameshcheniya v novoi geopoliticheskoi obstanovke [Acceleration of Import Substitution in the New Geopolitical Environment]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2015, no. 1, pp. 22-32.
 19. Frolova O.A. Importozameshchenie v proizvodstvennykh tsepyakh postavok produktsii rossiiskogo mashinostroeniya: strategiya i urovni [Import Substitution in the Manufacturing Supply Chains of the Russian Engineering Products: Strategy and Levels]. *RISK: Resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsya* [RISC: Resources, Information, Supply, Competition], 2012, no. 4, pp. 53-58.
 20. Tsai B.-H., Li Y. Cluster Evolution of IC industry from Taiwan to China. *Technological Forecasting and Social Change*, 2009, no. 76 (8), pp. 1092-1104.
 21. Suire R. Vicente J. Clusters for Life or Life Cycles of Clusters: in Search of the Critical Factors of Clusters’ Resilience. *Entrepreneurship and Regional Development*, 2014, no. 26 (1-2), pp. 142-164.

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.8

УДК 332.143 (470.12), ББК 78.34

© Бурцева И.Г., Тихонова Т.В.

Социально-экономические и экологические проблемы горнорудной промышленности Республики Коми*

Ирина Григорьевна

БУРЦЕВА

кандидат экономических наук

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

Коми научного центра Уральского отделения РАН

167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26,

burtseva@iespn.komisc.ru

Татьяна Вячеславовна

ТИХОНОВА

кандидат экономических наук

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

Коми научного центра Уральского отделения РАН

167982, Россия, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26,

tikhonova@iespn.komisc.ru

Аннотация. Минерально-сырьевой потенциал Республики Коми, тенденции и динамика его освоения в значительной мере определяют уровень экономического развития региона. Республика располагает значительными запасами нефти, газа, угля, алюминия, хрома, марганца, титана, редких металлов, золота, барита, флюорита, кварцевого сырья. Вместе с тем горнопромышленный комплекс региона находится на стадии формирования, что позволяет предусмотреть и сфокусировать основные социальные и экологические проблемы, сопровождающие горнодобывающую деятельность. На основе анализа общемировых тенденций реализации горных проектов показана необходимость формирования положительной репутации горных компаний для обеспечения стабильной производственной деятельности и решения социально-экономических проблем территорий. Определены потребности будущих горнорудных предприятий в трудовых ресурсах и возможные социальные риски. Обоснована необходимость перераспределения налогов и платежей горных компаний в пользу районов ведения работ. Пред-

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-И-7-2063 «Перспективные транспортные коридоры и минерально-сырьевые потоки в Тимано-Североуральском регионе: оценка сырьевого потенциала и социально-экономических эффектов» №ГР 01201268596.

ложены пути привлечения инвестиций в горные проекты на стадии геологоразведочных работ с помощью гибкой налоговой политики. Основные экологические проблемы перспективных объектов развития горнорудного комплекса могут включать в себя сосредоточение образования опасных выбросов, сбросов и отходов и усиление уже существующего негативного состояния среды. Трансформация живых организмов идет в направлении снижения видового биоразнообразия, упрощения и изменения структуры сообществ за счет исчезновения чувствительных и редких видов. Расчет напряженности экологической ситуации, проведенный на основе балльной оценки соотношения существующей антропогенной нагрузки и устойчивости природной среды к ней, показал средний и высокий уровни. Учитывая усиление антропогенной нагрузки, необходимо на прединвестиционном этапе определять ограничения природопользования, в лицензии обозначать общий допустимый объем использования земельных ресурсов под промышленную инфраструктуру, проводить экологическую экспертизу в целом по месторождению и осуществлять восстановление нарушенных таежных и тундровых экосистем научно обоснованными методами природовосстановления.

Ключевые слова: горнорудная промышленность, социальная ответственность, трудовые ресурсы, распределение доходов, устойчивость природной среды, оценка воздействия на окружающую среду, восстановление нарушенных экосистем.

Введение

Горнорудная промышленность Республики Коми находится еще на начальном этапе своего развития, поэтому сегодня можно говорить о возможных социальных проблемах и экологических последствиях деятельности проектируемых горнодобывающих и перерабатывающих производств и их предупреждении.

В настоящее время горнорудная промышленность Республики Коми представлена исключительно добычей бокситов и нерудных строительных материалов (строительный камень, гравий, песок). Поскольку, в соответствии с действующим классификатором видов экономической деятельности, горнорудная промышленность включает в себя добычу негорючих полезных ископаемых и производство неметаллических минеральных продуктов, в рассматриваемом примере к этой сфере деятельности можно отнести также производство щебня, кирпича и цемента.

Текущие объемы добычи рудного и нерудного минерального сырья незначительны. На долю горнорудных отраслей в

общем объеме стоимости отгружаемой потребителям промышленной продукции приходится 0,5–1%, в структуре занятости — менее 3%, в структуре основных фондов — 0,3%.

Вместе с тем республика располагает значительным сырьевым потенциалом для формирования современного мощного горнопромышленного комплекса — от месторождений стратегически важных и остродефицитных видов полезных ископаемых до разнообразного агроминерального и строительного сырья.

Перечень инвестиционных объектов включает в себя создание горно-химических комплексов на базе месторождений титана, бокситов, горючих сланцев, освоение месторождений кварца, строительного сырья и т.д. [4].

С формированием горнорудного комплекса неизбежно возникнут и обострятся экологические и социальные проблемы, характерные как для мировой горной промышленности, так и обусловленные внутрироссийской политикой недропользования и региональными условиями.

Характеристика общих проблем, возникающих в системе «горная промышленность—охрана окружающей среды», и пути их решения на мировом и региональном уровнях даны в ряде работ [3, 9, 10]. Среди основных проблем, связанных с развитием горной промышленности Республики Коми, особое место занимают социальные и экологические проблемы.

Социально-экономические аспекты

1. Горные компании действуют сегодня в условиях высокой социальной и экологической ответственности. Такая ответственность не ограничивается выполнением обязательств, взятых при получении лицензии на пользование недрами. Компании должны быть готовы закладывать в свои инвестиционные программы дополнительные средства для выполнения возникающих запросов местных сообществ в области обеспечения их социально-экономических потребностей и оперативного решения возможных экологических проблем. Распространение таких норм должно вестись вниз от самых крупных компаний к самым мелким.

С разработкой месторождений полезных ископаемых местные администрации и население, с одной стороны, связывают возможности решения бюджетно-финансовых, инфраструктурных вопросов, занятости, с другой — высказывают опасения из-за экологических и социальных рисков. Отсутствие согласованных действий, понимания озабоченности и мнения местного населения, коренных народов и местных органов власти может вызвать серьезные проблемы с началом работ, вплоть до отзыва лицензии. Поэтому формирование «положительного» общественного имиджа компании, осведомленность о позициях всех заинтересованных сторон является одной из ключевых задач управления в горном бизнесе.

Ведущие горнодобывающие компании уже давно отошли от того прежнего подхода, когда их социальные интересы ограничивались созданием физической (транспортной, электросетевой, трубопроводной и т.д.) инфраструктуры в районе месторождения. Сегодня интересы горных компаний распространяются и за пределы своего горного отвода, компании изучают интересы и нужды местного населения, особенно в базовых элементах социальной сферы [7]. Это не означает, конечно, что горные компании берут на себя функции органов государственного управления, они лишь расширяют зону своей корпоративной ответственности. Так, распространенной практикой в нашей стране является подписание особых договоров с региональными администрациями — соглашений о социальном партнерстве, в которых определяются конкретные формы участия компании в социально-экономическом развитии региона. Эти договоры прикладываются к лицензионным соглашениям и являются их неотъемлемой частью.

На сегодняшний день соглашения о социальном партнерстве в топливном секторе экономики региона заключены между Правительством Республики Коми и компаниями ОАО «Лукойл», «Газпром», ОАО НК «Роснефть», ООО «Енисей», ЗАО «Печоранефтегаз», ООО «Диньельнефть» ЗАО «Северсталь Ресурс», ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат».

Подобные соглашения, своего рода социальные лицензии, имеют большое значение и в зарубежных странах — вес этого параметра в рейтинге инвестиционного климата для целей реализации горных проектов составляет 5–15% (в исключительных случаях 30% и выше) [11] и очень часто не уступает такому важному параметру, как «инфраструктура». Главное, чтобы выдерживалось условие, что соглашение является

итогом диалога и широких консультаций по всем вопросам с общественностью и местными администрациями, а не результатом келейной сделки.

Сегодня горная промышленность является одной из самых высокоорганизованных, высокотехнологичных отраслей промышленного производства. Работая, как правило, в удаленных, экономически не освоенных районах — зачастую в тех местах, где не существует других альтернатив хозяйственного развития, — горные компании выступают стимулом экономического подъема территории. На всех стадиях жизненного цикла месторождения, начиная с его разведки, промышленного освоения и завершая рекультивацией нарушенных земель и даже восстановлением ландшафтов, используются экологически ответственные методы недропользования. Правильное планирование и экологическое управление позволяют значительно снизить воздействие на окружающую среду и помогают сохранить или восстановить биоразнообразие. В современных горных проектах на всех стадиях работ реализуются программы «ноль отходов». Однако в условиях слабой информированности местного населения «плохой» экологический имидж горных компаний продолжает сохраняться. Поэтому горные компании должны быть максимально открытыми для диалога с местным населением.

Социальные аспекты горнодобывающей деятельности могут иметь и негативные оттенки. Это доминирование на рынке труда или появление трудоизбыточного населения в результате стагнации, сокращения и развития производства и тому подобные факторы.

Для повышения ответственности предприятий можно допустить внедрение инструментов оценки социальных последствий горнодобывающих проектов наравне

с оценкой воздействия на окружающую среду на стадии проектирования. С другой стороны, социальная нагрузка на предприятия имеет свои экономические пределы и вместе с принудительными мерами необходимы законодательные механизмы поощрения социально ответственных предприятий.

2. Нехватка квалифицированных кадров (главным образом квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала) является фактически глобальной проблемой. Наивно полагать, что в стране и в мире есть район с перспективами развития горной промышленности, в котором этой проблемы нет. Суть состоит в том, что предугадать возникновение потребности в кадрах и быть подготовленным — располагая экономически незанятыми квалифицированными кадрами — в современных условиях просто невозможно. В *таблице 1* представлены предполагаемые потребности в трудовых ресурсах согласно заявленным горнорудным проектам [4].

Общая потребность в трудовых ресурсах будущего горнорудного комплекса с учетом проектов, представленных в «Основных направлениях развития угольной и горнорудной промышленности республики Коми до 2020 г.», может составить около десяти тысяч человек. Учитывая специфику труда на горном и химическом производстве, требования к профессиональным навыкам работников, можно прогнозировать, что будущие горные предприятия столкнутся с серьезной кадровой проблемой.

Ее решение видится в точном распределении и управлении различными потоками специалистов — управленцев высшего звена, рабочих и специалистов, работающих вахтовым методом, кадров из местных жителей, прошедших ускоренное специальное обучение.

Таблица 1. Предполагаемая численность занятых на проектируемых горнорудных предприятиях

Горнорудные проекты	Район размещения производства	Предполагаемая численность занятых, чел.
Строительство боксито-глиноземного комплекса в Республике Коми	Сосногорский	1859
Ярегский горно-химический комплекс мощностью 650 тыс. т в год по добыче и переработке руды	Ухтинский	2500
«Титан», организация на базе Ярегского месторождения производства титанового коагулянта	Ухтинский	320
Проект освоения Пижемского месторождения титана в Республике Коми и создания на его базе вертикально-интегрированного химико-металлургического комплекса	Усть-Цилемский, Ухтинский	2331
Реконструкция шахты по отработке центральной части месторождения «Желанное»	Интинский	50
Карьер и предприятие по производству щебня на Табликаюском месторождении строительного камня	Усинский	30

Другой стороной кадрового вопроса является противодействие местного населения притоку мигрантов, который будет возрастать в период строительных работ. Рост населения повлечет за собой нагрузку на местную инфраструктуру, сферу услуг, изменение привычного образа жизни. Это налагает дополнительные обязательства на горные компании, так как эти проблемы они должны учитывать и контролировать.

3. Справедливое распределение доходов, получаемых горными предприятиями, также является одной из ключевых социальных проблем. Немаловажным фактором в этом вопросе выступает распределение налогов и платежей, уплачиваемых горными компаниями в пользу территорий, на которых они ведут свою деятельность. По существующей системе формирования бюджетов большая часть налогов и платежей направляется на федеральный и региональный уровни. В местные бюджеты поступает только земельный налог и налог на доходы физических лиц в объеме 10%. Из источников бюджетных доходов городов и районов исключен даже налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых.

Бюджетным кодексом допускается перераспределение региональных налогов в пользу муниципалитетов, однако на фоне растущих расходов и дополнительных финансовых обязательств регион предпочитает оставлять большую часть налоговых поступлений в республиканском бюджете. В подобной ситуации местные власти могут быть недостаточно заинтересованы в продвижении горнорудных проектов, в освоении минерально-сырьевых ресурсов своих территорий, создании условий для привлечения инвестиций.

4. Привлечение инвестиций в новые горные проекты является, по сути, ключевой проблемой освоения сырьевой базы региона. При существующем налогообложении прибыли у собственно добывающих предприятий при средней норме рентабельности, практически отсутствуют средства для проведения геологоразведочных работ с целью развития минерально-сырьевой базы из собственных средств. Поэтому такие работы проводятся в вертикально-интегрированных компаниях за счет средств материнской компании и привлеченных источников. Для стимулирования геологоразведочных работ на новых площадях

(до стадий эксплуатационной разведки) целесообразно отменить взимание налога на добавленную стоимость, исключить из налогообложения часть прибыли, реинвестируемой в геологоразведку, создать систему понижающих коэффициентов к существующим ставкам налогов и платежей при финансировании работ ранних стадий (поисковых и поисково-оценочных) предприятиями из собственных средств.

5. Проблемы малого и среднего горного бизнеса. Освоение мелких и средних месторождений полезных ископаемых, которые составляют основу минерально-сырьевой базы, практически недоступно для массы имеющихся в стране потенциальных инвесторов. Затраты средств на получение доступа к недрам, геологоразведочные работы, оформление разрешений значительно выше, чем в других странах. Собственных средств на проведение геологоразведочных работ у инвесторов не хватает, привлечение банковских кредитов ограничено необходимостью внесения залога и чрезвычайно высокими ставками кредитования, а сектор рискованного капитала на рынке ценных бумаг в нашей стране еще не сформирован. Пока не созданы основы для возможной кооперации горнопромышленных предприятий в промышленные кластеры для распределения затрат на создание транспортной, социальной, инженерно-сетевой инфраструктуры, для решения кадровых проблем.

Экологические аспекты

Негативное воздействие практически каждого горного проекта на окружающую среду имеет комплексный характер (табл. 2).

Основные экологические проблемы могут включать в себя сосредоточение образования опасных выбросов, сбросов и отходов на территориях Сосногорского и Ухтинского районов и усиление уже

существующего негативного состояния среды. Проведенные в Печорском бассейне (реки Колва, Уса, Печора) исследования фиксируют изменение кормовой базы, ухудшение физиологического состояния популяций рыб лососево-сигового комплекса (отеки, кровоизлияния, изменения в стенках кровеносных сосудов) [5]. Причина кроется в ухудшении условий естественного воспроизводства, накоплении в органах нефтепродуктов и тяжелых металлов. Необходимо также отметить, что месторождение «Желанное» расположено в непосредственной близости от Национального парка, вследствие чего следует придерживаться особых правил организации дорог передвижения транспорта для минимизации воздействия на рыбные ресурсы и животный мир.

Напряженность экологической ситуации на территориях указанных районов различается. Ранее проведенная оценка, основанная на взаимосвязи устойчивости природной среды и уровня антропогенной нагрузки, позволяет выявить напряженность экологической ситуации [8]. Значение напряженности до единицы характеризует запас экологической емкости на территории данных районов; отклонение в обратную сторону говорит о неблагоприятной экологической обстановке и снижении устойчивости природной среды к нагрузкам антропогенного характера (табл. 3).

Как видно из таблицы, наиболее напряженная экологическая обстановка складывается на территории Усинского района. Средний уровень напряженности характерен для Интинского, Ухтинского и Сосногорского районов. Природные системы Усть-Цилемского района в гораздо большей степени имеют запас устойчивости к нагрузкам антропогенного характера.

Таблица 2. Предполагаемые угрозы воздействия на окружающую среду развития горнорудного комплекса

Проект /район	Назначение проекта	Воздействие на окружающую среду
Карьер и производство щебня на Табликаюском месторождении/ Усинский район	Строительство карьера Строительство завода по производству щебня различных фракций – 50 тыс. куб. м	Нарушение ландшафта Выбросы загрязняющих веществ от работы механизмов, автотранспорта Сбросы загрязняющих веществ в водоемы Образование отходов Негативное воздействие шума на фауну прилегающих территорий
Строительство Сосногорского боксито-глиноземного комплекса/ Сосногорский район	Производство глинозема из сырья СТБР (объем перерабатываемого сырья 4,8 млн. т/год)	Нарушение ландшафта Выбросы загрязняющих веществ от производства глинозема Потребление воды в размере 5,3 млн. куб. м/год на технологические и хозяйственно-бытовые нужды Сбросы загрязняющих веществ в р. Аюва (приток р. Ижма) Ливневые стоки (смыв дисперсных частиц с промышленной площадки) Образование отходов красных шламов (1,7 т/1 т глинозема/год; площадь шламохранилища 370 га) Образование опасных отходов серной кислоты Выбросы загрязняющих веществ от автотранспорта и ж/дорожного транспорта Выбросы пыли (бокситовой, известковой, негашеной извести), окиси углерода, двуокиси серы, оксида азота Выбросы парниковых газов в атмосферу (0,9 т CO ₂ /1 т глинозема) Возможные утечки гидроксида натрия, серной кислоты, топлива и химикатов Негативное воздействие шума на фауну прилегающих территорий
Строительство Ярегского горно-химического комбината/ Ухтинский район	Добыча и переработка многокомпонентной титановой руды на базе Ярегского месторождения высоковязкой нефти	Нарушение ландшафта Высокотоксичные выбросы загрязняющих веществ от производства Выбросы загрязняющих веществ от автотранспорта Опасные сбросы загрязняющих веществ, содержащие нефтепродукты и другие элементы, в малые водотоки района (р. Ухта) Негативное воздействие шума на фауну прилегающих территорий
Освоение Пижемского месторождения рассыпного титана/ Усть-Цилемский район	Добыча рассыпного титана	Нарушение ландшафта Выбросы загрязняющих веществ от работы механизмов, автотранспорта Негативное воздействие шума на фауну и рыбные ресурсы прилегающих территорий и акваторий
Производство титанового коагулянта на базе Ярегского месторождения/ Ухтинский район	Производство титанового коагулянта	Выбросы загрязняющих веществ от автотранспорта Сбросы загрязняющих веществ в малые водотоки района (р. Ухта)
Реконструкция шахты по отработке запасов месторождения кварцевого сырья «Желанное»/Интинский район	Добыча кварца (25 тыс. т руды)	Нарушение ландшафта Выбросы загрязняющих веществ от работы механизмов, автотранспорта Негативное воздействие шума на фауну и рыбные ресурсы прилегающих территорий и акваторий (в т.ч. Национального парка)

Таблица 3. Оценка напряженности экологической ситуации в районах освоения

Район	Напряженность экологической ситуации		
	Сводный балл устойчивости природной среды	Сводный балл уровня антропогенной нагрузки	Показатель напряженности экологической ситуации
<i>Территории с высоким уровнем напряженности экологической ситуации</i>			
Усинский	4,11	18,50	4,5
<i>Территории со средним уровнем напряженности экологической ситуации</i>			
Интинский	2,33	6,05	2,6
Ухтинский	3,59	6,89	1,9
Сосногорский	3,39	5,43	1,6
<i>Территории с низким уровнем напряженности экологической ситуации</i>			
Усть-Цилемский	5,80	0,30	0,10

Трансформация живых организмов идет в направлении снижения видовой биоразнообразия, упрощения и изменения структуры сообществ за счет исчезновения чувствительных и редких видов. Естественное восстановление земель происходит очень медленно (порядка 40 лет). Многочисленные исследования в лесных и тундровых зонах Республики Коми показали, что традиционный прием рекультивации путем посадки кустарников и деревьев без внесения удобрений не эффективен (сохранность составляет на двенадцатый год не более 20%) [1]. Учитывая факт освоения, необходимо внедрять уже разработанные методы восстановления нарушенных таежных и тундровых экосистем. Суть заключается в ускорении периода самовосстановления с помощью внесения удобрений, посева *местных видов многолетних трав*, адаптированных к суровым климатическим условиям, *обязательного ухода за посева в течение 3–4-х лет*. Тем самым создается травянистое сообщество, техногенный субстрат закрепляется корнями трав, образуется дерновый слой. Далее травянистое сообщество постепенно преобразуется, замещаясь биогеоценозом, близким к типичному зональному [2].

С учётом неизбежности освоения ресурсов и усиления антропогенной нагрузки на природную среду на текущие десятилетия необходимо внедрение следующих мероприятий:

- на прединвестиционном этапе при территориальном планировании необходимо четко определить ограничения к природопользованию, которые позволили бы учесть не столько экономические, сколько экологические и социальные функции территории [6];

- при выдаче лицензий на использование ресурсов требуется оговаривать общий допустимый объем использования земельных ресурсов под промышленную инфраструктуру, тем самым обозначая степень сохранности территориальных ресурсов;

- следует вернуть принцип обязательного проведения экологических экспертиз, причем для месторождения в целом, а не только для отдельных его объектов;

- при механическом нарушении и химическом загрязнении поверхности необходимо немедленно приступать не просто к рекультивации, а к научно обоснованному природовосстановлению, что обеспечит сокращение сроков восстановления исходных геосистем.

Заключение

Горнорудный комплекс региона только формируется, поэтому на сегодняшний день существует возможность предусмотреть основные социальные и экологические проблемы, неизбежно сопровождающие индустриальное развитие, и попытаться если не минимизировать их, то хотя бы смягчить и быть готовыми к их решению.

В силу растущих экологических ограничений и социального неравенства все большее значение для доступа к недрам приобретают процедуры согласования с местными органами управления и общественностью. Горным компаниям недостаточно заявить о своих намерениях по созданию нового производства, необходима тщательная подготовительная работа по представлению всех позитивных сторон освоения сырьевого

потенциала района и оценке социально-экологических последствий.

Для повышения заинтересованности местного населения и региональных властей в реализации горнорудных проектов, для установления партнерских отношений между участниками и заинтересованными лицами необходима децентрализация управления природоресурсным комплексом путем передачи функций управления от центрального правительства в регионы и более справедливое распределение платежей за право пользования недрами. При принятии управленческих решений в сфере использования природных ресурсов должны учитываться существующая напряженность экологической ситуации и накопленный опыт освоения северных территорий.

Литература

1. Арчегова, И.Б. Оптимизация восстановления нарушенных лесных экосистем на Севере / И.Б. Арчегова, И.А. Лиханова // Север: Арктический вектор социально-экологических исследований. – Сыктывкар, 2008. – С. 234-241.
2. Арчегова, И.Б. Экологическое обоснование рационального природопользования на европейском Севере / И.Б. Арчегова, А.И. Таскаев // Арктика: экология и экономика. – 2011. – № 2. – С. 42-47.
3. Бурцев, И.Н. Экологические и социальные проблемы горного производства в Республике Коми / И.Н. Бурцев // Известия вузов. Горный журнал. – 2002. – № 3. – С. 68-78.
4. Каталог инвестиционных проектов и предложений Республики Коми [Электронный ресурс] Режим доступа: http://econom.rkomi.ru/content/6086/горнорудный_и_нефтегазовый_комплексы.pdf, <http://www.yaregaruda.ru/ru/node/63>. 27.03.2013.
5. Состояние сиговых рыб Печорского бассейна в условиях многофакторной антропогенной нагрузки / А.П. Новоселов и др. // Арктика: экология и экономика. – 2012. – № 4. – С. 26-35.
6. Осадчая, Г.Г. Сохранение территориального ресурса как одно из условий устойчивого развития криолитозоны (на примере Большеземельской тундры) / Г.Г. Осадчая // Криосфера Земли. – 2009. – Т. XIII. – № 4. – С. 24-31.
7. Принципы деятельности в горнодобывающей деятельности: утверждены Советом директоров на заседании 17 октября 2012 г. // Документ Европейского банка реконструкции и развития № 13157г-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ebrd.com/downloads/policies/.../mining-operations-policy-russian.pdf. 27.03.2013.
8. Тихонова, Т.В. Потенциал устойчивости экосистем Печоро-Уральской Арктики: зональный и локальный уровни оценки / Т.В. Тихонова, Г.Г. Осадчая // Проблемы региональной экологии. – 2014. – № 2. – С. 22-27.
9. Breaking New Ground. The Report of the Mining, Minerals and Sustainable Development Project. International Institute for Environment and Development [Электронный ресурс]. – London, 2002. – 450 p. – Режим доступа: <http://pubs.iied.org/pdfs/9084IIED.pdf>. 27.03.2013.

10. Buxton, A. MMSD+10: Reflecting on a decade. IIED Discussion Paper. International Institute for Environment and Development [Электронный ресурс] / A. Buxton. – London, 2012. – 36 p. – Режим доступа: <http://pubs.iied.org/16041IIED.pdf>. 27.03.2013.
11. Large mines and local communities: forging partnerships, building sustainability [Электронный ресурс] / Mining and Development series. World Bank and IFC. – Washington, 2002. – 32 p. – Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTOGMC/Resources/largemineslocalcommunities.pdf>. 27.03.2013.

Ирина Григорьевна Бурцева – кандидат экономических наук, научный сотрудник, ученый секретарь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, burtseva@iespn.komisc.ru)

Татьяна Вячеславовна Тихонова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, доцент, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, tikhonova@iespn.komisc.ru)

Burtseva I.G., Tikhonova T.V.

Socio-Economic and Environmental Challenges of Mining Industry in the Komi Republic

Irina Grigor'evna Burtseva – Ph.D. in Economics, Research Associate, Academic Secretary, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russia, burtseva@iespn.komisc.ru)

Tat'yana Vyacheslavovna Tikhonova – Ph.D. in Economics, Research Associate, Associate Professor, Laboratory Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russia, tikhonova@iespn.komisc.ru)

Abstract. Mineral resources of the Komi Republic and the trends and dynamics of their development determine to a great degree the level of the regions' economic development. The Republic has significant reserves of oil, gas, coal, aluminum, chromium, manganese, titanium, rare metals, gold, barite, fluorite, and quartz raw materials. However, the region's mining industry is still in the process of formation, this fact makes it possible to foresee and handle major social and environmental issues that accompany mining activities. The analysis of global trends in the implementation of mining projects substantiates the necessity to build a positive reputation of mining companies for ensuring stable production and for solving social and economic problems of territories. The paper also determines staffing requirements of prospective mining enterprises and possible social risks. The authors substantiate the necessity to redistribute taxes and payments in favor of the areas where mining companies operate, and they propose ways of attracting investment in mining projects on the stage of exploration with the help of a flexible fiscal policy. The main environmental problems of perspective objects of mining complex development can include the concentration of hazardous emissions, discharges and waste and the aggravation of environmental impact. The transformation of living organisms is moving toward the reduction of species diversity, simplification and changing community structure due to the disappearance of sensitive and rare species. The assessment of environmental impact intensity, based on the point estimation of the correlation between existing anthropogenic load

and environmental resistance, has shown that the levels are medium and high. Taking into consideration the increased anthropogenic load, it is necessary to determine restrictions of nature management during pre-investment stage, to set out in the license the overall admissible amount of land resources usage for the purposes of industrial infrastructure, conduct environmental impact assessment for the field in general and to restore the disturbed taiga and tundra ecosystems using scientifically grounded restoration methods.

Key words: mining industry, social responsibility, human resources, income distribution, environment resistance, environmental impact assessment, restoration of disturbed ecosystems.

References

1. Archegova I.B., Likhanova I.A. Optimizatsiya vosstanovleniya narushennykh lesnykh ekosistem na Severe [Optimization of Restoration of Disturbed Forest Ecosystems in the North]. *Sever: Arkticheskii vektor sotsial'no-ekologicheskikh issledovaniy* [The North: Arctic Vector of Socio-Environmental Research]. Syktyvkar, 2008. P. 234 -241.
2. Archegova I.B., Taskaev A.I. Ekologicheskoe obosnovanie ratsional'nogo prirodnopol'zovaniya na evropeiskom Severe [Environmental Substantiation of Rational Nature Management in the European North]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [The Arctic: Ecology and Economics], 2011, no. 2, pp. 42-47.
3. Burtsev I.N. Ekologicheskie i sotsial'nye problemy gornogo proizvodstva v Respublike Komi [Environmental and Social Problems of Mining Production in the Komi Republic]. *Izvestiya vuzov. Gornyi zhurnal* [Bulletin of Higher Education Institutions. Journal of Mining], 2002, no. 3, pp. 68-78.
4. *Katalog investitsionnykh projektov i predlozhenii Respubliki Komi* [The Catalogue of Investment Projects and Proposals of the Komi Republic]. Available at: http://econom.rkomi.ru/content/6086/gornorudnyi_i_neftegazovyi_kompleksy.pdf, <http://www.yaregaruda.ru/ru/node/63>. 27.03.2013.
5. Novoselov A.P. et al. The State of Whitefish in the Pechora Basin under the Conditions of Multifactor Anthropogenic Load. *The Arctic: Ecology and Economics*, 2012, no. 4, pp. 26-35.
6. Osadchaya G.G. Conservation of the Territorial Resource as One of the Conditions of the Stable Development of the Cryolithozone (by the Example of the Bolshezemelskaya Tundra). *Cryosphere of the Earth*, 2009, vol. 13, no. 4. pp. 24-31.
7. The Principles of Operation of Mining Activities: Approved by the Board of Directors at the Meeting on October 17, 2012. *Document of the European Bank for Reconstruction and Development No. 13157r-1*. Available at: www.ebrd.com/downloads/policies/.../mining-operations-policy-russian.pdf (accessed March 27, 2013)
8. Tikhonova T.V., Osadchaya G.G. Sustainability Potential of Ecosystems in the Pechora-Ural Arctic: Zonal and Local Levels of Assessment. *Problems of Regional Ecology*, 2014, no. 2, pp. 22-27.
9. *Breaking New Ground. The Report of the Mining, Minerals and Sustainable Development Project. International Institute for Environment and Development*. London, 2002. 450 p. Available at: <http://pubs.iied.org/pdfs/9084IIED.pdf> (accessed March 27, 2013)
10. Buxton A. *MMSD+10: Reflecting on a decade. IIED Discussion Paper*. International Institute for Environment and Development. London, 2012. 36 p. Available at: <http://pubs.iied.org/1604IIED.pdf> (accessed March 27, 2013)
11. Large Mines and Local Communities: Forging Partnerships, Building Sustainability. *Mining and Development Series. World Bank and IFC*. Washington, 2002. 32 p. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/INTOGMC/Resources/largemineslocalcommunities.pdf>. (accessed March 27, 2013)

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.9

УДК 338.24(1-2/-3):316.42, ББК 65.04

© Гринчель Б.М., Назарова Е.А.

Типология регионов по уровню и динамике повышения качества жизни

**Борис Михайлович
ГРИНЧЕЛЬ**

доктор экономических наук, профессор
Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38,
Boris.Grinchel@mail.ru

**Евгения Андреевна
НАЗАРОВА**

кандидат экономических наук
Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38,
Jane.Nazarova@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается методика и алгоритм построения типологий регионов в двухмерном пространстве «уровень развития – динамика развития» по одному из наиболее актуальных на современном этапе развития России факторов конкурентоспособности – качеству жизни. Приводится анализ понятия «качество жизни» и предлагается его авторский вариант, на основе которого предложен перечень показателей для измерения и оценки фактора «качество жизни». В процессе реализации алгоритма частные показатели оценки уровня и динамики качества жизни предлагается трансформировать в безмерные балльные оценки, нормированные по отношению к средневзвешенным значениям показателей по регионам России. Апробация метода трансформации показателей в балльную форму проведена на примере регионов Северо-Западного федерального округа, а типологии в двухмерном пространстве «уровень–динамика» качества жизни построены по 80 регионам России по официальным статистическим данным за 2013 г. для уровня и за 2011–2013 гг. для динамики качества жизни. По каждой из предложенных типологических групп приводится подробный анализ и даются характеристики данной типологии. Предложенные методика и алгоритм позволяют сопоставлять и анализировать не только уровень

и динамику развития различных факторов конкурентной привлекательности, но и взаимовлияние факторов между собой, например, по таким факторам, как экономика и качество жизни, экономика и инновации, инновации и человеческий потенциал, качество жизни и инновации и т.д. Представленная типология позволяет лучше понять преимущества и недостатки как федеральной, так и местной социальной политики стратегического развития регионов и помочь обосновать необходимость и целевую направленность программ и проектов в области территориального развития с учетом необходимости обеспечения конкурентной привлекательности регионов по качеству жизни.

Ключевые слова: типология регионов, конкурентный потенциал, уровень качества жизни, динамика качества жизни.

Развитие регионов происходит в сложной макросистеме страны и мира и степень конкурентной привлекательности того или иного региона зависит не только от позитивных изменений в его социально-экономической среде, но и от скорости и векторов таких же изменений во всей совокупности реально участвующих в конкурентном взаимодействии регионов.

Данная работа имеет две цели:

- предложить методические приемы оценки развития и построения типологий регионов в функции двух взаимозависимых параметров — уровня развития и динамики роста;

- на примере фактора качества жизни опробовать методологию и выявить закономерности в территориальном развитии регионов России с точки зрения их конкурентной привлекательности для жителей.

В соответствии с поставленными целями в работе рассмотрены решения следующих задач:

1. Предложить алгоритм двухмерного анализа и построения типологий регионов по качеству жизни в функции двух переменных — уровня качества жизни и динамики его изменения.

2. Сформировать систему показателей для оценки уровня и динамики качества жизни в регионах, адекватную актуальным на сегодняшний день векторам социально-го развития России.

3. Предложить способ сведения разноразмерных частных показателей качества жизни в обобщенные оценки.

4. Оценить возможность и практическую ценность, на примере качества жизни, построения типологий регионов в функции их свойств конкурентной привлекательности для потребителей.

Чаще всего измерение динамики развития экономики осуществляется на основе индексного метода применительно к отдельным частным или обобщающим показателям. Недостатком индексного метода является то, что он учитывает только динамику развития, но игнорирует достигнутый уровень экономических параметров и их взаимодействие. На основе индексного метода всегда лучше смотрятся измеряемые объекты с низкими оценками уровня исходных показателей, но, часто, более динамичных. Так, например, по индексам роста развивающиеся страны имеют преимущества перед развитыми. «Индексные числа — широко распространенная болезнь в современной жизни... Многие из...индексных чисел...лишены практической ценности сразу после их исчисления», — приводит высказывание М.Д. Мароки известный исследователь экономических индексов Р. Аллен [1, с. 9].

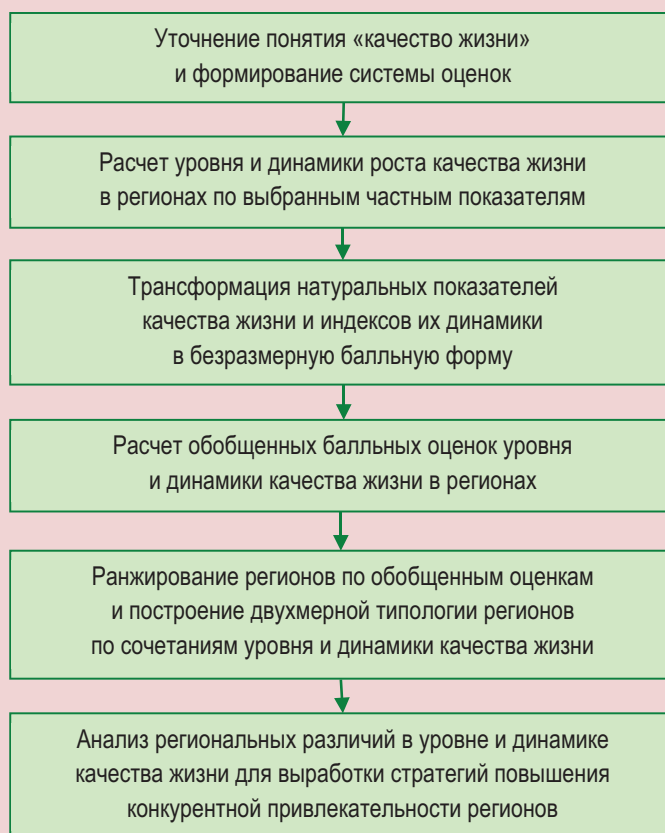
Наша модель измерения свойств конкурентной привлекательности территориального пространства учитывает измене-

ния первичных и обобщающих параметров конкурентного потенциала регионов по уровню и динамике качества жизни. При этом динамика конкурентного потенциала регионов изменяется во времени как в абсолютном значении частных обобщенных оценок, так и относительно других регионов. Эти изменения зависят от темпов роста показателей конкурентных свойств данного региона и средней динамики анализируемых параметров конкурентной привлекательности России [4, 5, 9, 13].

Общий алгоритм предлагаемой методики двухмерного анализа и построения типологий регионов на примере одного из факторов конкурентного потенциала имеет следующий вид (рис. 1).

Исходной позицией алгоритма оценки и анализа повышения привлекательности регионов по качеству жизни является выработка суждения о том, что нужно понимать в данное время и в данной стране под качеством жизни и какие индикаторы могут отображать это понятие. Повышение качества жизни является важнейшей задачей и основной целью стратегического развития как России, так и многих зарубежных стран. Наиболее общее определение понятия «качество жизни» дается в Энциклопедическом социологическом словаре: это категория, выражающая качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (качество питания, одежды, комфорт жилища, каче-

Рисунок 1. Алгоритм методики двухмерного анализа и построения типологий регионов по качеству жизни

ство здравоохранения, образования, сферы обслуживания, окружающей среды и др.) [14, с. 265].

По мнению И.И. Сигова, категория качества жизни достаточно размыта и это затрудняет ее использование в практике социального управления [11, с. 117]. В.Е. Рохчин и С.Ф. Жилкин применительно к жизни городов трактуют эту категорию как всесторонне характеризующую уровень и степень благосостояния, свобод, социального и духовного развития человека [12, с. 35]. Но это определение также достаточно широко и не учитывает различия в приоритетах применительно к странам, находящимся на разных уровнях экономического развития.

Учитывая последнее, мы считаем, что категорию «качество жизни» применительно к развитию регионов России следует в настоящее время трактовать в более узком смысле удовлетворения потребностей людей в питании, жилье, безопасности, образовании, устойчивом тепло-, энерго- и водоснабжении, функционировании жилищно-коммунального хозяйства. Эти потребности людей являются несомненными приоритетами стратегического развития большинства регионов, так как степень их удовлетворения еще недостаточна для большинства населения [8, 10]. Это можно подтвердить тем, что во многих стратегических планах российских городов под качеством жизни, как правило, понимается совокупность наиболее актуальных потребностей жителей: заработная плата, превышающая прожиточный минимум, необходимые социальные гарантии для нетрудоспособного населения, качество функционирования жилищного и коммунального хозяйства, безопасность среды пребывания жителей, защита от насилия, коррупции, вымогательства и т.д. Применительно к более развитым странам,

например Европейского союза, понятие качества жизни может смещаться в сторону несколько иного спектра потребностей: функционирования и безопасности общественного и личного транспорта, нового уровня инфраструктуры, энерго- и водосбережения, а также минимизации вредного воздействия отходов жизнедеятельности и ряда других. Это связано в значительной мере с тем, что многие задачи благосостояния и жилищной сферы в этих странах в достаточной мере решены и приоритеты смещаются к новым проблемам и вызовам. В то же время есть очень много стран, где уровень жизни существенно ниже, чем в России, и, соответственно этому, при оценке повышения их качества жизни набор приоритетов будет смещаться к набору благ, отражающих самые актуальные для них жизненные потребности (наличие продуктов питания, защита от эпидемий, начальное образование, снижение детской смертности и т.д.).

С учетом сказанного мы считаем, что конкурентная привлекательность регионов России по качеству жизни может сегодня достаточно удовлетворительно оцениваться с помощью набора следующих частных показателей (*табл. 1*) [3, с. 115-119].

На основе официальной статистики по регионам России эти показатели или присутствуют в требуемом виде, или легко рассчитываются с использованием взаимосвязанных статистических данных [7]. Это равно верно как для оценки уровня показателей, так индикаторов их роста.

Для получения обобщенной оценки уровня качества жизни необходимо частные обобщенные разноразмерные показатели (например, величину заработной платы в руб. в месяц, строительство жилья в метрах в год на 1000 жителей, численность населения на одного врача и т.д.) привести в безразмерную форму. В этом случае их

Таблица 1. Частные показатели фактора качества жизни

Условное обозначение	Показатели
Пкж1	Начисленная заработная плата, тыс. руб. в месяц на одного занятого в экономике
Пкж2	Среднедушевые доходы населения, соизмеренные с величиной прожиточного минимума
Пкж3	Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (индекс результативности по снижению доли населения с доходами ниже прожиточного минимума), в %
Пкж4	Благоустройство жилого фонда
Пкж5	Строительство жилья на 1000 чел. населения
Пкж6	Численность населения на одного врача
Пкж7	Численность зрителей театров на 1000 человек городского населения
Пкж8	Снижение сброса загрязненных сточных вод, м ³ на одного жителя в год (индекс результативности по снижению сброса загрязненных сточных вод, м ³ на одного жителя в год)
Пкж9	Снижение выбросов загрязняющих веществ в воздух, соизмеренных с числом городского населения (индекс результативности по снижению выбросов загрязняющих веществ в воздух, соизмеренных с числом городского населения)
Пкж10	Снижение числа преступлений, связанных с насилием над личностью, на млн. жителей в год (индекс результативности по снижению числа преступлений, связанных с насилием над личностью, на млн. жителей в год)

можно сводить в единую безразмерную форму. То же самое верно и для оценки динамики качества жизни на основе индексов частных показателей. Ввиду того что по одним показателям индексы изменяются на 1–2% в год, по другим (стоимости) – на 8–15%, по третьим – могут даже сокращаться, простое усреднение этих индексов снижает ценность итоговой обобщающей оценки. Поскольку весности этих показателей существенно неравномерны, для преодоления этих трудностей мы предлагаем разбивать рабочий диапазон каждого уровневое и индексное показателя на 100 поддиапазонов, каждый из которых соответственно равен 1 баллу. В зависимости от того, в какой поддиапазон попадает значение i -го частного показателя по j -му региону, получается балльная оценка уровня качества жизни по выбранному показателю. Конвертация натуральных показателей в балльные оценки осуществляется по следующим формулам:

$$KЖ_{ij}^6 = \frac{KЖ_i^n - KЖ_{icp}^n}{KЖ_{imax}^n - KЖ_{icp}^n} \times 50 + 50, \quad (1)$$

если $KЖ_{ij}^n > KЖ_{icp}^n$

$$KЖ_{ij}^6 = \frac{KЖ_i^n - KЖ_{icp}^n}{KЖ_{icp}^n - KЖ_{imin}^n} \times 50, \quad (2)$$

если $KЖ_{ij}^n < KЖ_{icp}^n$

где $KЖ_{ij}^6$ – балльная оценка значения i -го показателя качества жизни по j -му региону;

$KЖ_{ij}^n$ – натуральная оценка значения i -го показателя качества жизни по j -му региону;

$KЖ_{icp}^n$ – средневзвешенная оценка i -го показателя качества жизни по всем регионам;

$KЖ_{imax}^n$; $KЖ_{imin}^n$ – максимальная и минимальная натуральные оценки по i -му показателю качества жизни по всем регионам России;

50 – точка привязки балльной шкалы к средневзвешенному по населению значению натурального показателя по всем регионам.

Использование обеих формул (1) и (2) позволяет разделить общий 100-балльный диапазон оценок по каждому показателю на два поддиапазона по 50 баллов. Это связано с тем, что общая 100-балльная шкала диапазона для большинства показателей имеет нелинейный характер из-за того, что в верхнюю часть шкалы по отношению к средневзвешенному значению показателя по России попадают крупные высокораз-

витые регионы, число которых существенно меньше, чем в нижнем поддиапазоне шкалы. Вследствие этого шкала имеет существенную нелинейность, которую мы предлагаем аппроксимировать двумя линейными отрезками ниже и выше средних значений показателя. Это позволяет повышать точность расчетов как по отдельным показателям, так и при их суммировании для получения обобщенной оценки. По этим же формулам производится конвертация индексных оценок динамики [6] повышения качества жизни. Обобщенные оценки динамики качества жизни мы предлагаем проводить на основе суммированных балльных оценок динамики частных показателей. Это связано с тем, что средние процентные рост или снижение частных показателей не совсем корректны, так как одни показатели качества жизни могут изменяться на 5–10% и более в год, другие — на 1–2% и менее. При суммировании среднее значение показателя динамики качества жизни смещается в сторону наиболее динамичных показателей, искусственно завышая их весомость. При использовании балльных оценок удается этого избежать.

Для лучшего понимания результатов перевода показателей качества жизни в балльные оценки и взаимозависимости обобщенных и частных оценок рассмотрим результаты расчетов по 10 регионам Северо-Западного федерального округа (табл. 2). Для каждого региона округа приведены две обобщающие оценки — по уровню и динамике роста качества жизни. Как уже отмечалось, средние по России значения обеих оценок (уровня и динамики) равны 50 баллам. По уровню качества жизни два региона — Санкт-Петербург и Калининградская область — имели в 2013 году качество жизни выше, чем в среднем по всем регионам. Восемь регионов СЗФО имеют обобщающие оценки уровня качества жизни менее 50

баллов, причем наиболее низко качество жизни оценивается по принятому набору показателей в Вологодской (30,2 балла) и Архангельской (31,3 балла) областях, республиках Коми (33,1 балла) и Карелия (34,5 балла) и Псковской области (34,7 балла). Обобщающие оценки можно сопоставить в разрезе каждого региона с частными оценками. Например, Санкт-Петербург в 2013 г. из 10 частных показателей только по одному — сбросу загрязненных сточных вод — имеет оценку 32 балла, что ниже, чем в среднем по России¹. По этому показателю три региона СЗФО — Республика Карелия, Архангельская и Мурманская области имеют самые низкие балльные оценки. Если, например, исключить этот экологический показатель из обобщенной оценки уровня жизни, то указанные регионы получают существенно более высокие оценки. Но учет экологического фактора с каждым годом все актуальнее, поэтому показатель очистки промышленных и бытовых стоков учитывается наравне с показателями благосостояния населения.

Вторая строка в таблице 2 характеризует динамику изменения качества жизни в каждом регионе за три года — с 2011 по 2013-й. По этому показателю в Северо-Западном федеральном округе лишь один регион — Архангельская область — получил оценку выше средней по России (56,6 балла). Остальные регионы, включая Санкт-Петербург, имели в эти годы динамику повышения качества жизни ниже, чем в среднем по России. Особенно это видно по Псковской области, где из десяти частных показателей лишь по двум — благоустройству жилого фонда и очистке сточных вод — улучшение ситуации происходило быстрее, чем в среднем по всем регионам.

¹ В 2014 г. в Санкт-Петербурге введена в действие новая очередь очистных сооружений. Теперь 98% сточных вод проходит очистку.

Таблица 2. Балльные оценки уровня и динамики роста частных и обобщенного показателей качества жизни по регионам СЗФО*

Регион		Обобщающая оценка	Пюж1	Пюж2	Пюж3	Пюж4	Пюж5	Пюж6	Пюж7	Пюж8	Пюж9	Пюж10
г. Санкт-Петербург	уровень	81,9	81	100	94	100	53	100	100	32	98	62
	динамика	47,4	28	62	44	43	25	63	59	52	45	53
Калининградская область	уровень	54,2	33	35	45	83	75	40	33	52	94	52
	динамика	41,7	38	53	26	46	51	1	36	37	80	48
Мурманская область	уровень	46,1	71	46	50	100	1	72	21	1	36	62
	динамика	47,6	24	75	63	54	47	39	12	43	41	79
Архангельская область	уровень	31,3	32	13	39	22	22	66	32	1	43	43
	динамика	56,6	63	нд	26	60	52	47	57	51	100	53
Ленинградская область	уровень	43,1	48	32	55	36	91	12	13	28	47	69
	динамика	40,9	38	54	59	31	54	32	13	32	35	62
Новгородская область	уровень	39,4	27	29	46	21	54	36	15	45	71	51
	динамика	42,3	38	28	60	44	52	23	35	59	38	47
Республика Коми	уровень	33,1	47	30	40	39	8	50	30	47	1	39
	динамика	44,6	59	53	53	41	55	27	50	57	36	15
Вологодская область	уровень	30,2	21	22	43	17	47	13	29	43	21	47
	динамика	45,2	22	58	71	1	56	35	58	50	40	62
Республика Карелия	уровень	34,5	24	15	39	37	31	59	42	1	46	50
	динамика	38,8	21	39	40	53	54	24	41	28	27	60
Псковская область	уровень	34,7	13	10	33	24	23	16	14	72	84	59
	динамика	36,3	34	32	29	54	41	34	2	54	47	36

* Среднее значение каждого показателя по России соответствует 50 баллам. Уровень качества жизни приводится за 2013 г. Динамика роста приводится за 2013 г. по отношению к 2011 г. Регионы ранжированы по величине полусуммы обобщающих оценок уровня и динамики роста качества жизни.

По данной методике конвертации натуральных оценок в балльные и расчета обобщенных оценок нами выполнены расчеты уровня и динамики качества жизни по всем регионам России. Для данной работы нами используются статистические данные по 80 регионам России без выделения Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, так как по некоторым из используемых показателей в разрезе этих регионов отсутствуют статистические данные. Результаты представлены в *таблице 3*, где регионы упрощенно ранжированы по полусумме оценок этих двух показателей. Как видно из таблицы, с большим отрывом по уровню качества жизни другие регионы опережают Санкт-Петербург и Москва. Отрыв этих регионов от Татарстана, Белгородской и Московской

областей составляет почти 20 баллов. Ниже идет группа регионов (Курская, Воронежская и Нижегородская области), которые имеют при достаточно высоком уровне качества жизни и высокую динамику повышения этого уровня. Далее следуют регионы с противоречивыми оценками относительно среднего по России уровня 50 баллов: либо уровень, либо динамика качества жизни выше, чем 50 баллов. Исключения наблюдаются у пяти областей – Рязанской, Астраханской, Пензенской, Ярославской и Самарской.

Требуется какой-то инструментарий, который позволил бы построить типологии регионов на основе более интересного критерия, чем, например, полусумма оценок уровня и динамики. В качестве такого инструмента мы предлагаем прово-

Таблица 3. Балльные обобщенные оценки уровня и динамики повышения качества жизни по регионам России (регионы ранжированы по полусумме оценок)

Регионы России	Балльная оценка уровня качества жизни (2013 г.)	Балльная оценка динамики качества жизни (2013/2011 гг.)	Полусумма оценок
г. Санкт-Петербург	81,9	47,4	64,6
г. Москва	81,4	46,3	63,9
Курская область	57,9	62,8	60,3
Воронежская область	59,7	57,7	58,7
Нижегородская область	54,8	60,7	57,7
Республика Татарстан	63,6	49,3	56,4
Чеченская Республика	41,9	70,6	56,3
Рязанская область	50,2	60,7	55,5
Белгородская область	63,0	47,6	55,3
Ставропольский край	49,4	59,7	54,6
Астраханская область	54,2	54,9	54,6
Пензенская область	50,4	58,4	54,4
Ивановская область	43,2	64,0	53,6
Тюменская область	57,4	48,6	53,0
Московская область	62,4	43,2	52,8
Новосибирская область	55,3	49,8	52,5
Тамбовская область	57,1	47,9	52,5
Тверская область	46,2	58,7	52,4
Республика Северная Осетия–Алания	58,9	45,4	52,2
Ярославская область	50,0	53,2	51,6
Липецкая область	54,1	49,1	51,6
Краснодарский край	49,9	52,6	51,2
Самарская область	51,1	50,7	50,9
Сахалинская область	53,5	47,9	50,7
Чувашская Республика	54,1	46,6	50,4
Томская область	46,7	53,8	50,2
Кабардино-Балкарская Республика	47,5	51,6	49,5
Республика Ингушетия	51,0	47,8	49,4
Омская область	51,0	47,5	49,3
Алтайский край	39,6	58,2	48,9
Калужская область	55,4	42,1	48,8
Пермский край	43,5	54,0	48,8
Саратовская область	53,8	42,9	48,3
Костромская область	42,3	53,7	48,0
Калининградская область	54,2	41,7	47,9
Республика Мордовия	47,0	48,7	47,8
Свердловская область	50,9	44,5	47,7
Ульяновская область	43,8	51,5	47,7
Удмуртская Республика	44,7	50,6	47,6
Республика Саха (Якутия)	42,0	52,8	47,4
Оренбургская область	42,2	52,3	47,3
Волгоградская область	44,5	49,5	47,0
Тульская область	45,4	48,4	46,9
Ростовская область	45,6	48,1	46,9
Мурманская область	46,1	47,6	46,8
Брянская область	45,0	48,5	46,8
Республика Дагестан	51,4	41,9	46,6

Окончание таблицы 3

Регионы России	Балльная оценка уровня качества жизни (2013 г.)	Балльная оценка динамики качества жизни (2013/2011 гг.)	Полусумма оценок
Республика Башкортостан	50,6	42,6	46,6
Владимирская область	40,4	52,8	46,6
Республика Адыгея	43,0	49,8	46,4
Смоленская область	43,7	49,1	46,4
Чукотский автономный округ	54,9	37,6	46,2
Республика Марий Эл	41,4	51,0	46,2
Орловская область	49,0	42,4	45,7
Магаданская область	51,0	39,7	45,3
Хабаровский край	44,3	45,8	45,0
Амурская область	39,9	49,6	44,7
Архангельская область	31,3	56,6	44,0
Забайкальский край	34,4	52,4	43,4
Республика Калмыкия	34,8	50,5	42,6
Челябинская область	39,7	45,5	42,6
Камчатский край	46,3	38,5	42,4
Ленинградская область	43,1	40,9	42,0
Республика Хакасия	36,9	46,9	41,9
Новгородская область	39,4	42,3	40,8
Красноярский край	36,9	43,8	40,3
Кировская область	37,5	41,7	39,6
Карачаево-Черкесская Республика	30,0	48,9	39,5
Приморский край	38,5	40,1	39,3
Республика Коми	33,1	44,6	38,8
Курганская область	31,8	45,0	38,4
Иркутская область	29,8	46,6	38,2
Вологодская область	30,2	45,2	37,7
Республика Бурятия	34,9	40,2	37,6
Республика Карелия	34,5	38,8	36,6
Псковская область	34,7	36,3	35,5
Республика Алтай	30,9	37,2	34,1
Кемеровская область	29,6	36,0	32,8
Еврейская автономная область	27,9	31,5	29,7
Республика Тыва	24,1	34,2	29,1

дить графическое построение типологий, соответствующих четырем квадратам в системе координат, где по оси абсцисс откладывается динамика качества жизни региона, по оси ординат – уровень качества жизни. Пересечение осей координат соответствует средним значениям данных оценок по всем регионам России, т.е. 50 баллам (рис. 2).

На рисунке показаны точками регионы России в принятой системе координат двухмерного математического простран-

ства. Типологическая группа регионов на основе графической интерпретации оценок уровня и динамики качества жизни:

- 1-я группа – развитые и развивающиеся регионы;
- 2-я группа – развитые, но замедленные в развитии регионы;
- 3-я группа – регионы с пониженным уровнем качества жизни, но ускоренно развивающиеся;
- 4-я группа – регионы с пониженным уровнем и динамикой качества жизни.

Рисунок 2. Типологическое разделение регионов России по фактору качества жизни по квадратам системы координат

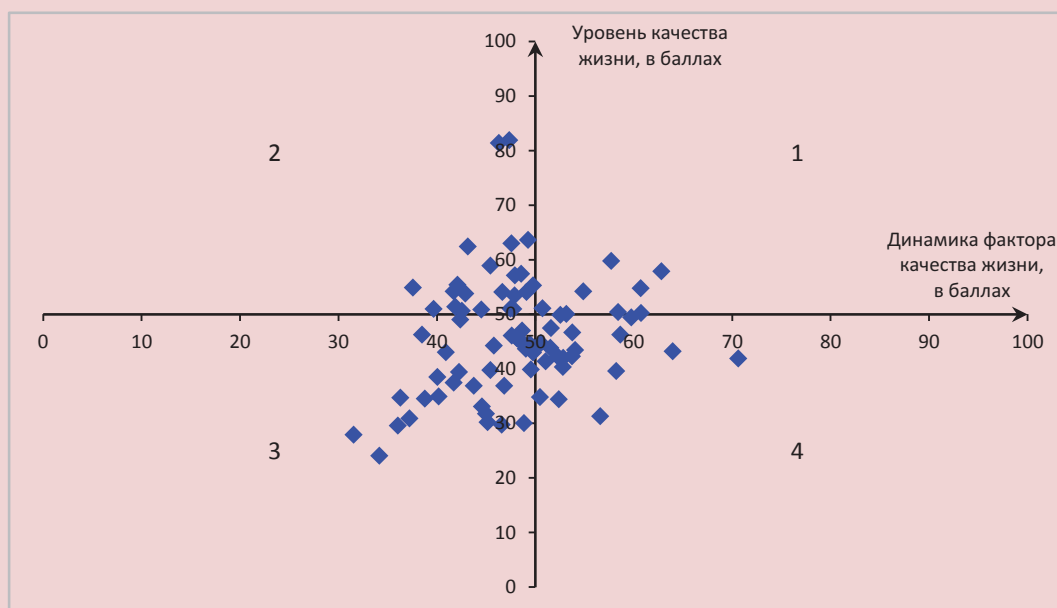

Таблица 4. Регионы первой группы, имеющие повышенный уровень и динамику роста качества жизни по сравнению со средними значениями по России

Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни	Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни
Курская область	57,9	62,8	Астраханская область	54,2	54,9
Воронежская область	59,7	57,7	Пензенская область	50,4	58,4
Нижегородская область	54,8	60,7	Ярославская область	50,0	53,2
Рязанская область	50,2	60,7	Самарская область	51,1	50,7

В верхнем правом квадрате разместились регионы 1 группы, в которых и динамика, и уровень роста обобщенных оценок качества жизни оказались выше, чем в среднем по всем регионам России (табл. 4). В число таких регионов вошли Курская, Воронежская, Нижегородская, Рязанская, Астраханская, Пензенская, Ярославская и Самарская области. Это несколько иной ракурс оценки качества социального развития регионов, позволяющий оценивать не только успехи предшествующего периода развития, но и эффективность

сегодняшнего управления. Чем выше и правее в данном квадрате размещается регион, тем более успешной можно считать его политику повышения качества жизни. Пусть по отношению к некоторым другим регионам, например Санкт-Петербургу и Москве, они имеют несколько пониженный уровень жизни, но высокая динамика этого показателя позволяет оптимистично видеть будущее.

Другая группа регионов (левый верхний квадрат) с повышенным по отношению к среднему по России уровню качества жизни,

но пониженной динамикой роста насчитывает двадцать два региона, включая Москву и Санкт-Петербург, имеющих наибольшие балльные оценки достигнутого уровня качества жизни, но несколько пониженную динамику роста (табл. 5). В отношении всех регионов этой группы можно сказать, что их отрыв от других по уровню качества жизни будет с каждым годом уменьшаться, что означает снижение конкурентных преимуществ этих регионов. Применительно к данной группе регионов также присутствует двойственная оценка – успехов прошлого и недостатков сегодняшнего замедленного развития.

Регионы третьей группы (правый нижний квадрат), наоборот, с каждым годом при повышенных темпах роста будут догонять по уровню качества жизни другие регионы, наращивая свои конкурентные свойства по данному фактору (табл. 6). К таким динамичным регионам следует отнести в первую очередь Чеченскую Республику, Ивановскую и Тверскую области, Алтайский край и другие, имеющие оценки динамики качества жизни выше на 20–25%, чем среднее повышение показателей качества жизни в России. Всего регионов в этой группе 19, то есть примерно четверть от числа всех регионов России.

Таблица 5. Регионы второй группы, имеющие повышенный уровень и пониженную динамику роста качества жизни по сравнению со средними значениями по России

Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни	Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни
г. Санкт-Петербург	81,9	47,4	Чувашская Республика	54,1	46,6
г. Москва	81,4	46,3	Республика Ингушетия	51,0	47,8
Республика Татарстан	63,6	49,3	Омская область	51,0	47,5
Белгородская область	63,0	47,6	Калужская область	55,4	42,1
Тюменская область	57,4	48,6	Саратовская область	53,8	42,9
Московская область	62,4	43,2	Калининградская область	54,2	41,7
Новосибирская область	55,3	49,8	Свердловская область	50,9	44,5
Тамбовская область	57,1	47,9	Республика Дагестан	51,4	41,9
Республика Северная Осетия–Алания	58,9	45,4	Чукотский автономный округ	54,9	37,6
Липецкая область	54,1	49,1	Республика Башкортостан	50,6	42,6
Сахалинская область	53,5	47,9	Магаданская область	51,0	39,7

Таблица 6. Регионы второй группы, имеющие пониженный уровень и повышенную динамику роста качества жизни по сравнению со средними значениями по России

Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни	Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни
Чеченская Республика	41,9	70,6	Удмуртская Республика	44,7	50,6
Ставропольский край	49,4	59,7	Республика Саха (Якутия)	42,0	52,8
Ивановская область	43,2	64,0	Оренбургская область	42,2	52,3
Тверская область	46,2	58,7	Владимирская область	40,4	52,8
Краснодарский край	49,9	52,6	Республика Марий Эл	41,4	51,0
Томская область	46,7	53,8	Архангельская область	31,3	56,6
Алтайский край	39,6	58,2	Забайкальский край	34,4	52,4
Пермский край	43,5	54,0	Республика Калмыкия	34,8	50,5
Костромская область	42,3	53,7	Кабардино-Балкарская Республика	47,5	51,6
Ульяновская область	43,8	51,5			

Четвертая группа регионов – с пониженным уровнем и динамикой качества жизни – насчитывает 31 регион, причем восемь из них входят в Северо-Западный федеральный округ (табл. 7). В эту группу входят также 7 регионов Сибирского федерального округа и 5 регионов Дальневосточного федерального округа. Неблагоприятное положение с качеством жизни в большинстве регионов этой группы подтверждается систематическим оттоком постоянно проживающего там населения.

В целом региональную социальную политику по регулированию и выравниванию качества жизни в России можно считать достаточно благополучной, что видно из концентрации большинства регионов в квадрате двухмерного пространства с координатами от 40 до 60 баллов. Из 80 регионов в этот квадрат попадают 44 региона и еще 8 регионов, где уровень или динамика качества жизни более высокие,

чем в указанном квадрате. Нам кажется, что лишь 10 регионов (Республика Тыва, Еврейская автономная область, Республика Алтай, Иркутская область и ряд других) существенно выпадают по уровню и пониженным темпам роста из всей совокупности регионов в рассмотренном двухмерном пространстве уровня и динамики качества жизни. Применительно к этим регионам и с привязкой к конкретным частным показателям, вероятно, в первую очередь следовало бы принять меры ускоренного социального развития.

Представленная типология позволяет лучше понять преимущества и недостатки как федеральной, так и местной социальной политики стратегического развития регионов и помочь обосновать необходимость и целевую направленность программ и проектов в области территориального развития с учетом необходимости обеспечения конкурентной привлекательности регионов по качеству жизни.

Таблица 7. Регионы второй группы, имеющие пониженный уровень и динамику роста качества жизни по сравнению со средними значениями по России

Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни	Регион	Уровень качества жизни	Динамика роста качества жизни
Республика Мордовия	47,0	48,7	Красноярский край	36,9	43,8
Волгоградская область	44,5	49,5	Кировская область	37,5	41,7
Тульская область	45,4	48,4	Карачаево-Черкесская Республика	30,0	48,9
Ростовская область	45,6	48,1	Приморский край	38,5	40,1
Мурманская область	46,1	47,6	Республика Коми	33,1	44,6
Брянская область	45,0	48,5	Курганская область	31,8	45,0
Республика Адыгея	43,0	49,8	Иркутская область	29,8	46,6
Смоленская область	43,7	49,1	Вологодская область	30,2	45,2
Орловская область	49,0	42,4	Республика Бурятия	34,9	40,2
Хабаровский край	44,3	45,8	Республика Карелия	34,5	38,8
Амурская область	39,9	49,6	Псковская область	34,7	36,3
Челябинская область	39,7	45,5	Республика Алтай	30,9	37,2
Камчатский край	46,3	38,5	Кемеровская область	29,6	36,0
Ленинградская область	43,1	40,9	Республика Тыва	24,1	34,2
Республика Хакасия	36,9	46,9	Еврейская автономная область	27,9	31,5
Новгородская область	39,4	42,3			

Рассмотренная методология и алгоритм равноприменимы для анализа развития регионов и по другим актуальным факторам конкурентной привлекательности: экономическому, инновационному и инфраструктурному развитию, человеческому

потенциалу. Двухмерное пространство анализа позволяет выявить и взаимовлияние факторов развития регионов, например экономики и инноваций, экономики и качества жизни, образования и инновационного развития.

Литература

1. Аллен, Р. Экономические индексы [Текст] / Р. Аллен; пер. с англ. Л.С. Кучаева; предисл. В.В. Мартынова. – М.: Статистика, 1980. – 256 с.: ил.
2. Вишнев, С.М. Экономические параметры [Текст] / С.М. Вишнев. – М.: Наука, 1968. – 190 с.
3. Гринчель, Б.М. Методы оценки конкурентной привлекательности регионов: монография [Текст] / Б.М. Гринчель, Е.А. Назарова. – СПб.: ГУАП, 2014. – С. 242.
4. Конкурентоспособность и стратегические направления развития региона [Текст] / А.С. Маршалова, Г.Д. Ковалева, Г.А. Унтура и др.; под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 528 с.
5. Кузнецов, С.В. Социальные приоритеты регионов в контексте стратегий территориального развития [Текст] / С.В. Кузнецов // Выбор стратегических приоритетов регионального развития: новые теоретико-методологические подходы / под общ. ред. В.В. Окрепилова. – СПб.: Наука, 2008. – 240 с.
6. Определение динамики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Динамика/> (дата обращения: 30.04.2014)
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 30.08.2014)
8. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы [Текст] / Институт проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. – 618 с.
9. Портер, М. Конкуренция [Текст]: уч. пос. / М. Портер; пер. с англ. – М.: Вильямс, 2000. – 495 с.: ил.
10. Савельев, Ю.В. Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике [Текст] / Ю.В. Савельев; Институт экономики КарНЦ РАН. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – 516 с.
11. Сигов, И.И. Региональная экономика (понятийный аппарат). – 2-е изд., испр. и доп. / И.И. Сигов. – СПб., 2002. – 200 с.
12. Стратегический выбор города: научное обоснование и механизм реализации (на примере г. Тольятти Самарской области) [Текст] / под ред. В.Е. Рохчина, С.Ф. Жилкина. – СПб.: ИСЭП РАН, 1999. – 183 с.
13. Татаркин, А.И. Формирование конкурентных преимуществ регионов России [Текст] / А.И. Татаркин // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 141-154.
14. Энциклопедический социологический словарь [Текст] / под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. – СПб.: ИСПИ РАН, 1995. – 939 с.

Борис Михайлович Гринчель – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38, Boris.Grinchel@mail.ru)

Евгения Андреевна Назарова – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38, Jane.Nazarova@mail.ru)

Grinchel' B.M., Nazarova E.A.

Typology of Regions by Level and Dynamics of the Quality of Life

Boris Mikhailovich Grinchel' – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Institute of Regional Economy of the Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russia, Boris.Grinchel@mail.ru)

Evgeniya Andreevna Nazarova – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Institute of Regional Economy of the Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russia, Jane.Nazarova@mail.ru)

Abstract. The paper considers the methodology and algorithm for the construction of typologies of regions in a two-dimensional space “level of development – dynamics of development” taking into account the quality of life, which is one of the most relevant competitiveness factors at the present stage of Russia’s development. The authors analyze the concept of “quality of life” and propose their own variant of the concept, on the basis of which they make a list of indicators for measuring and assessing the “quality of life” factor. In the implementation of the algorithm it is proposed to transform specific indicators, which assess the level and dynamics of the quality of life, into nonmetric numerical scores, normalized to the weighted average values of indicators for the Russian regions. The method of transformation of indicators into scores was tested on the example of the Northwestern Federal District regions, and the typologies in a two-dimensional space “level – dynamics” of the quality of life were made for 80 regions of Russia; the level of the quality of life was assessed according to official statistics for 2013, and the dynamics of the quality of life was assessed with the use of official statistics for 2011–2013. A detailed analysis is provided for each of the proposed typological groups and characteristics of this typology are highlighted. The proposed methodology and algorithm make it possible to compare and analyze not only the level and dynamics of development of different factors promoting competitive attractiveness, but also the interaction between the factors, for example, such as economy and the quality of life, economy and innovation, innovation and human resources, quality of life and innovation, etc. The typology provides a better understanding of advantages and disadvantages of both federal and local social policy for regional strategic development and helps justify the need and the focus of territorial development programs and projects taking into account the necessity to ensure competitive attractiveness of regions by the quality of life.

Key words: typology of regions, competitive potential, quality of life, dynamics of the quality of life.

References

1. Allen R. *Ekonomicheskie indeksy* [Economic Indices]. Translated from English by L.S. Kuchaev, foreword by V.V. Martynov. Moscow: Statistika, 1980. 256 p.
2. Vishnev S.M. *Ekonomicheskie parametry* [Economic Parameters]. Moscow: Nauka, 1968. 190 p.
3. Grinchel' B.M., Nazarova E.A. *Metody otsenki konkurentnoi privlekatel'nosti regionov: monografiya* [Methods for Assessing Competitive Attractiveness of Regions: Monograph]. Saint Petersburg: GUAP, 2014. P. 242.
4. Marshalova A.S., Kovaleva G.D., Untura G.A. et al. *Konkurentosposobnost' i strategicheskie napravleniya razvitiya regiona* [Competitiveness and Strategic Directions of Development of the Region]. Ed. by A.S. Novoselov. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2008. 528 p.
5. Kuznetsov S.V. *Sotsial'nye priority regionov v kontekste strategii territorial'nogo razvitiya* [Social Priorities of the Regions in the Context of Territorial Development Strategies]. *Vybor strategicheskikh priorityetov regional'nogo razvitiya: novye teoretiko-metodologicheskie podkhody* [Choice of Strategic Priorities for Regional Development: New Theoretical and Methodological Approaches]. Under general editorship of V.V. Okrepilov. Saint Petersburg: Nauka, 2008. 240 p.

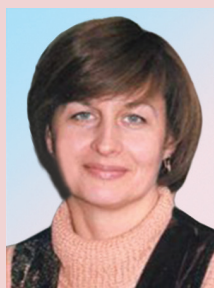
6. *Opredelenie dinamiki* [Definition of Dynamics]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Dinamika/> (accessed April 30, 2014)
7. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/> (accessed August 30, 2014)
8. *Razvitie rossiiskikh regionov: novye teoreticheskie i metodologicheskie podkhody* [Development of Russia's Regions: New Theoretical and Methodological Approaches]. Executive editor E.B. Kostyanovskaya. Saint Petersburg: Nauka, 2006. 618 p.
9. Porter M. *Konkurentsia* [On Competition]. Translated from English. Moscow: Vil'yams, 2000. 495 p.
10. Savel'ev Yu.V. *Upravlenie konkurentosposobnost'yu regiona: ot teorii k praktike* [Management of the Region's Competitiveness: from Theory to Practice]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2010. 516 p.
11. Sigov I.I. *Regional'naya ekonomika (ponyatiinyi apparat)* [Regional Economics (Conceptual Framework)]. 2nd edition, revised and supplemented. Saint Petersburg, 2002. 200 p.
12. *Strategicheskii vybor goroda: nauchnoe obosnovanie i mekhanizm realizatsii (na primere g. Tol'yatti Samarskoi oblasti)* [Strategic Choice of the City: Scientific Substantiation and a Mechanism of Implementation (on the Example of the City of Tolyatti, Samara Oblast)]. Ed. by V.E. Rokhchin, S.F. Zhilkin. Saint Petersburg: ISEP RAN, 1999. 183 p.
13. Tatarin A.I. Formirovanie konkurentnykh preimushchestv regionov Rossii [The Formation of Regions' Competitive Advantages]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2006, no. 1, pp. 141-154.
14. *Entsiklopedicheskii sotsiologicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Sociology]. Under general editorship of RAS Academician G.V. Osipov. Saint Petersburg: ISPI RAN, 1995. 939 p.

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.10

УДК 332.05+314.18, ББК 65.1

© Курушина Е.В., Дружинина И.В.

Демографические трансформации регионального пространства России

Елена Викторовна

КУРУШИНА

кандидат экономических наук

Тюменский государственный нефтегазовый университет

625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, kurushina.tsogu@yandex.ru

Ирина Васильевна

ДРУЖИНИНА

кандидат социологических наук, доцент

Тюменский государственный нефтегазовый университет

625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, 030370div@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации количественной составляющей человеческого капитала, являющегося главным фактором экономического роста, в материальном, институциональном и ментальном пространствах. В материальном пространстве, в соответствии с авторской концепцией стратифицированного пространства, осуществляются процессы самовоспроизводства и самообновления системы. В демографической подсистеме это фиксируется по рождаемости, смертности и миграции. В институциональном пространстве осуществляется процесс саморегулирования системы на основе законодательных актов и образцов поведения. Институциональные трансформации проявляются, в том числе, в реализации федеральных целевых программ социально-экономического развития, влияющих на состояние демографической подсистемы. В ментальном пространстве разворачиваются процессы саморефлексии, самоопределения и саморазвития. Ментальные трансформации в демографической подсистеме проявляются в изменении ценностных ориентаций. В соответствии с системами ценностей, концептуализированными в современных стратегиях развития, выделены модели Человека экономического, социоэкономического (проживающего в центрах агломераций и на периферии),

социоприродного (Человек экологический и Человек-домохозяин) и инновационного. Демографические сдвиги исследованы по 83 регионам России по детерминантам рождаемости и смертности населения. Анализируемый период трансформаций – 2005 и 2012 годы. Для визуализации процесса демографических сдвигов использованы методы матричного анализа. На основе полученных многофакторных моделей демографических коэффициентов естественного прироста дается оценка трансформаций сфер стратифицированного регионального пространства. Выявлены снижение уровня и вариации коэффициента смертности, повышение значимости и дифференциации регионов по коэффициенту рождаемости, а также эффективность введения института материнского капитала с позиций широкого охвата типов ментальности населения России. Предложенный формат исследования позволяет учитывать при разработке региональной политики не только дифференциацию социально-экономического развития территорий, но и различия в ментальности населения, проживающего в крупных агломерациях и на периферии.

Ключевые слова: трансформация, естественный прирост населения, институциональное и ментальное пространство, модель Человека, регионы России.

Главным фактором экономического роста в современной экономической парадигме выступает человеческий капитал. Численность населения как количественная характеристика человеческого капитала зависит от интенсивности и тенденций демографических изменений, таких как естественный прирост населения, миграционный отток и приток.

Понятие «демографические трансформации» по отношению к «демографическим изменениям» отличается более емким содержанием. Термин «трансформация» в своем первом значении трактуется как преобразование и превращение [17]. Трансформация биологической (живой) системы

предполагает преобразование (появление новых признаков у трансформанта) благодаря внесению информации. В соответствии с авторской концепцией стратифицированного пространства, сформированной на основе современной системной и пространственной парадигм, *демографические трансформации региональной системы происходят во взаимосвязанных сферах материального, институционального и ментального пространств* [9], в то время как демографические изменения фиксируются только в материальной сфере. Структурирование пространства произведено в соответствии с типами коммуникаций по Э. Янчу [20] и системными процессами (табл. 1).

Таблица 1. Характеристики концепции стратифицированного пространства саморазвивающейся системы

Типы коммуникаций	Авторская концепция стратифицированного пространства		
	Сферы пространства	Системные процессы	Процессы демографической подсистемы
1. Обмен веществом и энергией	Материальное пространство	Самопроизводство, самообновление	Процессы рождаемости, смертности и миграции населения
2. Обмен информацией	Институциональное пространство	Саморегулирование	Регулирование демографических процессов на основе законодательных актов и образцов поведения
3. Нейронные коммуникации	Ментальное пространство	Саморефлексия, самоопределение, саморазвитие	Формирование ценностных ориентаций, стратегических целей и мотивов

Актуальность настоящего исследования определена недостаточной степенью изученности проблемы трансформации многомерного пространства самоорганизующейся системы, предполагающей синтезирование знаний экономики, менеджмента, социологии и других наук.

Институциональные трансформации предполагают изменение «правил игры» (по Д. Норту) путем структурирования пространства и создания поля мотиваций [10]. В данном исследовании институциональные сдвиги рассматриваются в контексте изменения законодательного регулирования социально-экономической ситуации, включая процессы естественного прироста населения.

Под **ментальными трансформациями** (в демографической подсистеме) авторами понимается изменение ценностных ориентаций и мотивов по типам ментальности Человека [12] относительно процессов рождаемости, смертности и миграции населения, связанных с изменениями условий проживания в регионах и их законодательного регулирования.

Изменение ценностных ориентаций находит отражение в концепциях развития,

теориях и моделях Человека. Еще А. Смит изучал «человеческий мотив, приводящий к развитию экономики», исходя из желания «улучшения условий жизни» [7, с. 725], поэтому понятие «*Homo economicus*» (Человека экономического) связывают с именем классика экономической теории. При исследовании ментальных трансформаций в контексте саморазвития системы классификационным признаком моделей Человека, по мнению авторов, должна стать система ценностей, концептуализированных в современных стратегиях развития (табл. 2).

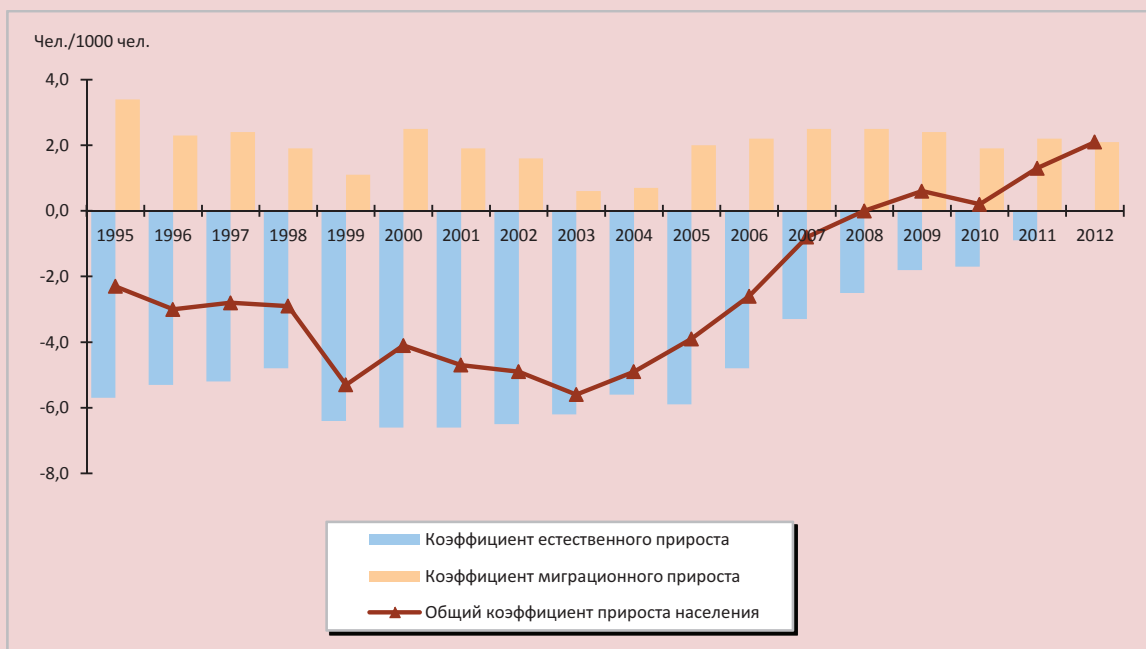
Демографические трансформации в **материальном** пространстве (демографические изменения) в настоящем исследовании отслежены по официальным данным региональной статистики [13, 15, 16]. Как видно из диаграммы (рис. 1), начиная с 2005 г. восходящий тренд коэффициента естественного прироста определил динамику общего прироста населения в России.

Исследование динамики коэффициентов прироста численности позволяет констатировать, что на протяжении всего анализируемого периода наблюдалась естественная убыль населения. В 2000–2003 гг.

Таблица 2. Система ценностей моделей Человека

Модель Человека	Ценности			
	экономические	социальные	экологические	инновационные
	Концепция развития			
	экономический рост	человеческое развитие	эколого-ориентированное развитие	инновационное развитие
	устойчивое развитие			
1. Человек экономический	+	-	-	-
2. Человек социоэкономический, проживающий на территории	+	+	-	-
2.1. центров агломераций	++	++	-	-
2.2. периферийного типа	+	+	-	-
3. Человек социоприродный	-	+	+	-
3.1. человек экологический	-	-	+	-
3.2. человек-домохозяин	-	+	-	-
4. Человек инновационный	-	-	-	+

Рисунок 1. Динамика коэффициентов естественного, миграционного и общего приростов населения за 1995–2012 гг.

Источник: Федеральная служба государственной статистики [13, 16].

она составила более 6 чел. на 1000 жителей. За 1995–2012 гг. среднее значение коэффициента смертности (14,8) превышало аналогичный показатель рождаемости (10,4) на 4,4 промилле.

С середины 2000-х годов обозначилась четкая тенденция уменьшения естественной убыли населения, определившая аналогичные изменения общего коэффициента прироста населения. Если в 2005 г. население России сократилось по естественным причинам на 5,9 человека (на 1000 жителей), то к 2008 году этот показатель составил только 2,5 человека, сравнявшись с уровнем миграционного прироста. К 2012 году коэффициент естественного прироста населения, а точнее, убыли впервые за исследуемый период достиг нулевого рубежа. Образовавшийся в России в 90-е годы разрыв между смертностью и рождаемостью был преодолен: в

2005 г. коэффициент рождаемости составлял 10,2 ребенка в расчете на 1000 жителей, а смертности – 16,1 человека, а к 2012 году он повысился до 13,3 человека (при снижении уровня смертности до той же отметки). За 1995–2012 гг. среднегодовые темпы прироста рождаемости составляли 2,5%, а снижения смертности – 0,7%. Начиная с 2005 года среднегодовой темп прироста коэффициента рождаемости увеличился в 2 раза и составил более 5%. Число умерших в расчете на 1000 человек населения в этот период снижается ежегодно на 2,9%, что в 4 раза превышает средние темпы изменения за весь анализируемый период.

Позитивные тенденции роста рождаемости в субъектах РФ были обусловлены трансформациями *институционального* пространства. Поле мотиваций естественного прироста человеческого капитала сформировалось благодаря вступлению в

силу Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ. Результативность введения института материнского капитала проявилась в приросте рождаемости. Если в 2006 году прирост коэффициента рождаемости по России составил менее 1%, то за 2007–2008 годы он увеличился до 16,5%, то есть более чем на 8% ежегодно. Мотивационные факторы повышения рождаемости, связанные с возможностью увеличения пенсионных накоплений матери, улучшением жилищных условий, получением образования за счет расходования материнского капитала, соответствуют, по мнению авторов, ментальности *социоприродного Человека* [12].

Выбор периода исследования трансформаций в формате сравнения 2005-го и 2012-го годов был обусловлен значительными институциональными изменениями в социальной сфере, поскольку с 2006 года началась реализация федеральных целевых программ (ФЦП) развития образования, социальной поддержки инвалидов и других. Кроме того, с середины 2000-х годов изменились вектор и скорость демографических трансформаций в материальном пространстве (см. рис. 1), что послужило дополнительным аргументом выбора 2005 года в качестве отправной точки проведения данного исследования.

В 2012 году были завершены ФЦП «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями», «Повышение безопасности дорожного движения», «Социальное развитие села» и другие программы, что предопределило логику анализируемого периода по завершению очередного этапа институциональных трансформаций.

Цель исследования заключалась в определении демографических трансформаций стратифицированного регионального

пространства России за семилетний период. Методологической основой исследования ментальных трансформаций послужили разработки авторов статьи по обоснованию системы мотивов [11] в соответствии с содержательными теориями мотивации (А. Маслоу, К. Альдерфер, Д. Макклеланд, Ф. Герцберг) и других авторов [8, 14, 19]. Исследование детерминант демографических изменений – рождаемости и смертности – проведено на основе построения многофакторных моделей по 83 субъектам РФ, а также методами матричного анализа. Совокупность показателей-факторов для построения параметрических моделей коэффициентов естественного прироста населения приведена в *таблице 3*.

Полученная в процедуре «Регрессия/Линейная» пакета IBM SPSS методом исключения из 16-ти отобранных переменных незначимых факторов регрессионная модель коэффициента рождаемости (K_p) до институциональных изменений (2005 г.) включила только восемь факторных признаков, наиболее существенных с точки зрения статистических критериев их значимости:

$$K_p^{2005} = 22,668 - 0,003x_3 + 0,12x_4 - 0,023x_5 - 0,011x_8 + 0,190x_{10} - 1,52x_{12} - 0,039x_{13} - 0,037x_{14}. \quad (1)$$

На основе полученной модели можно констатировать, что независимые переменные соотносятся с системой ценностей *социоприродного Человека*, проживающего на *периферийной территории*, основным признаком которой является удаленность от центров социально-экономического развития. Уровень развития характеризуется, как правило, оснащенностью производственной (X_8) и социальной инфраструктурой (X_{14}), степенью благоприятности предпринимательской среды (X_{12})

Таблица 3. Система показателей-факторов зависимостей коэффициентов естественного прироста населения в регионах

Потребность	Мотивационный фактор	Показатель-фактор
<u>1. Существования</u> 1.1. Физиологические: пища, одежда; жилье; среда обитания. 1.2. Безопасности и защищенности: социальная защищенность; безопасность для жизни.	Уровень жизни	Реальная средняя заработная плата в % к прожиточному минимуму (X_1)
		Обеспеченность населения новым жильем, м ² /чел. (X_2)
	Благоприятность среды обитания	Число детей на 100 мест в детских дошкольных учреждениях (X_{14})
		Заболееваемость на 1000 чел. населения (X_3)
	Социальная защищенность	Человеко-дни безработицы в % к экономически активному населению (X_4)
		Реальный размер пенсий в % к прожиточному минимуму (X_5)
	Физическая безопасность	Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. (X_6)
Число врачей на 10000 чел. населения (X_{13})		
<u>2. Общения</u> связь, принадлежность к социальной группе	Возможности социума	Плотность населения, чел./ км ² (X_7)
		численность зрителей театров на 1000 чел. населения (X_{16})
	Обеспеченность инфраструктурой	Плотность автодорог, км /1000 км ² (X_8)
		Обеспеченность услугами связи, тыс. р./чел. (X_9)
<u>3. Достижения</u> уважение, самовыражение, рост.	Конкурентоспособность производств	Экспорт на душу населения, долл./чел. (X_{10})
		Удельный вес инновационно-активных предприятий, % (X_{11})
	Предпринимательская среда	Удельный вес работников малых предприятий в общей численности занятых, % (X_{12})
	Образовательная среда	Число студентов вузов на 10000 населения (X_{15})

и развитием сектора услуг (X_{13}). Обратная зависимость коэффициента рождаемости от отмеченных факторов в модели (1), имеющих высокие стандартизованные коэффициенты ($\beta(X_8) = -0,358$; $\beta(X_{12}) = -0,264$; $\beta(X_{14}) = -0,193$; $\beta(X_{13}) = -0,172$), свидетельствует о наиболее интенсивных репродуктивных процессах на периферийных территориях. Так, в 2005 году в Чукотском АО рождаемость составляла 15,3 человека на 1000 человек населения, в Республике Тыва – 19,7, а в Москве и в Санкт-Петербурге этот показатель был вдвое меньше – 8,5 и 8,4 соответственно.

Судя по наличию прямой и достаточно тесной ($\beta(X_4) = 0,319$) связи коэффициента рождаемости с показателем занятости, в регионах с высоким уровнем безработицы (X_4), на фоне неблагоприятной предпринимательской среды (X_{12}), процессы повышения рождаемости выступают в качестве альтернативы трудовой занятости, что со-

ответствует ментальности *Человека-домохозяина*. Используемая переменная человеко-дней безработицы в % к экономически активному населению входит в число показателей, характеризующих состояние и функционирование рынка труда, [4, 5] и учитывает кроме количества безработных еще и длительность процесса поиска работы в регионах. Коэффициент эластичности по данному признаку составляет 0,72%. Реальный размер пенсий (X_5) также относится к ментальности *Человека-домохозяина*, но только для пенсионера (человека, находящегося за пределами детородного возраста). Закономерно, что пенсионеры выбирают для своего проживания регионы с высоким уровнем социальной защищенности. В субъектах РФ, где высока доля пенсионеров, уровень рождаемости ниже, поэтому связь между факторным признаком X_5 и результирующей переменной в модели (1) обратная.

Между ментальностью *Человека экологического* и рождаемостью существует прямая взаимосвязь. В регионах с неблагоприятной экологической средой и высоким уровнем заболеваемости населения (X_3) в 2005 году наблюдались более низкие показатели естественного прироста населения.

Ментальность *Человека экономического*, рациональность которого проявляется в повышенной рождаемости на территориях конкурентоспособных регионов с высокой долей экспорта на душу населения (X_{10}), оказывала, судя по β -коэффициенту (0,244), среднее влияние на результирующий показатель.

В целом, полученная зависимость (1) адекватна с точки зрения критериев качества модели. Мультиколлинеарность переменных устраняется с помощью установок процедуры анализа «Регрессия/Линейная» в пакете IBM SPSS. Значение множественного коэффициента регрессии ($R=0,759$) близко к единице, что указывает на тесную связь коэффициента рождаемости с включенными в модель факторами (табл. 4).

Данная модель, судя по уровню коэффициента детерминации ($R^2=0,576$), объ-

ясняет 58% вариации зависимой переменной. Расчетное значение F-статистики (4,521) больше критического (3,9) при числе степеней свободы 1 и 73. Значение критерия Дарбина–Уотсона (1,809) близко к 2.

Институциональные преобразования в России, начавшиеся в 2006–2007 гг. и обеспечившие повышение стимулов к деторождению за счет материнского капитала, повлияли на демографические процессы. Полученная многофакторная зависимость для 2012 г. адекватна с точки зрения всех критериев качества, рассмотренных выше, и сопоставима с аналогичной зависимостью для условий 2005 г. (1):

$$K_p^{2012} = 4,373 + 0,008x_4 - 0,015x_5 + 0,003x_7 - 0,007x_8 - 0,268x_9 + 0,157x_{11} - 0,228x_{12} + 0,170x_{14} - 0,006x_{15}. \quad (2)$$

Преимущество многофакторных зависимостей коэффициента рождаемости обеспечивается факторами X_4 , X_5 , X_8 , X_{12} и X_{14} . «Новая информация» связана с появлением независимых переменных X_9 (обеспеченность услугами связи) и X_{15}

Таблица 4. Статистические критерии качества и характеристики многофакторных зависимостей коэффициентов естественного прироста численности населения по регионам России

Показатель	Приемлемое значение	Многофакторная зависимость коэффициента			
		рождаемости		смертности	
		2005 г.	2012 г.	2005 г.	2012 г.
1. Критерий оценки качества модели					
1.1. Коэффициент регрессии (R)	$\geq 0,7$	0,759	0,798	0,827	0,840
1.2. Коэффициент детерминации (R ²)	$\geq 0,7$	0,576	0,637	0,683	0,706
1.3. F-статистика	> 3,920 (при числе степеней свободы 1 и (72-73) и уровне значимости 0,05)	4,521	6,2421	7,335	9,006
1.4. Критерий Дарбина–Уотсона	≈ 2	1,809	1,704	1,359	1,440
2. Факторные признаки		$(X_1, X_2, \dots, X_{16})$			
2.1. Преимущество факторов		$X_4, X_5, X_8, X_{12}, X_{14}$		$X_4, X_6, X_8, X_9, X_{12}, X_{14}$	
2.2. Трансформации в факторных признаках		X_3, X_{10}, X_{13}	X_7, X_9, X_{11}, X_{15}	$X_1, X_{10}, X_{13}, X_{15}$	X_3, X_7

(образовательные услуги), которые (наряду с X_8 и X_{12}) являются характеристиками социально-экономического развития. Заметный рост рождаемости на территориях *периферийного типа* подтверждается повышением к 2012 году уровня стандартизованных коэффициентов факторов обратного влияния (инфраструктурного обустройства территории X_8 и развития предпринимательской среды X_{12}): β -коэффициенты названных показателей увеличились по модулю с 0,358 до 0,714 и с 0,264 до 0,325, соответственно.

В целом в региональном пространстве России с введением института материнского капитала происходят следующие трансформации.

Во-первых, как было отмечено выше, усиливается процесс повышения рождаемости в регионах «производственной» периферии с неразвитой сетью автодорог, сектором услуг и т.д. Подтверждает эту тенденцию и исчезновение из модели фактора (X_{10}), отражающего конкурентоспособность территории на внешнем рынке.

Во-вторых, образуется прямая корреляция между рождаемостью и факторами «социальной» агломерации. Стандартизованный β -коэффициент «нового» фактора плотности населения (X_7) составляет по модели 2012 года 0,672. Кроме того, наблюдается дрейф фактора социальной инфраструктуры (X_{14}) из сферы обратного влияния в сферу прямого, причем более сильного влияния на рождаемость (β -коэффициент составляет 0,468).

В-третьих, введение института материнского капитала оказало положительное влияние на рождаемость в регионах с высоким уровнем инновационной активности (X_{11}), что представляет особый интерес. К ним следует отнести Магаданскую область, где доля инновационно-активных

предприятий составляет 24,6% и Камчатский край (23,5%). Данный фактор имеет достаточную степень влияния, поскольку значение стандартизованного коэффициента $\beta(X_{11})$ составляет 0,220.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что результативность введенного с 2007 года инструмента регулирования рождаемости по ФЗ № 256 проявилась по широкому спектру типов ментальности — от *Человека-домохозяина* до *Человека инновационного*. Регионы с благоприятным предпринимательским климатом (X_{12}) и развитой инфраструктурой (X_8 , X_9), являющиеся интеллектуальными и образовательными центрами (X_{15}), как показало исследование, менее подвержены демографическим трансформациям за счет введения института материнского капитала.

Рост рождаемости обеспечил 70% демографических изменений по естественным причинам и более 57% всего прироста численности населения России за 1995–2012 годы. Влияние снижения смертности населения составило, соответственно, 30% по коэффициенту естественного прироста и более 24% — по общему.

Исследование демографических трансформаций, связанных с естественной убылью населения, было проведено авторами на основе построения параметрической модели коэффициента смертности ($K_{см}$) по спектру вышеприведенных факторных признаков (X_1, X_2, \dots, X_{16}). По рассматриваемой совокупности регионов России для условий 2005 года многофакторная зависимость имеет следующий вид:

$$K_{см}^{2005} = 18,171 - 0,023x_1 - 0,035x_4 + 0,001x_6 + 0,007x_8 - 0,825x_9 - 0,257x_{10} + 0,254x_{12} + 0,075x_{13} + 0,048x_{14} - 0,012x_{15}. \quad (3)$$

Связь между факторными признаками и результирующим показателем в представленной модели тесная ($R=0,827$), модель объясняет 68,3% общей дисперсии коэффициента смертности по субъектам России в 2005 г.

Расчетное значение F-статистики (7,335) превышает критическое почти в 2 раза при числе степеней свободы 1 и 72. Сравнение расчетных значений критериев качества модели (3) с критическими позволяет её оценивать как адекватную. Интерпретация полученной зависимости позволяет сделать выводы о том, что естественная убыль населения меньше в регионах, являющихся центрами экономического развития с высокой реальной заработной платой (X_1), развитым сектором услуг (X_9), высоким уровнем экспорта на душу населения (X_{10}) и накопления интеллектуального капитала с большой долей студентов (X_{15}). Такие условия формируют ментальность (и, как следствие, образ жизни) *Человека социоэкономического, проживающего в агломерациях* с благоприятной криминогенной обстановкой.

Рейтинг положительного влияния агломерации на снижение смертности в регионах России в 2005 году распределялся следующим образом: 1) $\beta(X_{15}) = -0,456$; 2) $\beta(X_1) = -0,363$; 3) $\beta(X_9) = -0,251$; 4) $\beta(X_{10}) = -0,226$.

Экономическое развитие не только положительно влияет на ожидаемую продолжительность жизни, но и имеет свои негативные последствия, о чем свидетельствуют значения коэффициентов регрессии факторов X_4 , X_8 и X_{12} в модели (3).

Во-первых, негативное влияние экономического развития проявляется в повышении интенсивности труда. Именно этим, по мнению авторов, можно объяснить обратный характер связи между уровнем занятости (X_4) и коэффициентом смертности. На взаимосвязь характера труда и

физического состояния индивида указывают многие исследователи [18]. Негативное влияние проживания населения в регионах с высоким уровнем трудовой активности в 2005 году было достаточно сильным, поскольку стандартизованный коэффициент фактора (X_4) составлял (-0,625). Тот факт, что показатель обеспеченности врачебной помощью (X_{13}) не оказывает положительного влияния на снижение смертности в регионах и имеет по зависимости (3) противоположный знак влияния, служит своеобразным маркером недостаточной эффективности системы здравоохранения в 2005 году и дополнительным аргументом необходимости её реформирования. С тех же позиций следует интерпретировать положительную корреляцию между фактором (X_{14}) и результирующим признаком в контексте детской смертности.

Во-вторых, территории с высоким уровнем социально-экономического развития характеризуются высокой плотностью автодорог (X_8), что сопровождается повышением смертности населения по причине дорожно-транспортных происшествий.

Стандартизованный коэффициент фактора ($\beta(X_8) = 0,142$) указывает на негативное влияние плотности автодорог на зависимую переменную. Неслучайно возникла необходимость разработки и реализации ФЦП «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах».

В-третьих, регионы с высокой концентрацией капитала и уровнем жизни являются очагами неблагоприятной криминогенной обстановки (X_6). Существенное влияние фактора ($\beta(X_6) = 0,244$) на коэффициент смертности было обусловлено не только долей тяжких преступлений с летальным исходом, но и причинением вреда здоровью населения регионов. В 2005 году наиболее высокие темпы роста числа преступлений были зарегистрированы по

таким видам, как грабежи (137%), кражи (123,2%), незаконный оборот наркотиков (116,8%) и преступления в сфере экономики (116,5%). В регионах, где успешно развивался малый бизнес (X_{12}), наблюдался повышенный уровень коэффициента смертности с достаточно высокой степенью влияния фактора ($\beta(X_{12}) = 0,302$). Такая ситуация требовала совершенствования системы соответствующих институтов. Для улучшения криминогенной обстановки была принята и начала реализовываться с 2007 года ФЦП «Развитие судебной системы России».

Для 2012 года многофакторная зависимость коэффициента смертности по субъектам РФ имеет следующий вид:

$$K_{см}^{2012} = 25,644 - 0,003x_3 - 0,007x_4 + 0,001x_6 - 0,002x_7 + 0,003x_8 - 0,487x_9 + 0,311x_{12} - 0,135x_{14}. \quad (4)$$

Полученная модель с коэффициентом множественной регрессии $R=0,840$ указывает на тесную связь между уровнем смертности и включенными в модель факторами и объясняет 70,6% общей дисперсии коэффициента смертности в субъектах России в 2012 г. Преобладание в зависимости (4) относительно зависимости (3) обеспечивается включением в неё семи факторов: X_4 , X_6 , X_8 , X_7 , X_9 , X_{12} и X_{14} . В обеих моделях наблюдается разнонаправленное влияние показателей социально-экономического развития регионов на коэффициент смертности. Это можно интерпретировать тем, что, с одной стороны, развитие территории способствует формированию образа жизни *Человека, проживающего в центрах агломераций* (X_7) с высокой долей сектора услуг (X_9 , X_{14}), что положительно сказывается на продолжительности жизни и снижении коэффициента смертности, а с другой стороны, в экономически благополучных ре-

гионах с развитой бизнес-средой (X_{12}) концентрируется население с криминальными проявлениями (X_6), фиксируется большее количество жертв дорожно-транспортных происшествий вследствие высокой плотности автодорог (X_8), что приводит к повышенной смертности на этих территориях. Негативное влияние названных факторов на продолжительность жизни за исследуемый период (2005/2012 гг.) не только не снижается, но даже повышается по ряду переменных ($\beta(X_{12}) = 0,302/0,467$; $\beta(X_8) = 0,142/0,467$, $\beta(X_6) = 0,244/0,244$).

Следует отметить, что, в целом, за 2005–2012 гг. криминогенная обстановка улучшилась: по данным Росстата общее число преступлений снизилось на 35%. Доля краж осталась практически на том же уровне, сократившись в течение семи лет с 44,2 до 43,1%. Вместе с тем увеличились количество и доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Если в 2005 г. было зарегистрировано 175,2 тысячи таких преступлений (4,9% от общего числа), то к 2012 году их количество составило 219 тысяч (9,5%). Снижение абсолютного числа преступлений при сохранении степени их влияния на сокращение продолжительности жизни свидетельствует о недостаточности предпринимаемых мер по отношению к темпам развития неблагоприятных тенденций.

Ментальные трансформации демографической подсистемы можно наблюдать через изменение факторов, определяющих типы ментальности, и степени их влияния. Во-первых, исчезновение факторов, отражающих экономические ценности (уровень жизни по реальной заработной плате X_1 и уровень конкурентоспособности производств по экспорту X_{10}), при появлении в модели (4) фактора, связанного с благоприятной для жизни экологической средой (оцениваемой по заболеваемости насе-

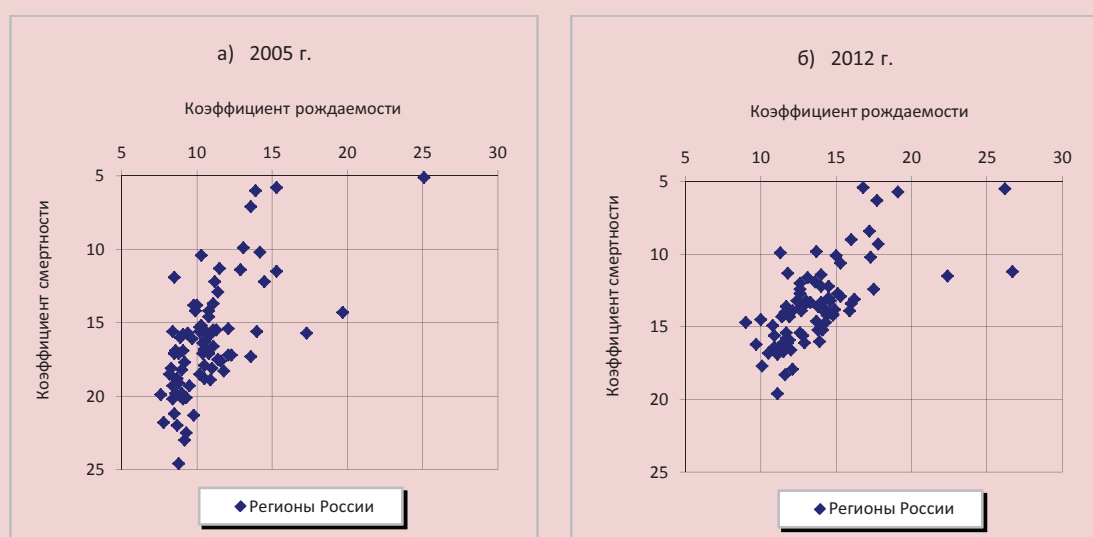
ления X_3), свидетельствует об изменении ценностных ориентаций, определяющих образ жизни и влияющих на уровень смертности. В ментальность *Человека социально-экономического* «встраивается» ментальность *Человека социоприродного*, олицетворяющая ценности устойчивого развития. Появление «новых признаков» у трансформанта можно отнести на счет реализации программ по формированию здорового образа жизни и благоприятной среды обитания (например, ФЦП «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в РФ до 2010 года»). Уменьшение негативного влияния высокой интенсивности труда на продолжительность жизни (β -коэффициент фактора X_4 изменяется от (-0,625) в 2005 году до (-0,158) в 2012 году) интерпретируется авторами как результат повышения уровня социальных стандартов в обществе.

Изучение демографических трансформаций предполагает исследование не только изменения уровня коэффициентов

рождаемости и смертности, но и оценку их сходимости. Проблеме межрегиональных различий, связанных с неоднородностью социально-экономической среды российских регионов, посвящено большое количество работ [2, 3, 6]. Комплекс реализованных мер по совершенствованию системы институтов, как показало исследование, не устранил дифференциацию уровня показателей естественного прироста по регионам, которая обусловлена значительными различиями в ментальности, условиях и образе жизни населения центров агломераций и территорий периферийного типа (рис. 2а, 2б).

Позиционирование регионов в матрицах «Рождаемость—смертность» позволяет визуально отследить благоприятные демографические сдвиги по субъектам РФ за анализируемый период, которые заметны по обоим детерминантам естественного прироста населения. Размах вариации коэффициента естественного прироста населения сокращается с 35,8 до 29,2 чел./1000 чел. населения.

Рисунок 2. Детерминанты естественного прироста населения в регионах России

Источник: Федеральная служба государственной статистики [16].

Среднеквадратическое отклонение исследуемого параметра уменьшается с 6,1 до 5,6 промилле. По показателю смертности населения за 2005–2012 гг. снижается не только его среднее значение по регионам России на 16,3%, но и коэффициент вариации – с 24,8 до 18,5% (к базе 2005 года). По показателю рождаемости, который за исследуемый период возрос почти на треть, коэффициент вариации увеличивается с 25,0 до 28,8%.

Демографические трансформации за 2005–2012 годы, как показало проведенное исследование, характеризуются:

1) *позитивными сдвигами*, проявившимися в повышении среднего коэффициента естественного прироста от -5,9 чел./1000 человек населения России до нулевой отметки;

2) *повышением значимости детерминанты рождаемости*, обеспечившей 57% изменения общего и 70% естественного прироста населения;

3) *снижением размаха вариации коэффициента естественного прироста* по субъектам РФ на 18,4%, а среднеквадратического отклонения – на 8,1%;

4) *ростом дифференциации регионов по показателю рождаемости*, коэффициент вариации которого увеличился на 15,2%, а стандартизированное отклонение – на 14,8%;

5) *эффективностью введения института материнского капитала* с позиций ши-

рокого охвата типов ментальности населения России, особенно характерных для территорий периферийного типа;

6) *снижением по регионам России не только уровня смертности*, но и *коэффициента его вариации* на 25,4%;

7) *повышением значимости влияния социально-экономического развития субъектов РФ и ментальности Человека, проживающего на территориях периферийного типа*, на процессы рождаемости, а *ментальности Человека, проживающего на территориях центров агломераций*, – на процессы смертности (включая положительные и отрицательные эффекты).

Поскольку современная региональная политика представляет сложную смесь различных подходов, учитывающих экономические, социальные, демографические и иные процессы [1], полученные в исследовании результаты могут быть использованы административными структурами для более полной оценки эффективности институциональных трансформаций. Для повышения темпов прироста человеческого капитала как критерия успешности управления на основе принципа саморазвития при разработке региональной политики необходимо учитывать не только дифференциацию социально-экономического развития территорий, но и различия в ментальности населения, проживающего в крупных агломерациях и на периферии.

Литература

1. Артоболевский, С.С. Региональная политика: социальная компенсация или экономическое развитие? / С.С. Артоболевский // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2013. – № 1. – С. 14-21.
2. Гаджиев, Ю.А. Социально-экономическое развитие регионов России / Ю.А. Гаджиев, В.И. Акопов // Экономика региона. – 2011. – № 3. – С. 80-88.
3. Гусаков, М.А. Выявление направлений и путей трансформации научно-инновационного пространства регионов разного типа / М.А. Гусаков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 151-168. – DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.12

4. Дружинина, И.В. Инфраструктура рынка труда: региональный аспект / И.В. Дружинина: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2001. – 24 с.
5. Дружинина, И.В. Проблемы оценки функционирования рынка труда / И.В. Дружинина, С.В. Павлов // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. – 1997. – № 6. – С. 191.
6. Зубаревич, Н.В. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран / Н.В. Зубаревич, С.Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2014. – № 4. – С. 100-110.
7. Классики менеджмента / под ред. М. Уорнера; пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб.: Питер, 2001. – 1168 с.
8. Куклин, А.А. Методический подход к оценке эффективности управления социально-демографическими процессами в регионе / А.А. Куклин, Е.В. Васильева // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 3 (41). – С. 79-86.
9. Курушина, Е.В. Расширение концептосферы регионального экономического развития самоорганизующихся систем / Е.В. Курушина. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – 212 с.
10. Курушина, Е.В. «Умный» рост: институциональные и ментальные трансформации / Е.В. Курушина // Экономика и управление. – 2014. – № 5 (103). – С. 32-38.
11. Курушина, Е.В. Управление человеческим потенциалом на основе мотивационных факторов / Е.В. Курушина // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2009. – № 2. – С. 11-13.
12. Курушина, Е.В. Трансформация человеческого капитала в ментальном пространстве / Е.В. Курушина, И.В. Дружинина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 430.
13. Общие итоги миграции населения Российской Федерации [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
14. Печерица, Е.В. Организационно-экономический механизм повышения уровня жизни населения региона при локализации гостиничных кластеров / Е.В. Печерица // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2014. – № 1 (27). – С. 106-112.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2013 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
16. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
17. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
18. Тарасова, О.В. Личностная энергия как движущая сила инновационного развития общества / О.В. Тарасова, С.В. Вершинина // Наука и бизнес: пути развития. – 2014. – № 4 (34). – С. 40-43.
19. Татаркин, А.И. Оценка факторного влияния на среднюю ожидаемую продолжительность жизни населения муниципального образования (на примере г. Екатеринбурга) / А.И. Татаркин, С.А. Тимашев, О.А. Козлова, М.Н. Макарова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 9-2. – С. 128-132.
20. Янч, Эрих. Самоорганизующаяся Вселенная [Электронный ресурс] // Сайт. С.П. Курдюмова. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/samoorganizuyushhayasya-vselennaya/>

Елена Викторовна Курушина – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Тюменский государственный нефтегазовый университет (Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, kurushina.tsogu@yandex.ru)

Ирина Васильевна Дружинина – кандидат социологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Тюменский государственный нефтегазовый университет (Россия, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, 030370div@gmail.com)

Kurushina E.V., Druzhinina I.V.

Demographic Transformations of the Russian Regional Space

Elena Viktorovna Kurushina – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Tyumen State Oil and Gas University” (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation, kurushina.tsogu@yandex.ru)

Irina Vasil'evna Druzhinina – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Tyumen State Oil and Gas University” (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation, 030370div@gmail.com)

Abstract. The paper considers the transformations of the quantitative components of human capital, which is the main driver of economic growth in the material, institutional and mental space. According to the author's concept of stratified space, the processes of self-reproduction and self-renewal of a system are carried out in the material space. This can be determined by the indicators of fertility, mortality and migration in the demographic subsystem. The process of self-regulation of a system on the basis of legislative acts and behavior patterns is carried out in the institutional space. Institutional transformations are also manifested in the implementation of federal target programs for socio-economic development, affecting the state of the demographic subsystem. The processes of self-reflection, self-determination and self-development are carried out in the mental space. Mental transformations in the demographic subsystem are manifested in the change of value orientations. In accordance with the system of values that are conceptualized in modern development strategies the authors define the following models of Man: Economic Man, Socio-Economic Man (who lives in agglomeration centers and at the periphery), Socio-Natural Man (Environmental Man and Householder Man) and Innovative Man. Demographic shifts are investigated in 83 Russian regions on the determinants of birth rate and mortality. The analyzed period of transformation covers 2005 and 2012. Methods of matrix analysis are used to visualize the process of demographic shifts. The assessment of transformation of the stratified regional space spheres is given on the basis of the multifactor models of the population natural growth rate. The paper reveals the reduction in the level and variation of mortality rate, the increasing importance and differentiation of regions according to fertility rate, and the effectiveness of introducing the institution of maternity capital from a perspective of the wide coverage of mentality types of Russia's population. When developing regional policy, the proposed research format takes into account not only the differentiation of socio-economic development of territories, but also the differences in the mentality of people, who live in large metropolitan areas and in the periphery.

Key words: transformation, natural population growth, institutional and mental space, model of Man, regions of Russia.

References

1. Artobolevskii S.S. Regional'naya politika: sotsial'naya kompensatsiya ili ekonomicheskoe razvitiye? [Regional Policy: Social Compensation or Economic Development?]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Herald of the Russian Academy of Sciences. Series Geography], 2013, no 1, pp. 14-21.
2. Gadzhiev Y.A., Akopov V.I. Sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye regionov Rossii [Socio-Economic Development of Northern Regions of Russia], *Ekonomika regiona* [Economics of the Region], 2011, no 3, pp. 80-88.
3. Gusakov M.A. Vyyavlenie napravlenii i putei transformatsii nauchno-innovatsionnogo prostranstva regionov raznogo tipa [Identification of Directions and Ways to Transform the Scientific and Innovation Space in Different Regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no 3 (33), pp. 151-168.

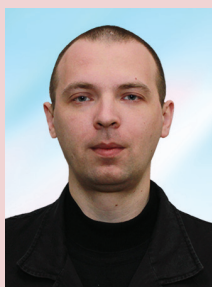
4. Druzhinina I.V. *Infrastruktura rynka truda: regional'nyi aspekt: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk.* [The Labor Market Infrastructure: Regional Aspect. Social Science Ph.D. Thesis Abstract]. Tyumen: TGNGU, 2001. 24 p.
5. Druzhinina I.V., Pavlov S.V. Problemy otsenki funktsionirovaniya rynka truda [Problems of the Labor Market Functioning]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Neft' i gaz.* [Higher Educational Institutional News. Oil and Gas], 1997, no 6, p. 191.
6. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Territorial'noe neravenstvo dokhodov naseleniya Rossii i drugikh krupnykh postsovetskikh stran [Spatial Inequality of Income in Russia and Large Post-Soviet Countries]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Research], 2014, no 4. pp. 100-110.
7. *Klassiki menedzhmenta* [Classics of Management]. Ed. by M. Warner. Translated from English by U.N. Kapturevskii. Saint Petersburg: Piter, 2001. 1168 p.
8. Kuklin A.A., Vasil'eva E.V. Metodicheskii podkhod k otsenke effektivnosti upravleniya sotsial'no-demograficheskimi protsessami v regione [Methodological Approach to Assess the Efficiency of the Social-Demographic Processes Management in a Region]. *Izvestiya of URGU* [USUE News], 2012, no 3 (41), pp. 79-86.
9. Kurushina E.V. *Rasshirenie kontseptosfery regional'nogo ekonomicheskogo razvitiya samoorganizuyushchikhsya sistem* [The Expansion of the Concept Sphere of the Economic Development of Self-Organizing Systems]. Tyumen: TGNGU, 2014. 212 p.
10. Kurushina E.V. "Umnyi" rost: institutsional'nye i mental'nye transformatsii [Smart Growth: Process of Institutional and Mental Transformations]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2014, no 5 (103), pp. 32-38.
11. Kurushina E.V. Upravlenie chelovecheskim potentsialom na osnove motivatsionnykh faktorov [Human Potential Management Based on Motivational Factors]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics], 2009, no 2, pp. 11-13.
12. Kurushina E.V., Druzhinina I.V. Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v mental'nom prostranstve [The Human Capital Transformation in the Mental Space]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no 6. pp. 430.
13. Obshchie itogi migratsii naseleniya Rossiiskoi Federatsii [General Results of the Population Migration in the Russian Federation]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/>
14. Pecheritsa E.V. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm povysheniya urovnya zhizni naseleniya regiona pri lokalizatsii gostinichnykh klasterov [Organizational and Economic Mechanisms for Improving Living Standards in the Region when Determining the Location of Hotel Clusters]. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa* [Technical and Technological Issues of Service], 2014, no 1 (27), pp. 106-112.
15. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli – 2013 g. [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators – 2013]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/>
16. Rozhdaemost', smertnost' i estestvennyi prirost naseleniya [Fertility, Mortality and Natural Population Growth]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/>
17. *Sovremennyi slovar' inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Rus. yaz., 1993. – 740 p.
18. Tarasova O.V., Vershinina S.V. Lichnostnaya energiya kak dvizhushchaya sila innovatsionnogo razvitiya obshchestva [Personal Energy as a Driving Force of Innovative Development of Society]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and Business: Development Ways], 2014, no 4 (34), pp. 40-43.
19. Tatarkin A.I., Timashev S.A., Kozlova O.A., Makarova M.N. Otsenka faktornogo vliyaniya na srednyuyu ozhidaemuyu prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya munitsipal'nogo obrazovaniya (na primere g. Ekaterinburga) [Assessing the Impact of Factors on the Average Life Expectancy of the Population in the Municipality (on the Example of Yekaterinburg)]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2014, no 9-2, pp. 128-132.
20. Jantsch E. *Samoorganizuyushchayasya Vselennaya* [The Self-Organizing Universe]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/samoorganizuyushchayasya-vselennaya/>

Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований

**Юлия Евгеньевна
ШМАТОВА**

кандидат экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, common@vscc.ac.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

кандидат экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru

Аннотация. В статье представлены основные результаты первого этапа исследования субъективной удовлетворенности качеством жизни и ее влияния на социальное развитие, начатого научным коллективом ИСЭРТ РАН в 2015 г. Показано, что субъективная оценка качества жизни является критерием оценки эффективности государственного управления, индикатором восприятия населением экономических, социальных и политических решений. На базе обобщения отечественного и международного опыта обоснована значимость в постиндустриальной экономике феномена счастья как цели государственного управления и критерия оценки его эффективности с точки зрения политиков, экономистов, социологов, психологов. Рассмотрены основные мировые и национальные индикаторы и рейтинги счастья, позволяющие проводить межстрановые сравнения, и их достоинства и недостатки. К недостаткам индексных методик оценки уровня счастья относится использование национальных средних показателей без учета асимметричности в распределении благ и факторов духовно-нравственного развития человека; отсутствие возможности оперативных и регулярных подсчетов индексов, учета страновых особенностей, культурных и этнических различий. В интегральном показателе не отражаются также проблемы по направлениям частных индексов. В статье обоснована необходимость использования саморепрезентативных анкетных

методик как наиболее надежных источников информации об уровне субъективной удовлетворенности населения качеством жизни, отмечены некоторые методические особенности их применения. Приведены результаты исследований ВЦИОМ, Института социологии РАН, ИСЭРТ РАН, в которых не только измерен уровень счастья населения, но и выявлен комплекс условий, влияющих на его формирование: уровень материального благополучия, характер семейных взаимоотношений, удовлетворенность профессиональной деятельностью.

Ключевые слова: экономика счастья, субъективная удовлетворенность жизнью, благосостояние, методы оценки уровня счастья, оценка эффективности государственного управления, неэкономические факторы экономического роста.

Введение

Симптоматичной тенденцией в развитии современной социогуманитарной науки является ее стремление к точности, количественному выражению изучаемых характеристик общества и одновременно обращение к тем сторонам его жизни, которые традиционно игнорировались, как якобы исключающие точный количественный анализ. Одну из таких характеристик общественной жизни представляет счастье, к которому проявляют интерес самые разные социогуманитарные дисциплины.

В экономике даже сложилось такое направление, как экономика счастья. Это направление во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных оценок, делая акцент на субъективном благополучии и через него оценивая качество объективных условий жизни людей, а экономика рассматривается в гуманистических координатах – как инструмент создания благополучия для социума в целом и каждого человека в отдельности [20].

Счастье является социокультурным феноменом, объединяющим множество аспектов социальной реальности, каждый из которых важен как для отдельного человека, так и для общества в целом. В настоящее время в мире формируется мощное интеллектуальное движение, связанное с попытками исследования счастья научными методами. Актуальность проблемы

определяется особой значимостью исследуемого понятия как критерия оценки эффективности принимаемых государством решений, а также запросом со стороны общества, обусловленным естественным желанием каждого человека быть счастливым и необходимостью улучшения социального здоровья и качества жизни населения.

В случае если проводимая политика неэффективна, определенные группы населения ощущают социальную депривацию и уровень их эмоционального комфорта, а значит, и счастья падает. Следовательно, основная цель политики, проводимой по отношению к населению как на государственном, так и на муниципальном уровне, заключается в нивелировании депривирующих моментов для различных групп населения.

В связи с актуальностью вопросов изучения и использования субъективной оценки качества жизни в научной и управленческой практике ИСЭРТ РАН начинает исследование, посвященное проблеме счастья. В ходе данного исследования предполагается разработка научно обоснованного методологического подхода к измерению уровня счастья, а также изучение влияющих на него факторов, определение роли субъективной удовлетворенности жизнью в социальном восприятии социально-экономических процессов и эффективности государственного управления. В нашей

статье изложены основные результаты первого этапа исследования, целью которого являлось изучение и обобщение опыта зарубежных и отечественных исследований субъективной оценки качества жизни.

Исходя из обозначенной цели были поставлены следующие **задачи**:

✓ рассмотреть степень научной разработанности проблемы использования показателя уровня счастья в качестве критерия эффективности принимаемых государственных решений;

✓ изучить методические аспекты и опыт применения различных методов оценки уровня счастья, проанализировать их достоинства и недостатки с целью разработки и научного обоснования авторского подхода, который впоследствии будет применяться на дальнейших этапах исследования;

Для решения поставленных задач рассмотрим следующее.

1. Формирование комплексного научного представления об уровне счастья как индикаторе социального развития и эффективности государственного управления.

Научные представления о счастье и его индикативных возможностях

Еще в 1968 году Роберт Кеннеди в знаменитой речи, произнесённой во время предвыборной президентской кампании, отмечал следующее: «Наш валовой национальный продукт включает в себя загрязнение воздуха, рекламу сигарет и машины скорой помощи, увозящие пострадавших в катастрофах. Он учитывает и дверные замки, и тюрьмы для людей, которые их взламывают. Он включает в себя уничтожение секвойных лесов и уникальной природы в результате хаотичной урбанизации... Но он не учитывает здоровье наших детей, качество их образования или радость, которую доставляют им игры. В нем никак не отражается красота поэзии или прочность

браков, уровень политических дебатов или честность должностных лиц. Он не измеряет ни ум, ни отвагу, ни мудрость, ни умение учиться, и даже наше сострадание или преданность стране никак в нем не учитываются. Проще говоря, он измеряет все, кроме того, ради чего действительно стоит жить» [31, с. 61].

Рут Винховен, голландский социолог, пионер и признанный мировой авторитет в научном исследовании счастья, внес неоспоримый вклад в возрождение интереса к счастью как цели государственной политики. По его мнению, уровень счастья, который демонстрируют люди, наряду с уровнем здоровья и благосостояния является одним из важных измеряемых показателей того, насколько данное конкретное общество пригодно и комфортно для жизни людей [49]. Он показал, что счастье может быть использовано как надежное измерение для оценки прогресса в обществе [36]. Винховен является директором-основателем Всемирной базы данных счастья, а также основателем и главным редактором «Журнала исследования счастья» (Journal of Happiness Studies). Он считается «крестным отцом исследования счастья» и «ведущим специалистом по всему миру уровней счастья от страны к стране» [50].

Русский социолог П.А. Сорокин указывал как на недопустимость игнорирования счастья, так и на преувеличение его значимости: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они не были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [25, с. 511].

Профессор Лондонской школы экономики Р. Лэйард считает, что именно стремление человека к счастью должно быть принято государством в качестве золотого стандарта и основы всех политических решений [10]. По его мнению, счастье граждан — единственный показатель эффек-

тивности, который правительства должны учитывать при планировании своего курса, а умножать богатство имеет смысл только для преумножения счастья людей [10].

С экономистами и социологами солидарны психологи. М. Селигман утверждает, что мы вступаем в «экономику удовлетворенности жизнью», что успех бизнеса напрямую зависит от смысла жизни и межличностных отношений [23], а политика государства должна быть направлена на умножение общего благополучия, и благополучием можно измерить ее успех и провал [там же, с. 122]. При этом он, подобно Кеннеди, иронично замечает, что традиционный показатель результативности экономической политики – ВВП – растет и тогда, когда строится новая тюрьма, когда разводятся люди, когда случается автомобильная авария или совершается самоубийство, т.е. рост ВВП достигается путем «преумножения несчастий».

Многочисленные исследования подтверждают тот факт, что чем больше благосостояние, тем выше счастье – сравниваем ли мы различные страны между собой или население внутри одной страны, данный факт будет прослеживаться. Однако, как оказалось, рост удовлетворенности жизнью не всегда прямо связан с ростом благосостояния. Подтверждением этому может служить известный парадокс Истерлина, названный в честь экономиста Ричарда Истерлина, который обнаружил, что рост доходов на душу населения лишь до определенного уровня приводит к росту счастья, но не более [41]. Здесь действует принцип «гедонистического колеса»: «Притязания растут вместе с ростом дохода, и после удовлетворения основных нужд для благополучия имеет большое значение не абсолютный, а относительный уровень дохода» [там же]. Р. Лэйард считает, что такой порог составляет 20 000 долларов ВВП на душу на-

селения в год. В странах, прошедших этот уровень, удовлетворенность жизнью больше не растет, а порой даже снижается [10].

Интерес к этому парадоксу не ослабевает до сих пор. В 2003 году Р. Винховен и М. Хэджерти опубликовали исследование, опровергающее парадокс Истерлина [44]. В 2008 году Б. Стивенсон и Дж. Вольфатерс установили, что увеличение абсолютного дохода четко связано с повышением самооценки счастья. И межстрановые исследования, и опросы внутри стран показывают, что между счастьем и логарифмом дохода наблюдается практически линейная зависимость – одна и та же и для богатых, и для бедных. Э. Динер также провел широкомасштабное исследование, результатом которого стал вывод о том, что рост доходов вызывает рост счастья, если при этом потребности растут медленнее дохода [40]. Однако в 2010 году Истерлин опубликовал новое исследование, затрагивающее 37 стран, подтверждающее его предыдущие выкладки [42]. Таким образом, вопрос о взаимосвязи счастья и благосостояния остается открытым.

Недостаточность экономических факторов, их неоднозначная связь с удовлетворенностью жизни проявляется, например, в том, что, хотя жители западных стран сейчас в среднем в 4 раза лучше материально обеспечены, чем 40 лет назад, уровень их субъективного благополучия практически не изменился, а у 37% богатых американцев ощущение счастья ниже среднего уровня [39]. М. Аргайл подчеркивает, что ученые до сих пор «не смогли понять, почему огромные исторические подвижки в среднем уровне дохода не вызвали повышения степени удовлетворенности и счастья. Вероятно, данный факт обусловлен ростом притязаний: если раньше люди мечтали о собственном велосипеде, то сейчас им уже нужно два автомобиля» [1, с. 177].

Справедливо утверждается, что «субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективно влияет на общественную ситуацию в гораздо большей степени, чем реальное положение дел» [28, с. 136], поэтому, как отмечает С.В. Степашин, «удовлетворенность или неудовлетворенность населения своей жизнью является важным показателем внутренней стабильности общества, уровня общественной поддержки деятельности властей и властных институтов в целом» [там же, с. 137]. Постепенно приходит понимание того, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» [там же]. В настоящее время основное отличие так называемой вторичной модернизации от первичной принято усматривать в том, что ее главной задачей становится уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении [14].

Рост доходов нельзя напрямую конвертировать в счастье. По словам профессора московской Высшей школы экономики Александра Долгина, «такие показатели, как объем ВВП, абсолютизируются. При этом напрочь выпадает из виду, что интенсивный экономический рост приводит к эмоциональному истощению. А еще он откусывает квоту счастья у будущего поколения из-за того, что задирает планку ожиданий. Необходима система, способная улавливать тонкое самоощущение людей. Улавливать в динамике, не усредняя, в привязке ко времени и различным человеческим стратам» [3].

Интерпретацией содержания феномена счастья занимались представители разных научных дисциплин. Внимание социально-философской характеристике феномена

счастья уделяли П.С. Гуревич, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, К. Нешев, В. Татаркевич, С.С. Хоружий.

С точки зрения социолингвистики феномен счастья раскрывается в работах С.Г. Воркачева, И.С. Гавриловой, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, С.С. Неретиной, Б.А. Рыбакова, И.В. Сидоренко, А.Д. Шмелева, М. Фасмера.

Последнее десятилетие в США активно развивается научное направление «позитивная психология», ведущими представителями которого являются Э. Динер, М. Чиксентмихайи, М. Селигман, М. Аргайл, Д. Вэйллант, Д. Канеман, Д. Келтнер, С. Мюррей, Э. Резески, М. Финчман, С. Хазан, Л. Харкер, Г. Ховард и др.

Одним из значимых факторов, детерминирующих восприятие индивидом себя как счастливого человека, является развитый «социальный интеллект» как способность адекватно управлять своим поведением и планировать его, правильно понимать оценку собственных действий окружающими людьми. Идея социального интеллекта (Ф. Вернон, Дж. Гилфорд, О.В. Лунева, А.И. Савенков, М. Салливан, Э. Торндайк, Д.В. Ушаков, М. Хендрикс) тесно связана с концепциями эмоционального интеллекта, которые разрабатывали Г. Айзенк, Р. Барон, Д. Големан, Д.В. Люсин, Д. Мэйер, П. Сэлловэй.

В контексте социально-экономических исследований счастье часто ассоциируют с понятием «качество жизни», которое исследовали И.В. Бестужев-Лада, Д. Бэлл, Д. Гейбор, Дж. Гэлбрейт, Л.А. Кривоносова, О. Тоффлер и др.

Экономисты С.М. Гуриев и Е.В. Журавская рассматривали счастье через призму удовлетворенности жизнью и материальных потребностей, но феномен счастья этими показателями не исчерпывается. Многие исследователи обращают внима-

ние на то, что показатели уровня счастья в разных странах слабо коррелируют с показателями уровня ВВП (Р. Аммонс, Дж. Хорвитц и др.).

Среди современных отечественных исследователей в области изучения феномена счастья известны такие ученые, как И.А. Джидарьян, Е.Л. Дубко, В.Г. Иванов, М. Мамардашвили, О.В. Митина, В.Ф. Петренко, Б.И. Попов, И.В. Сидоренко, Е.Л. Смирнова, Е.П. Павлова, В.Л. Титов, а также А.В. Юревич, А.Л. Журавлев. Двое последних обосновывали представление о смысле жизни (в т.ч. и коллективных смыслах, «национальной идее») как одном из фундаментальных компонентов удовлетворенности жизнью и счастья.

Таким образом, проблема счастья, его измерения и использования актуальна в работах исследователей в самых разных областях социогуманитарной науки. Это обуславливает комплексный характер рассматриваемого феномена, что является ключевым условием любого индикатора эффективности государственного управления. Актуальность изучения счастья связана с потребностью в совершенствовании методологии измерения эффективности государственного управления и общественного развития в целом. Возможно, макроэкономические показатели как индикаторы результативности проводимой политики отлично работали в индустриальной экономике, однако в постиндустриальной их уже недостаточно. Математические абстракции экономических теорий, которым традиционно следуют власти большинства стран, имеют мало общего с жизнью реальных людей, и сегодня все больше ученых склоняется к мысли, что страны должны мериться не только силой и богатством, но и счастьем своих жителей. Разумеется, отказываться от показателя ВВП в межстрановых сравнениях и в качестве

критерия эффективности принимаемых государственных решений нельзя, но его дополнение таким критерием, как оценка субъективной удовлетворенности качеством жизни, — необходимо, поскольку будет способствовать более объективному отражению результатов деятельности органов государственного управления и готовности страны к переходу на новый этап модернизационного развития.

Правительственные инициативы применения показателя субъективного благополучия в качестве альтернативы ВВП

Конечно, счастье — материя слишком эфемерная и с трудом поддается измерению, но, тем не менее, в последнее время такие попытки предпринимаются все чаще. Пионером здесь стал маленький **Бутан**, в котором общепринятое понятие валового внутреннего продукта было заменено категорией так называемого «валового национального счастья» (ВНС). Модель валового национального счастья подразумевает измерение качества жизни в балансе между материальным и духовным. Само это понятие было введено еще в 1972 году королем Бутана Джигме Сингье Вангчук.

Своей главной целью правительство Бутана объявило стремление к счастью каждого своего гражданина, это положение даже закреплено в Конституции страны: «Государство принимает все возможные меры для создания и поддержания условий, которые способствуют достижению счастья для всей нации» [8]. При этом власти Бутана обращались за помощью к западным экономистам, чтобы создать методику расчета ВНС.

В 1998 году был принят новый план правительства Бутана, получивший название «Четыре столпа счастья». Такими «столпами» стали устойчивое экономическое развитие, охрана окружающей среды,

пропаганда национальной культуры и эффективное правление. Согласно плану, именно в таких условиях можно добиться счастья для каждого жителя страны. Эти «четыре столпа» делятся на девять «сфер счастья»: психологическое благополучие, экология, здоровье, образование, культура, уровень жизни, использование времени, активность общественной жизни и хорошее управление. Столпы и сферы счастья измеряются по 72 показателям. Например, сфера психологического благополучия анализируется по следующим индикаторам: частота молитв и медитации, уровень эгоизма, зависти, ревности, хладнокровия, сочувствия, щедрости, отчаяния, мысли о самоубийстве. Через каждые два года проходит процедура переоценки всех индикаторов методом всенародного опроса [16].

19 июля 2011 года Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Бутана и при соавторстве более 50 государств, в том числе Франции, Великобритании и Японии, приняла резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию», в которой рекомендовано использовать счастье как показатель развития каждой страны [18]. При этом в Резолюции ООН содержится призыв к странам мира осуществлять деятельность по разработке собственных методов измерения счастья, представлять их в ООН с целью обмена опытом и формирования универсальной системы оценки уровня счастья.

Еще одна попытка найти альтернативу ВВП была предпринята в 2008 году во **Франции**. Президент страны Николя Саркози создал специальную комиссию по измерению экономических достижений и социального прогресса, которую возглавили нобелевские лауреаты — индиец Амартия Сен и американец Джозеф Стиглиц, известные своим критическим отношением к общепринятым методам управления

экономикой. Комиссия предложила использовать для расчетов такие индикаторы качества жизни, как устойчивость развития, безопасность, политические права людей, состояние экологии и т.д.

В 2009 г. Стиглиц и Сен опубликовали статью, в которой утверждали, что преувеличение значения динамики ВВП стало одной из причин мирового финансового кризиса. Правительства и экономисты упустили из виду другие, не менее важные факторы, такие как социальная цена безработицы или неконтролируемое кредитование, которое увеличивало сегодняшние темпы роста экономики в ущерб дню завтрашнему. По итогам работы комиссии президент Саркози предложил ввести для оценки развития страны такие параметры, как счастье и доступность услуг здравоохранения, и призвал другие страны взять на вооружение опыт Франции.

В настоящее время существует ряд национальных индексов, рассчитываемых в рамках одной страны по специфическим методикам [22]. В конце 2010 года правительство **Великобритании** выделило два миллиона фунтов стерлингов на измерение индекса счастья, который, по мнению Д. Кэмерона, должен дополнить традиционные статистические показатели. Индекс счастья в Великобритании определялся методом социологического опроса, в ходе которого респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, в частности: «В какой степени вы довольны своей жизнью, насколько счастливыми вы были вчера, сколь сильно ощущение, что ваша жизнь не лишена смысла?» и т.д. По результатам первичных опросов газета «The Independent» пришла к выводу, что в основе позитивного самоощущения, с точки зрения британцев, независимо от возраста, лежат крепкое здоровье, гармоничные отношения и работа, приносящая удовлетворение [11].

Власти Китая в 2011 году приняли решение ввести собственный индекс счастья. Он рассчитывается на основе 16 показателей — как традиционных экономических индикаторов, так и весьма необычных. Индекс учитывает расходы на научные исследования, образование, культуру и спорт. Кроме того, принимается в расчет метраж жилой площади на человека, количество врачей на тысячу жителей, площадь зеленых насаждений и даже отношение объема эмиссии углекислого газа к размеру ВВП. По мнению премьер-министра КНР Вэнь Цзябао, эффективность работы чиновника следует определять не по количеству построенных небоскребов, а тем, насколько счастливы люди под его управлением. Индекс счастья уже используется в провинции Хэнань для оценки работы чиновников, и на его основании даже прошло несколько показательных увольнений [30].

Таким образом, мы видим, что изучение и использование такого феномена, как счастье, волнует не только представителей фундаментальной науки, но и практиков государственного управления. Многочисленные попытки правительств разных стран найти универсальный способ измерения счастья и применения полученных результатов для оценки эффективности государственного управления в настоящее время складываются в отдельное направление теоретической и практической деятельности, которое по мере эволюции социального развития и усложнения общественного устройства становится все сложнее игнорировать. Не существует, а возможно, и не должно быть единой методики измерения счастья, однако стремление к ее созданию, на наш взгляд, является важным фактором повышения эффективности взаимодействия общества и государства любой страны.

2. Методы оценки субъективной удовлетворенности качеством жизни.

Индексные методы оценки уровня счастья

Всевозможные индексы счастья рассчитываются различными международными организациями и научными центрами, которые используют самые разнообразные методики. Самой известной и наиболее широко признанной альтернативой ВВП стал **Индекс человеческого развития (ИЧР)**. Он включает в себя в качестве составной части ВВП на душу населения, а также такие индикаторы, как доступ к образованию, средняя продолжительность жизни и ряд других факторов.

ИЧР ежегодно рассчитывается аналитиками Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов. Для определения этого индекса наряду с аналитическими разработками используются статистические данные национальных институтов и международных организаций. Доклады ПРООН по результатам исследований публикуются с 1990 года [19].

При составлении рейтинга учитывается множество факторов — в частности, ситуация в области прав человека и гражданских свобод, возможность участия в общественной жизни, социальная защищенность, степень территориальной и социальной мобильности населения, показатели уровня культурного развития, доступа к информации, здоровья, преступности и т.д.

По результатам исследования 2011 года верхнюю строчку рейтинга занимает Норвегия, за ней следуют Австралия, потом Нидерланды. Россия оказалась на 66 месте.

При всех своих достоинствах ИЧР имеет и ряд существенных недостатков: например, он опирается на национальные средние показатели, не отражающие асим-

метричность в распределении благ, не принимаются во внимание экологические факторы и вопросы духовно-нравственного развития человека. Поэтому, несмотря на комплексный подход, с учетом многочисленных показателей, используемых в расчете ИЧР, предпринимаются попытки совершенствования данной методики и поиска оптимального и универсального метода измерения счастья.

Очередная такая попытка была принята в 2006 году. Британский исследовательский центр New Economic Foundation совместно с некоторыми международными организациями и группой независимых экспертов разработал Всемирный индекс счастья (**The Happy Planet Index**). Это комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира и отдельных регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. В основе индекса лежат предположения об априорном желании человека прожить долгую жизнь, избавленную от страданий и лишений, нацеленности государственной деятельности на максимизацию благосостояния собственных граждан, включающую в себя разумное использование и охрану окружающей среды. Из них и вытекают три основных компонента, используемых при вычислении индекса: субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и состояние окружающей среды, измеренное через размеры биологически продуктивных территорий в расчете на одного человека. Иными словами, основная цель составления данного индекса заключается в том, чтобы оценить эффективность политики государства в отношении природных ресурсов страны и благополучия собственного населения [37].

Главная цель, которую преследовали создатели Всемирного индекса счастья,

заключалась в том, чтобы определить эффективность, с которой страны используют экономический рост и природные ресурсы для обеспечения своим гражданам счастливой жизни [18].

В 2012 году самой счастливой страной было признано небольшое государство в Центральной Америке – Коста-Рика, где Всемирный индекс счастья составил 64 балла. Интересно, что 9 из 10 стран первой десятки рейтинга – представители Латинской Америки. Крупные экономически развитые страны оказались в списке гораздо ниже, прежде всего, из-за негативного влияния на окружающую среду. В этом рейтинге Россия занимает 122 место (индекс счастья – 34 балла). Список замыкает Ботсвана с индексом 22 балла.

По мнению старшего научного сотрудника фонда NEF Саама Абдала, «страны вроде Коста-Рики обошли Великобританию по Всемирному индексу счастья, потому что их население живет счастливо, пользуясь лишь малой долей от потребляемых нами ресурсов» [26].

Сами авторы исследования признают, что индекс счастья не лишен определенных недостатков. Страны, которые демонстрируют хорошие результаты в рейтинге, могут испытывать определенные проблемы. В частности, индекс не учитывает нарушения прав человека. Более того, люди, права которых нарушаются в наибольшей степени, составляют меньшинство, и это почти не отражается на усредненных показателях [37].

Свой «индекс лучшей жизни» (или «Better Life Index») с 2011 года начала рассчитывать и известная международная Организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Co-operation and Development). Рейтинг стран составляется на основе официальной статистики и опросов института Гэллага по 11-ти пара-

метрам: доход, жилье, работа, окружающая среда, образование, баланс работы и отдыха, безопасность, удовлетворенность жизнью, вовлеченность в гражданскую активность, здоровье, сообщество. В базовой модели каждому из субиндексов присвоен одинаковый вес [36]. Изначально индекс охватывал только страны ОЭСР, однако с 2012 года в него были включены Россия и Бразилия. По последним данным, верхние строчки рейтинга занимают Норвегия, США, Дания, Канада, Швейцария, Нидерланды, Новая Зеландия и Люксембург, а на первом месте – Австралия. В этой стране в апреле 2012 г. уровень безработицы составлял около 5% (в Европе – 10,9%, в США – 8,1%). Кроме того, экономика Австралии сейчас активно развивается, во многом за счёт роста спроса на железную руду и уголь. Нет у австралийцев особых проблем и со здоровьем – 85% респондентов заявили, что чувствуют себя отлично. У жителей страны достаточно и свободного времени, чтобы уделять его дому и семье – примерно 3 часа в сутки, это сравнительно высокий показатель [24].

Что же касается России, то она набрала менее 50 баллов из 110 возможных. Россияне менее удовлетворены своей жизнью (60%), чем среднестатистический житель страны-члена ОЭСР (72%), меньше только в Португалии и Венгрии. Ожидаемая продолжительность жизни в России на момент исследования составляла 69 лет, что являлось самым низким показателем среди всех участников рейтинга [9]. Интересно, что при определении условий «лучшей жизни» большинство россиян отдают приоритет образованию и работе, на одном из последних мест оказались гражданские права. Между тем на Западе людям сегодня важна прежде всего удовлетворенность жизнью, на втором месте для них стоит образование, на третьем – здоровье [5].

Отдельно можно отметить многочисленные рейтинги счастливых стран, составленные по результатам опросов населения на основе самых разнообразных методик. Наиболее известный среди них – «индекс качества жизни» или «индекс удовлетворенности жизнью» (Well-Being Index), методологию которого разработал психолог и социолог, нобелевский лауреат Даниэль Канеман. Источником данных для него является Gallup World Poll. В расчет включается ряд индексов: индексы личного здоровья, оптимизма, базовых нужд общества, гражданской вовлеченности, доверия к национальным институтам, развития молодежи, коррупции и несколько других. В основе исследования лежат национальные опросы с сохранением базового блока вопросов единым для всех стран. Люди отвечали на ряд вопросов, касающихся проблем проживания, питания, правопорядка, личной экономической ситуации, здоровья, доверия к национальным институтам и т.д. По результатам опроса определились три группы: «страдающие» (показывающие низкий уровень удовлетворенности), «борющиеся» (демонстрирующие средний уровень удовлетворенности) и «преуспевающие» (высоко удовлетворенные жизнью). Процентное соотношение данных групп и ложится в основу ранжирования стран [32]. В каждой из них опрошены порядка 1 тысячи человек старше 15 лет. По итогам 2011 года рейтинг возглавили датчане – именно в Дании представителей первой группы («преуспевающих») оказалось 74% [там же].

Вообще Скандинавские страны традиционно занимают верхние строчки рейтингов во многих подобных исследованиях. По мнению некоторых экспертов, это связано прежде всего с тем, что жизнь в этих странах построена на принципах социал-демократии, общности и вовлеченности в

процессы управления страной и социумом. В той же Дании 78% граждан считают социальное неравенство наибольшим злом (в России – только 30%). В Дании с населением 5,5 млн. человек насчитывается более 300 тысяч различных союзов, объединений и ассоциаций [21].

Неплохо живется также в Канаде, Швеции, Нидерландах, Израиле. А вот самая несчастная страна мира, по данным этого рейтинга, – Камбоджа, где «преуспевающих» лишь 2%, зато «страдающих» – 26%. В Лаосе, Афганистане, Непале и Таджикистане счастливыми себя ощущают не более 5% жителей. В России доля «преуспевающих» чуть ниже среднемирового уровня и составляет 22% [17].

Опросные данные, которые были получены в ходе работы над вычислением индекса удовлетворенности жизнью и других подобных исследований, могут служить эффективным инструментом для построения прогнозов. Так, за 2008 – 2010 годы доля «преуспевающих» в Египте сократилась с 29 до 11%, а в Тунисе – с 24 до 14%. Примерно так же выглядела ситуация и в Алжире. Эти индикаторы буквально кричали о проблемах внутри страны, призывая египетские и тунисские власти пойти на чрезвычайные меры. Но правителей традиционно волнует в первую очередь ВВП, а в этом отношении всё как раз было неплохо: ВВП Египта в 2009–2010 годах рос в среднем на 5%, Туниса – на 3–3,5%. Однако при этом уровень удовлетворенности жизнью опускался так резко, что в обеих странах произошел социальный взрыв [2].

В январе 2012 года исследовательский центр Гэллапа опубликовал очередной мировой «рейтинг счастья» [19]. Самыми счастливыми оказались жители Латинской Америки (8 стран из первой десятки), а вот Россия заняла 121 место.

Были опрошены около 1000 человек в каждой из 148 исследуемых стран. Как оказалось, самые счастливые люди живут в Панаме, Парагвае и Сальвадоре – именно эти три страны возглавили рейтинг. В Сингапуре же таких оказалось лишь 46%, в Армении – 49%, в Ираке – 50%.

Результаты опроса стали неожиданно для исследователей: ведь если уровень жизни в развитой Панаме сопоставим с европейским, то в Сальвадоре, Уругвае и Венесуэле он весьма далек от мировых стандартов. Ученые объясняют это исторически сформировавшимся в этих государствах менталитетом жителей, которые способны находить радость не в материальных благах, а в моральном удовлетворении.

Однако, судя по по данным другого опроса, – «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния», ежегодно проводимого институтом Гэллапа в 58–65 странах примерно в то же время, в пятерке счастливых стран оказались Фиджи, Нигерия, Нидерланды, Швейцария и Гана (здесь от 82 до 89% населения называют себя счастливыми). Во всем мире 53% людей считают себя счастливыми, 13% – несчастными. Многие люди оказались не готовы причислить себя к тем или другим, они давали ответ: «ни счастлив, ни несчастлив». В России 42% таких неопределившихся респондентов, счастливых – 39%, а тех, кто считает себя несчастными, – 8%. В 2011 г. Россия находилась на 40 месте среди 58 стран-участниц опроса [6]. В конце 2014 года она оказалась уже на 16 месте – по соседству с Бразилией и Польшей [7]. Очевидно, что такие яркие изменения были связаны с событиями, произошедшими в стране в минувшем году: проведение Олимпийских игр, присоединение Республики Крым к территории Российской Федерации, общий подъём патриотизма.

Летом 2012 года мониторинговое агентство «News Effector» и Фонд региональных исследований «Регионы России» провели совместное исследование «**Индекс счастья российских городов**». В опросе принимали участие 26 900 человек из 100 крупнейших российских городов. Как выяснилось, самые счастливые люди живут в Грозном, Тюмени, Казани, Сургуте, Краснодаре, Сочи, Нижневартовске, Новороссийске и Белгороде. По результатам опроса Москва оказалась на 52 месте, Санкт-Петербург – на 16, Екатеринбург – на 49 [15].

Аналитики пришли к выводу, что уровень материального благосостояния – существенный, но не решающий фактор, влияющий на счастье жителей России. Не менее важны экология, уровень безопасности и ощущение перемен к лучшему. Именно в связи с последними Грозный вышел на первое место в строчках рейтинга. А вот Москва, несмотря на высокий уровень доходов населения и хороший уровень городского благоустройства, показала весьма низкие результаты по таким параметрам, как экология и ощущение безопасности, что в целом негативно отразилось и на итоговом показателе индекса счастья.

В мире существуют сотни различных исследований индексов счастья. У каждого из них есть свои достоинства и недостатки, но ни один метод не может считаться стопроцентно достоверным. Разные рейтинги «счастливых стран», составленные в одно и то же время, возглавляют самые разные государства – от Парагвая до Норвегии. По мнению к.э.н. Е.Н. Стрижаковой, индексные методики оценки уровня счастья можно разделить на две большие группы: учитывающие благосостояние как один из основных показателей и не учитывающие при этом мнение самого населения, и, наоборот, базирующиеся и на самоощущении

людей, и на объективных показателях. К первой группе относятся индекс развития человеческого потенциала, индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства, индекс гендерного неравенства, индекс развития с учетом гендерного фактора, индекс многомерной бедности, индекс гармоничного развития В.Г. Садкова и Г.М. Самостроенко, модифицированный индекс развития человеческого потенциала, индекс социализации человеческого капитала, кризисный индекс качества жизни, индекс гармоничного развития регионов, предложенный Н.А. Шibaевой. Ко второй группе автор относит показатель качества жизни населения С.А. Айвазяна, индекс лучшей жизни, валовое национальное счастье, индекс удовлетворенности жизнью, индекс измерения качества жизни, показатель счастливых лет жизни и международный индекс счастья [29].

Общим недостатком методов обеих групп можно назвать то, что итоговый интегральный показатель не отражает проблемы по направлениям частных индексов, поэтому, по нашему мнению, ни один из индексов не может одиночно использоваться для оценки положения страны в мире.

Добавим, что индексный метод расчета уровня счастья несет в себе еще два серьезных недостатка. Во-первых, он не учитывает страновых особенностей, культурных и этнических различий, которые оказывают существенное влияние на общественное сознание и уровень счастья. Более того, характеристики, представляющиеся универсальными, могут быть весьма относительными в разных странах, восприниматься по-разному ввиду исторического и культурного опыта, текущей социально-экономической ситуации и так далее.

Еще одна проблема заключается в том, что все эти альтернативные индексы не могут рассчитываться так же оперативно и регулярно, как ВВП. Единой и общепризнанной методики исследования счастья пока не существует, и вопрос о том, что такое счастье и как его измерить, до сих пор остается открытым. В материалах рубрики «Экономика счастья» журнала «Наука и жизнь» при анализе сообщений таких изданий, как «New Scientist» (Англия), «Geo», «Natur + Kosmos» и «VDI-Nachrichten» (Германия), «American Scientist», «Discover» и «Popular Science» (США), «Recherche», «Science et Vie» и «Sciences et Avenir» (Франция), сделан вывод, что в мире сегодня насчитывается 15 только научных определений понятия «счастье» [34].

Еще один существенный недостаток лежит, на наш взгляд, в самой идее составления индексов из нескольких компонентов. Нет ни одного достаточно достоверного основания предположить, что та или иная составляющая индекса обладает именно данным, присвоенным ей исследователями весом. То же самое относится и к различного рода пропорциям и отношениям долей. В действительности все это резко понижает валидность полученных расчетов и открывает широкое поле для спекуляции итоговыми цифрами. Результат, полученный на одном массиве данных, может меняться диаметрально в зависимости от входных характеристик расчета индекса.

Как нам видится, вышеперечисленные недостатки индексных методов измерения счастья служат достаточным основанием для того, чтобы в ходе исследования опираться преимущественно на результаты социологических опросов, которые также с успехом применяются и в российской, и в мировой практике научных исследований удовлетворенности жизнью.

Опросные методы оценки уровня счастья

Опросные методики признаны самыми эффективными методами оценки счастья. Наиболее ранний анкетный опрос, посвященный счастью, был проведен американским психологом Дж.Б. Уотсоном еще в начале XX века. Позднее этой темой занимались такие ученые, как Э.Л. Торндайк (1940-е гг.), Эндрюс и Уйти (1976), Кэмпбелл и соавторы (1976). Фордис в 1988 г. разработал Шкалу счастья (Happiness Measure), Брендстеттер в 1991 г. – опросник «Аффективный баланс», Динер в 1996 г. – Шкалу удовлетворенности жизнью (Satisfaction With Life Scale – SWLS), которые, по мнению Аргайла, являются наиболее показательными и валидными методами оценки уровня счастья наряду с Оксфордским опросником счастья (Oxford Happiness Inventory – ОШ; Argyle et al., 1989) [1].

Свои анкетные методы измерения счастья есть и в России. Совсем свежие данные обнародовал Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): в ноябре 2014 года были опрошены 1600 человек в 138 населенных пунктах 46 субъектов РФ [12]. Интересно сравнить эти данные с результатами аналогичного опроса, проведенного в 1992 году.

В целом счастливыми людьми себя считают 76% наших сограждан. Индекс счастья¹ составляет 59 пунктов. Молодежь (88% от 18 до 24 лет) и обучавшиеся в вузах (86%) традиционно отзываются о своем душевном состоянии более позитивно,

¹ Индекс счастья показывает, насколько счастливыми чувствуют себя россияне. Индекс строится на основе вопроса: «В жизни бывает всякое: и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, вы счастливы или нет?» Рассчитывается как разница суммы положительных ответов («определенно да», «скорее да») и отрицательных ответов («скорее нет», «определенно нет»). Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в диапазоне от -100 до 100. Чем выше значение индекса, тем более счастливыми россияне себя ощущают.

нежели люди пенсионного возраста (64%) и малообразованные (61%). Социальный индекс счастья² равен 59 п. Радость доставляют преимущественно семья, родные люди — об этом сказали 40% опрошенных. Несчастье связывают прежде всего с бедностью, низким уровнем жизни (17%), болезнями и плохим самочувствием (9%).

На сегодняшний день 25% респондентов заявили, что они определенно счастливы (20 лет назад этот показатель составлял 2%), а 51% признались, что они скорее счастливы, чем несчастливы. В 1992 году таких было всего 40%.

Очень несчастными себя назвали 3% россиян, 20 лет назад такой вариант ответа выбрали 5% опрошенных. Тех, кто считает себя скорее несчастным, нежели счастливым, в России сегодня 14% — в два раза меньше, чем в начале 1990-х годов.

Институт социологии РАН в своем исследовании «Социальное неравенство и ценностные ориентации россиян» [27] тоже затрагивает проблему счастья. Так, было выявлено, что в современных условиях тотальной экспансии «рыночных» ценностей россияне видят смысл жизни не столько в обогащении, сколько в душевной гармонии, семье и получении хорошего образования. Поистине всеобщей жизненной целью для россиян является «счастье душевности» — общение и взаимопонимание с близкими людьми (семья и друзья), а также наличие любимого дела, в которое, как

издавна считается в народе, надо «вложить душу». Доля респондентов, заявивших, что они таких целей перед собой не ставили, очень мала — не более 4–6%. Кроме того, подавляющему большинству россиян в принципе не хотелось бы вступать в серьезный разлад со своей совестью (установка на то, чтобы «честно прожить жизнь»).

ИСЭРТ РАН в 2012 г. проводил исследование, посвященное изучению уровня счастья в Вологодской области [13, 33]. Оно позволило не только определить долю жителей региона, чувствующих себя счастливыми (65%), но и выявить некоторые факторы, влияющие на формирование у них позитивных эмоций и ощущения счастья, а именно комплекс условий, включающий в себя уровень материального благополучия, характер семейных взаимоотношений, удовлетворенность профессиональной деятельностью и т.д.

Анализ социально-демографических и социально-экономических характеристик респондентов показал, что счастливыми чаще всего называют себя представители следующих категорий населения: люди в возрасте 30–55 лет (44%), жители городов (55%), лица с высшим или незаконченным высшим образованием (41%), работающие трудоспособного возраста (70%), совместно проживающие супружеские пары (58%), имеющие одного ребёнка (25%). «Счастливые» люди значительно реже по сравнению с остальным населением идентифицируют себя с «бедными» и «нищими» слоями, более позитивно характеризуют свое материальное положение, меньше обеспокоены проблемами экономического характера, обладают более высокой покупательной способностью доходов. Вместе с тем счастливые люди менее конфликтны, более толерантны к происходящим событиям, чем менее счастливые. Отрицательный запас терпения среди не ощущающих счастья в

² Социальный индекс счастья показывает, преобладают ли в окружении респондентов счастливые или несчастливые люди. Индекс строится на основе вопроса: «Как Вам кажется, среди Ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастливых?» Ответу «Скорее больше счастливых» присваивается коэффициент 0,9, ответу «Примерно одинаково и счастливых, и несчастливых» — коэффициент 0,5, ответу «Скорее больше несчастливых» присваивается коэффициент 0,1. Индекс измеряется в пунктах и может принимать значение от 10 до 90. Чем выше значение индекса, тем более счастливыми россияне кажутся другим россиянам.

3 раза больше, чем среди тех, кто считает себя счастливыми (36 и 11% соответственно). Проведенное исследование показало, что с целью поддержания высокого уровня счастья в обществе необходимо создавать условия для повышения социального статуса и самореализации населения.

Философские дебаты и научные дискуссии разворачивались не только на поле поиска определения счастья. Жаркие споры велись и относительно того, измеримо ли счастье в принципе — и если да, то каким образом. Поэтому остановимся на некоторых методических аспектах оценки уровня счастья посредством социологического опроса. В частности, исследователей интересовало, возможно ли действительно измерить счастье объективно при помощи опросников или мы можем получить только субъективные показатели. Является ли анкета единственным методом измерения? Наконец, неясным оставался вопрос о том, на самом ли деле респонденты имеют представление о некотором уровне удовлетворенности/позитивного восприятия собственной жизни и являются ли их ответы на вопрос адекватным отражением данного представления?

Как утверждает Р. Винховен, обширная масса эмпирических исследований, посвященных данным вопросам, вполне позволяет дать на них ответ [49]. Во-первых, он указывает на то, что объективное измерение в социальных науках отличается от такового в точных, а измерение уровня счастья никак не может быть эквивалентно, скажем, измерению температуры. Причина этого кроется в том, что реальное восприятие жизни лишь отчасти находит отражение в социальном поведении человека. Более того, такие атрибуты счастья, как, к примеру, радостный внешний вид, безусловно, встречаются чаще среди счастливых людей, но могут быть зафиксированы и у несчаст-

ных. Даже язык тела признается не самым надежным индикатором [46]. Поэтому наблюдение как метод измерения счастья не столь надежно.

Другим методом является самооценка респондентом уровня личного счастья, выражающаяся в разного рода ответах на вопросы, как прямые, так и косвенные, в ходе анонимного анкетирования или личного интервью. Несмотря на то, что валидность данного метода вызывала сомнения у многих ученых, эмпирические исследования показали, что он достаточно надежен [48]. Наличие у респондентов собственного мнения относительно восприятия их жизни в целом нивелируется за счет достаточно устойчивого распределения ответов людей относительно их удовлетворенности жизнью, в том случае если они хотя бы отчасти привязаны к определенному временному промежутку (например, неделе, как в исследовании П. Шэвера и Дж. Фридмана [43]), а типовые, одобряемые ответы, напротив, встречаются достаточно редко. Достаточно распространено и такое стереотипное мнение, что люди представляют себя более счастливыми, чем они являются на самом деле, однако подтверждения на практике оно не получает [49].

Еще один серьезный аспект при оценке счастья представляет его подверженность ситуативным влияниям — формулировке вопроса, настроению, погоде, утренним новостям и так далее. Это один из немногих серьезных недостатков при оценке счастья, выявленный и подтвержденный в ходе множества эмпирических исследований. Тем не менее, как показывает практика, данные смещения измерений выступают случайной ошибкой и фактически «съедаются» при больших объемах выборки [47].

Существует и более систематическая ошибка измерения. Она обусловлена непосредственно формулировкой вопроса,

форматами ответа, особой последовательностью тем в интервью — иными словами, неграмотно разработанными исследовательскими инструментами. С одной стороны, даже человек, имеющий определенное представление о собственном уровне счастья, не всегда способен соотнести его с десятибалльной шкалой, а значит, и его ответы могут варьироваться даже при постоянном уровне счастья. С другой стороны, процесс анализа уже полученных результатов зависит также от субъективного восприятия исследователем. Таким образом, возникает риск двойного искажения данных.

Важным допущением, выступающим необходимым условием для масштабных исследований счастья, является предположение о сравнимости показателей уровня счастья разных людей, т.е. насколько одинаковыми с точки зрения восприятия и оценки счастья мы их считаем. Насколько неудобен данный вопрос, настолько он и важен для любого исследования. Действительно ли швед или датчанин, при прочих равных стабильно показывающий более низкий уровень счастья, чем грек или испанец, более несчастен? Или в силу культурных или индивидуальных особенностей он более склонен отвечать сдержанно? Намного более вероятным кажется, что ответ одного относится к другому с некоторой пропорцией, точный показатель которой вычислить крайне затруднительно.

Данную проблему еще в 1955 году поставил в рамках экономических исследований индивидуальной полезности разнообразных благ Джон Хэрсенуай [45]. Он охарактеризовал данное затруднение как метафизическое и предостерегал от использования саморепрезентативных оценок для сравнительного анализа. Тем не менее при переходе от индивидуального

уровня сравнения к групповому большая часть описанных выше проблем уходит на второй план и становится фактически незначимой [32].

Таким образом, проанализировав историю формирования взгляда на субъективную удовлетворенность качеством жизни и изучив уровень счастья как один из критериев оценки эффективности принимаемых государственных решений, можно сделать следующие выводы.

1. Показатель ВВП по-прежнему является основным и наиболее разработанным критерием экономического развития страны. Однако его рост, по мнению известных политиков, экономистов, социологов и психологов, может производиться и за счет «роста несчастий». Вопрос о линейной зависимости счастья от благосостояния остается открытым. Доказано, что субъективное восприятие удовлетворенности жизнью объективнее влияет на общественную ситуацию, чем реальное положение дел. В связи с этим в научном сообществе все чаще возникает вопрос о недостаточности использования сугубо экономических показателей в качестве оценки результативности и эффективности различных социальных и экономических мероприятий. Значимость уровня счастья населения, как альтернативного валовому внутреннему продукту показателя и критерия оценки эффективности государственной политики, признается политиками, социологами, экономистами и психологами во всем мире. Постепенно приходит понимание того, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики»

2. Актуальным остается вопрос выбора метода оценки уровня счастья. На данный момент существует множество различных индексов и рейтингов счастья, с помощью

которых проводятся межстрановые сравнения, а также многочисленные анкетные опросы населения, позволяющие более глубоко изучить данную проблему.

К сферам, которые исследуются в рамках различных индексных методик, обычно относят: экономическое развитие, охрану окружающей среды, пропаганду национальной культуры, эффективность государственного управления, устойчивость развития, безопасность, политические права людей, состояние экологии, доступность услуг учреждений социальной сферы, расходы на научные исследования, образование, культуру и спорт, возможность людей участвовать в общественной жизни, степень территориальной и социальной мобильности населения и т.д.

Анализ опыта практического применения индексных методик оценки уровня счастья позволяет прийти к заключению о существенных недостатках этого подхода. В первую очередь к ним относится следующее.

- Интегральный показатель не отражает проблемы по направлениям частных индексов, поэтому ни один из индексов не может одиночно использоваться для оценки положения страны в мире.

- Он не учитывает страновые особенности, культурные и этнические различия, исторический опыт и текущую ситуацию в стране.

- Индексы счастья не могут рассчитываться так же оперативно и регулярно, как ВВП.

- Нет ни одного достаточно достоверного основания предположить, что та или

иная составляющая индекса обладает именно данным, присвоенным ей исследователями весом.

- Индексные методы оценки уровня счастья чаще всего опираются на национальные средние показатели, не отражающие асимметричность в распределении благ, не принимающие во внимание некоторые факторы и вопросы духовно-нравственного развития человека.

В результате этих недостатков разные рейтинги «счастливых стран», составленные в одно и то же время, возглавляются самыми разными государствами – от Парагвая до Норвегии.

Следовательно, опросные методы, хотя и имеют свои трудности в использовании и интерпретации результатов, служат более надежным источником информации о субъективной удовлетворенности жизнью, чем подходы, базирующиеся на построении индексов. Поэтому на дальнейших этапах исследования счастья в ИСЭРТ РАН планируется сконцентрировать внимание именно на субъективных оценках населением своего социального самочувствия и социального восприятия.

Альтернативные индексы и показатели уровня счастья выполняют вспомогательную функцию по отношению к ВВП, но полностью заменить его пока не способны. Однако сам факт формирования в последние годы серьезного интеллектуального движения, связанного с попытками исследования счастья научными методами, говорит об особой значимости этой проблемы и растущем интересе к ней со стороны общества, науки и власти.

Литература

1. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – СПб.: Питер, 2003.
2. Грозовский, Б. Экономика счастья / Б. Грозовский // Новое время. – 2012. – 16 апр.
3. Долгин, А. Экономика счастья / А. Долгин // Независимая газета. – 2009. – 28 мая.

4. Журавлев, А.Л. Счастье как научная категория / А.Л. Журавлев, А.В. Юревич // Вестник российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 8. – С. 715-723.
5. Зыкова, Т. Россияне назвали условия для счастья [Электронный ресурс] / Т. Зыкова // Российская газета. – 2013. – 18 янв. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/01/18/chastie-site.html>
6. Исследование Gallup International: Глобальный индекс счастья в 2012 году [Электронный ресурс] // ИАА портал Центра гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/02/03/4013>
7. Исследование Gallup International: Глобальный индекс счастья в 2015 году [Электронный ресурс] // ИАА портал Центра гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2015/02/24/7108>
8. Конституция Королевства Бутан, Ст. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/4121>
9. Кравченко, Е. ОЭСР предложила россиянам сравнить свой уровень жизни с мировым [Электронный ресурс] / Е. Кравченко // Ведомости. – 2013. – 18 янв. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/lifestyle/news/8146811/oesr_predlozhila_rossiyanam_sravnit_svoj_uroven_zhizni_s
10. Лэйард, Р. Счастье: уроки новой науки / Р. Лэйард. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.
11. Михайлова, М. Индекс счастья [Электронный ресурс] / М. Михайлова // Волжская коммуна. – 2011. – 28 июля. – Режим доступа: <http://www.vkonline.ru/article/118852.html>
12. Много ли нужно для счастья?: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2731 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115078>
13. Морев, М.В. Факторы формирования субъективного ощущения счастья (по материалам исследования в Вологодской области) / М.В. Морев // Продолжая Грушина: материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 28 февраля – 1 марта 2013 г. – М., 2013. – С. 449-453.
14. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011.
15. Официальный сайт «Регионы России». – Режим доступа: <http://www.gosrf.ru/research/1>
16. Официальный сайт Gross national happiness commission. Royal Government of Bhutan. – Режим доступа: <http://www.gnhc.gov.bt/>
17. Официальный сайт Института Гэллупа. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/home.aspx>
18. Официальный сайт Информационного центра ООН в Москве. – Режим доступа: <http://www.unic.ru>
19. Официальный сайт Центра гуманитарных технологий. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index>
20. Попова, С.М. Измерения прогресса / С.М. Попова, С.М. Шахрай, А.А. Яник. – М.: Наука, 2010.
21. Пряников, П. Несчастливая страна Россия [Электронный ресурс] / П. Пряников // Свободная Пресса. – 2011. – 26 мая. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/43751>
22. Рыжкова, Ю.А. Международный индекс счастья как показатель благосостояния нации / Ю.А. Рыжкова, Е.А. Климашина // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе. – 2011. – № 3. – С. 86.
23. Селигман, М. Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия / М. Селигман. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
24. Сеницына, Е. Индексы счастья: как измерить неизмеримое / Е. Сеницына // Сайт лаборатории социальных инноваций CLOUDWATCHER. – Режим доступа: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/1/view/90/>
25. Сорокин, П.А. Социологический прогресс и принцип счастья / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 511.
26. Сотов, А. Кто в мире самый счастливый? / А. Сотов // Российская газета. – 2012. – 14 июня.
27. Социальное неравенство и ценностные ориентации россиян // Социальное неравенство в социологическом измерении: аналитический доклад. – М., 2006. – С. 111-120.
28. Степашин, С.В. Государственный аудит и экономика будущего / С.В. Степашин. – М.: Наука, 2008.
29. Стрижакова, Е.Н. Проблема экономического развития и представления об «экономике счастья»: аспект измерения и оценки / Е.Н. Стрижакова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2014. – № 1. – С. 44-52.
30. Ткачук, С. Китайцы поставили счастье на службу экономике [Электронный ресурс] / С. Ткачук // Вести FM. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=432879>
31. Фокс, Д. Чем измерить счастье? Экономисты ищут более точную альтернативу ВВП / Д. Фокс // Harvard Business Review. – 2012. – № 3. – С. 58-63.

32. Чепурных, М.Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) / М.Н. Чепурных // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 9. – С. 67-69.
33. Шабунова, А.А. Представления вологжан о счастье [Текст] / А.А. Шабунова, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 137-150.
34. Экономика счастья [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. – 2006. – № 4. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/5242/>
35. «OECD Better life index», Organisation for Economic Co-operation and Development [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/>
36. 2nd OECD World Forum – Istanbul 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/site/worldforum06/ishappinessmeasurableandwhatdothosemeasuresmeanforpolicy.htm>
37. The Happy Planet Index 2.0. New Economics Foundation. 2009 [Электронный ресурс] / S. Abdallah, S. Thompson, J. Michaelson, N. Marks, N. Steuer et al. – Режим доступа: <http://www.neweconomics.org/projects/happy-planet-index>
38. The Happy Planet Index: 2012 Report. A global index of sustainable well-being [Электронный ресурс] / S. Abdallah, J. Michaelson, S. Shah, L. Stoll and N. Marks. – United Kingdom, London, 2012. – Режим доступа: <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>
39. Diener, E. Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators / Ed. Diener, E. Suh // Social Indicators Research. – V. 40. – № 1, 2.
40. Diener, Ed. Rising income and the subjective well-being of nations / Ed. Diener // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 104 (2). – Feb. 2013. – P. 267-276.
41. Easterlin, R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence / R.A. Easterlin. – 1974.
42. Easterlin, R.A. The happiness-income paradox revisited [Электронный ресурс] / R.A. Easterlin. – Режим доступа: <http://www.pnas.org/content/107/52/22463>
43. Freedman, J. What makes you happy-Questionnaire / J. Freedman, P. Shaver // Psychology Today. – 1975. – Vol. 9. – No. 5. – P. 66-72.
44. Hagerty, M.R. Wealth and Happiness Revisited Growing wealth of nations does go with greater happiness / M.R. Hagerty, R. Veenhoven // Social Indicators Research. – 2003. – Vol. 64. – P. 1-27.
45. Harsanyi, J.C. Cardinal welfare, individualistic ethics, and interpersonal comparisons of utility / J.C. Harsanyi // The Journal of Political Economy. – 1955. – Vol. 74. – No. 4. – P. 309-321.
46. Noelle-Neumann, E. Politik und Glück / E. Noelle-Neumann // Freiheit und Sachzwang. – 1977. – P. 208-262 (244).
47. Strack F., Martin L.L. Thinking, judging, and communicating: A process account of context effects in attitude surveys // Social information processing and survey methodology. – 1987. – P. 123-148.
48. Veenhoven, R. Happiness in nations: Subjective appreciation of life in 56 nations 1946–1992 / R. Veenhoven // World Database of Happiness. – 1993. – Vol. 44. – No. 6. – P. 124.
49. Veenhoven, R. Questions on happiness: Classical topics, modern answers, blind spots. In F. Strack, M. Argyle, & N. Schwarz (Eds.), Subjective well-being: An interdisciplinary perspective (P. 7-26). – Oxford, England: Pergamon Press, 1991. – P. 14.
50. Zuckerman, Phil. Society Without God: What the Least Religious Nations Can Tell Us about Contentment / Phil. Zuckerman. – NYU Press. – 2008. – P. 7.

Юлия Евгеньевна Шматова – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, common@vssc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru)

Shmatova Yu.E., Morev M.V.

Assessing the Level of Happiness: a Review of Russian and Foreign Research

Yuliya Evgen'evna Shmatova – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, common@vscc.ac.ru)

Mikhail Vladimirovich Morev – Ph.D. in Economics, Laboratory Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, 379post@mail.ru)

Abstract. The article presents the main results of the first phase of the study launched in 2015 by ISEDТ RAS researchers and aimed at assessing subjective satisfaction with the quality of life and its impact on social development. The article shows that subjective assessment of quality of life is a criterion for assessing the efficiency of public administration, an indicator of people's attitude toward economic, social and political decisions. The generalization of domestic and international experience serves as the basis proving that in the post-industrial economy the phenomenon of happiness is important as a goal of public administration and criterion for evaluating its effectiveness from the viewpoint of politicians, economists, sociologists and psychologists. The authors consider the main international and national indicators and ratings of happiness that help to carry out cross-country comparisons, and discuss their advantages and disadvantages. The disadvantages of index methodologies for assessing the level of happiness are as follows: the use of national averages without taking into account the uneven distribution of benefits and driving forces of spiritual and moral development of individuals; lack of opportunity to make prompt and regular calculations of the indices and to take into account the specifics of countries, cultural and ethnic differences. The integral indicator does not even reflect problems highlighted by partial indices. The article also substantiates the necessity of using self-representative questionnaire methods as the most reliable sources of information about the level of people's subjective satisfaction with the quality of life, and highlights several methodological features of their application. The authors provide research findings by VTsIOM, RAS Institute of Sociology, and ISEDТ RAS, which not only assess the level of happiness, but also identify a set of conditions affecting its formation: financial well-being, family relationships, satisfaction with one's profession.

Key words: happiness economics, subjective life satisfaction, well-being, methods of assessing the level of happiness, assessment of public administration efficiency, non-economic driving forces of economic growth.

References

1. Argyle M. *Psikhologiya schast'ya* [The Psychology of Happiness]. Saint Petersburg: Piter, 2003.
2. Grozovskii B. *Ekonomika schast'ya* [Happiness Economics]. *Novoe vremya* [New Time], 2012, April 16.
3. Dolgin A. *Ekonomika schast'ya* [Happiness Economics]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2009, May 28.
4. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. *Schast'e kak nauchnaya kategoriya* [Happiness as a Scientific Category] *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 84, no. 8, pp. 715-723.
5. Zykova T. *Rossiyanе nazvali usloviya dlya schast'ya* [The Russians Have Named the Conditions for Happiness]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2013, January 18. Available at: <http://www.rg.ru/2013/01/18/chastie-site.html>

6. Issledovanie Gallup International: Global'nyi indeks schast'ya v 2012 godu [Gallup International Survey: Global Happiness Index – 2012]. *IAA portal Tsentra gumanitarnykh tekhnologii* [Information-Analytical Portal of the Center for Humanitarian Technologies]. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2012/02/03/4013>
7. Issledovanie Gallup International: Global'nyi indeks schast'ya v 2015 godu [Gallup International Survey: Global Happiness Index – 2015]. *IAA portal Tsentra gumanitarnykh tekhnologii* [Information-Analytical Portal of the Center for Humanitarian Technologies]. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2015/02/24/7108>
8. *Konstitutsiya Korolevstva Butan, St. 9* [The Constitution of The Kingdom of Bhutan, Article 9]. Available at: <http://constitutions.ru/archives/4121>
9. Kravchenko E. OESR predlozhila rossiyanam sravnit' svoi uroven' zhizni s mirovym. [The OECD invited the Russians to Compare Their Standard of Living with the Global Standard of Living]. *Vedomosti* [News], 2013, January 18. Available at: http://www.vedomosti.ru/lifestyle/news/8146811/oesr_predlozhila_rossiyanam_sravnit_svoj_uroven_zhizni_s
10. Layard R. *Schast'e: uroki novoi nauki* [Happiness: Lessons from a New Science]. Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2011.
11. Mikhailova M. Indeks schast'ya [Happiness Index]. *Volzhsкая kommuna* [The Volga Commune], 2011, July 28. Available at: <http://www.vkonline.ru/article/118852.html>
12. *Mnogo li nuzhno dlya schast'ya?: Press-vypusk VTsIOM № 2731* [Does It Take a Lot to Be Happy?: The VTSIOM Press Release No. 2731]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115078>
13. Morev M.V. Faktory formirovaniya sub"ektivnogo oshchushcheniya schast'ya (po materialam issledovaniya v Vologodskoi oblasti) [Factors in the Formation of Subjective Feeling of Happiness (on the Materials of a Research in the Vologda Oblast)]. *Prodolzhaaya Grushina: materialy Tre'tei mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Moskva, 28 fevralya – 1 marta 2013 g.* [Following Grushin: Proceedings of the Third International Research-to-Practice Conference, Moscow, February 28 – March 1, 2013]. Moscow, 2013. Pp. 449-453.
14. *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [China Modernization Report Outlook (2001–2010)]. Moscow: Ves' mir, 2011.
15. *Ofitsial'nyi sait "Regiony Rossii"* [Official Website "Regions of Russia"]. Available at: <http://www.gosrf.ru/research/1>
16. *Official Website Gross National Happiness Commission. Royal Government of Bhutan.* Available at: <http://www.gnhc.gov.bt/>
17. *Ofitsial'nyi sait Instituta Gellapa* [Official Website of the Gallup Institute]. Available at: <http://www.gallup.com/home.aspx>
18. *Ofitsial'nyi sait Informatsionnogo tsentra OON v Moskve* [Official Website of the UN Information Center in Moscow]. Available at: <http://www.unic.ru>
19. *Ofitsial'nyi sait Tsentra gumanitarnykh tekhnologii* [Official Website of the Center for Humanitarian Technologies]. Available at: <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index>
20. Popova S.M., Shakhrai S.M., Yanik A.A. *Izmereniya progressa* [Dimensions of Progress]. Moscow: Nauka, 2010.
21. Pryanikov P. Neschastnaya strana Rossiya [Russia: an Unhappy Country]. *Svobodnaya Pressa* [Free Press], 2011, May 26. Available at: <http://svpressa.ru/society/article/43751>
22. Ryzhkova Yu.A., Klimashina E.A. Mezhdunarodnyi indeks schast'ya kak pokazatel' blagosostoyaniya natsii [International Index of Happiness as an Indicator of Welfare of a Nation]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode* [Models, Systems, Networks in Economy, Technology, Nature], 2011, no. 3, p. 86.
23. Seligman M. *Put' k protsvetaniyu: novoe ponimanie schast'ya i blagopoluchiya* [Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being]. Mann, Ivanov i Ferber, 2013.
24. Sinitsyna E. Indeksy schast'ya: kak izmerit' neizmerimoe [Indices of Happiness: How to Measure the Immeasurable]. *Sait laboratorii sotsial'nykh innovatsii CLOUDWATCHER* [Website of the Social Innovation Laboratory CLOUDWATCHER]. Available at: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/1/view/90/>
25. Sorokin P.A. Sotsiologicheskii progress i printsip schast'ya [Sociological Progress and the Principles of Happiness]. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, 1992. P. 511.
26. Sotov A. Kto v mire samyi schastlivyi? [Who Is the Happiest in the World?]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2012, June 14.
27. Sotsial'noe neravenstvo i tsennostnye orientatsii rossiyan [Social Inequality and Value Orientations of the Russians]. *Sotsial'noe neravenstvo v sotsiologicheskom izmerenii: analiticheskii doklad* [Social Inequality in Sociological Measurement: Analytical Report]. Moscow, 2006. Pp. 111-120.

28. Stepashin S.V. *Gosudarstvennyi audit i ekonomika budushchego* [State Audit and the Economy of the Future]. Moscow: Nauka, 2008.
29. Strizhakova E.N. Problema ekonomicheskogo razvitiya i predstavleniya ob “ekonomike schast’ya”: aspekt izmereniya i otsenki [The Problem of Economic Development and the “Economics of Happiness”: the Questions of Measurement and Evaluation]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and Abroad], 2014, no. 1, pp. 44-52.
30. Tkachuk S. Kitaittsy postavili schast’e na sluzhbu ekonomike [The Chinese Have Put Happiness in the Service of the Economy]. *Vesti FM* [News FM]. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=432879>
31. Foks D. Chem izmerit’ schast’e? Ekonomisty ishchut bolee tochnuyu al’ternativu VVP [The Economics of Well-Being]. *Harvard Business Review*, 2012, no. 3, pp. 58-63.
32. Chepurnykh M.N. Indeksy schast’ya: opyt Zapada (sotsiologicheskii obzor) [Happiness Indexes: Occidental Experience (Sociological Overview)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2012, no. 9, pp. 67-69.
33. Shabunova A.A., Morev M.V. Predstavleniya vologzhan o schast’e [Vologda Residents’ Notions of Happiness]. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 1, pp. 137-150.
34. Ekonomika schast’ya [Happiness Economics]. *Nauka i zhizn’* [Science and Life], 2006, no. 4. Available at: <http://www.nkj.ru/archive/articles/5242/>
35. “OECD Better Life Index”, *Organisation for Economic Cooperation and Development*. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/>
36. *2nd OECD World Forum – Istanbul 2007*. Available at: <http://www.oecd.org/site/worldforum06/ishappinessmeasurableandwhatdothosemeasuresmeanforpolicy.htm>
37. Abdallah S., Thompson S., Michaelson J., Marks N., Steuer N. et al. *The Happy Planet Index 2.0. New Economics Foundation. 2009*. Available at: <http://www.neweconomics.org/projects/happy-planet-index>
38. Abdallah S., Michaelson J., Shah S., Stoll L., Marks N. *The Happy Planet Index: 2012 Report. A Global Index of Sustainable Well-Being*. London, 2012. Available at: <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>
39. Diener E., Suh E. Measuring Quality of Life: Economic, Social, and Subjective Indicators. *Social Indicators Research*, vol. 40, no. 1, 2.
40. Diener E. Rising Income and the Subjective Well-Being of Nations. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol 104 (2), February 2013, pp. 267-276.
41. Easterlin R.A. *Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence*, 1974.
42. Easterlin R.A. The Happiness-Income Paradox Revisited. *Proceedings of the National Academy of Sciences the United States of America*. Available at: <http://www.pnas.org/content/107/52/22463>
43. Freedman J., Shaver P. What Makes You Happy-Questionnaire. *Psychology Today*, 1975, vol. 9, no. 5, pp. 66-72.
44. Hagerty M.R., Veenhoven, R. Wealth and Happiness Revisited Growing Wealth of Nations Does Go with Greater Happiness. *Social Indicators Research*, 2003, vol. 64, pp. 1-27.
45. Harsanyi J.C. Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility. *The Journal of Political Economy*, 1955, vol. 74, no. 4, pp. 309-321.
46. Noelle-Neumann E. Politik und Gl ck. *Freiheit und Sachzwang*, 1977, pp. 208-262. (244).
47. Strack F., Martin L.L. Thinking, Judging, and Communicating: A Process Account of Context Effects in Attitude Surveys. *Social Information Processing and Survey Methodology*, 1987, pp. 123-148.
48. Veenhoven R. Happiness in Nations: Subjective Appreciation of Life in 56 nations 1946–1992. *World Database of Happiness*, 1993, vol. 44, no. 6, p. 124.
49. Veenhoven R. Questions on Happiness: Classical Topics, Modern Answers, Blind Spots. *Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective*. Oxford, England: Pergamon Press, 1991. P. 14.
50. Zuckerman P. *Society Without God: What the Least Religious Nations Can Tell Us about Contentment*. NYU Press, 2008. P. 7.

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.12

УДК 631:001 (470.13), ББК 65.321-80(231)

© Иванов В.А., Терентьев В.В., Пономарева А.С., Иванова Е.В.

Основные направления ускорения модернизации аграрного сектора сельской периферии Севера (на примере Республики Коми)*

**Валентин Александрович
ИВАНОВ**

доктор экономических наук, профессор
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26,
ivanov@iespn.komisc.ru

**Виталий Васильевич
ТЕРЕНТЬЕВ**

кандидат экономических наук
167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

**Анна Сергеевна
ПОНОМАРЕВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук
167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26,
ponomareva@iespn.komisc.ru

**Елена Валентиновна
ИВАНОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26,
ivanov @iespn.komisc.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке научных проектов УрО РАН № 15-14-7-8, № 15-14-7-10.

Аннотация. Необходимость модернизации аграрного производства в сельской периферии Севера диктуется преодолением отсталости его технико-технологического уровня, усилением позиций в продовольственном обеспечении населения местной пищевой продукцией, формированием конкурентных преимуществ на локальном и региональном рынках, рациональным использованием природного и человеческого капитала, повышением уровня и качества жизни крестьян, закреплением молодежи на селе, сокращением существенной дифференциации в социально-экономическом развитии удаленных и пригородных территорий. В период рыночных реформ произошло разрушение материально-технической базы сельского хозяйства, резкое сокращение обрабатываемых сельхозземель, поголовья животных, численности работников, ухудшение их профессионального уровня и качества жизни, падение производства всех видов аграрной продукции. Резкое сокращение господдержки, объемов инвестиций, либерализация цен лишили сельское хозяйство возможности технико-технологического переоснащения. В статье обосновывается точка зрения о неприемлемости существующего мнения о бесперспективности развития аграрного производства в сельской периферии и переориентации занятости сельского населения на другие виды деятельности. Авторы указывают на необходимость ускорения модернизации сельского хозяйства и делают вывод о том, что устойчивое аграрное и сельское развитие является для государственных и муниципальных органов управления приоритетом на длительную перспективу. Рассмотрены возможности и необходимость активизации модернизационных процессов в аграрном производстве сельской периферии для усиления позиций в продовольственной независимости северного региона. В статье предложены пути и механизмы модернизации сельского хозяйства в периферийных районах Республики Коми, связанные с улучшением условий и жизни крестьян, кадровым, научно-информационным и консультационным обеспечением, формированием эффективной системы господдержки. Результаты исследования могут быть использованы при корректировке действующей Госпрограммы развития агропродовольственной сферы, а также аналогичной программы Республики Коми на 2021–2025 гг.

Ключевые слова: модернизация, сельское хозяйство, периферийные районы, Республика Коми, факторы, условия, механизмы государственного регулирования.

Ретроспективный анализ модернизационных процессов в сельском хозяйстве периферийных районов Республики Коми показал, что эти процессы активно развивались в 1960–1980-е годы. В период рыночных реформ произошло разрушение материально-технической базы сельского хозяйства, резкое сокращение обрабатываемых земель, поголовья животных, численности работников, ухудшение их профессионального уровня и качества жизни, падение производства всех видов аграрной продукции [4, 9]. В настоящее время большинство аграрных предприятий и крестьянских (фермерских) хозяйств удаленных территорий утратили

экономическую и социальную устойчивость. Реальные тенденции в аграрном секторе могут привести к его ликвидации и запустению веками обжитых сельских территорий.

В нашей статье сделана попытка обосновать главные направления активизации модернизационных процессов в аграрном производстве сельской периферии северного региона.

Необходимость модернизации аграрного сектора в периферийной сельской местности

Периферийность как научную категорию изучают, вследствие многослойности её содержания, с точки зрения различных концепций: освоенческой, рентной, управ-

ленческой, диффузно-инновационной, депривационной [2]. С учетом выполненной Т.Е. Дмитриевой [1] комплексной оценки периферийности Республики Коми, к периферийным сельским территориям отнесены Усть-Цилемский, Ижемский, Удорский, Троицко-Печорский, Усть-Куломский и Койгородский районы.

Сегодня в средствах массовой информации и среди части ученых распространено мнение о бесперспективности функционирования аграрного производства в сельской периферии и необходимости создания крупных аграрных предприятий в пригородных зонах. Сельхозземли в периферийной сельской местности рекомендуется обрабатывать вахтовым методом или переориентировать занятость местного населения с сельскохозяйственных на альтернативные виды деятельности. Конечно, крупные агропредприятия нужно развивать. Но если говорить о приоритетах, то этот вопрос спорный. Прежде всего надо делать акцент на связи развития сельского хозяйства с производством безопасной для здоровья продукции.

Т.Г. Нефёдова считает, что более или менее нормальное сельское хозяйство за пределами Черноземья и Северного Кавказа существует лишь в пригородных зонах, а также у некоторых нерусских народов Поволжья и Сибири [6]. По мнению Т. Эльдиевой, дальнейшее развитие аграрного сектора в республиках Карелия и Коми, Архангельской, Новгородской и Псковской областях – бесперспективно. Здесь занятость местного населения целесообразно переориентировать с сельскохозяйственных на альтернативные виды деятельности на базе использования природных ресурсов: леса, рыбных ресурсов, локальных месторождений полезных ископаемых и др. Лишь в муниципальных районах Ленинградской и Вологодской областей, где

еще сохранился кадровый, технический и технологический потенциал развития агропроизводства, сельское хозяйство должно получить бюджетную поддержку [11]. Б.Б. Родоман предлагает превратить большую часть нашей страны в природные парки и заповедники (экологическая специализация). Для этой программы не нужно финансирования: пашня, пастбища сами зарастают лесом; дикая флора и фауна возвращаются в прежние места обитания. На это замечательное восстановление природы с восхищением и завистью взирают экологи всего мира [7, с. 378].

Реализация данных сценариев функционирования периферийных территорий связана с невозможностью обеспечить продовольственную безопасность страны и ее регионов, производить экологически безопасные продукты питания, появлением негативных эффектов воздействия на окружающую среду в городах и пригородных зонах и здоровье потребителей пищевых продуктах, большими государственными расходами для обеспечения занятости крестьян несельскохозяйственными видами деятельности. Ликвидация северного села – процесс не только болезненный и затратный, но и ослабляющий национальную безопасность. По мнению В.Н. Лаженцева, без развитой периферии центр рано или поздно также попадет в ущербное положение [5, с. 55].

Государство должно не сворачивать в периферийных районах сельскохозяйственное производство, а, наоборот, ускорить его модернизацию. Необходимость активизации модернизационных процессов диктуется преодолением отсталости его технико-технологического уровня, усилением позиций в продовольственном обеспечении населения местной пищевой продукцией, формированием конкурентных преимуществ на локальном и региональном

рынках, рациональным использованием природного и человеческого капитала, повышением уровня и качества жизни крестьян, закреплением молодежи на селе, сокращением существенной дифференциации в социально-экономическом развитии удаленных и пригородных территорий.

Удаленные сельские районы Республики Коми располагают благоприятными возможностями для развития скотоводства (наличие крупных массивов пойменных лугов в бассейнах расположенных здесь рек). Эта отрасль имеет важное и многофункциональное значение: обеспечивает население свежими молочно-мясными продуктами, круглогодичную занятость, а также позволяет наиболее рационально использовать сенокосы, пастбища и лесные участки. Скотоводство следует рассматривать в качестве стратегического направления в развитии аграрного сектора. Важность ускоренной модернизации этой отрасли обусловлена тем, что в республике (по данным за 2013 г.) в расчете на душу населения в республике производится 66 кг молока, 3,2 кг говядины, что составляет соответственно 15 и 8% от научно обоснованной нормы потребления. Среди населения республики огромен спрос на свежие биологически полноценные молочные продукты, говядину и телятину, производимые в сельской периферии. В качестве предпосылки для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы выступает индустриальный характер развития республики, позволяющий направлять значительные бюджетные средства для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий.

Исследуемые районы располагают возможностями для производства органической продукции и формирования соответствующего рыночного сегмента. От

реализации экологически безопасной продукции можно получать своего рода рентный доход. Решение модернизационных и социальных задач села делает сельское хозяйство периферийных северных территорий в перспективе экспортером органической продукции. Преимущества северного сельского хозяйства для производства экологически чистых продуктов питания успешно используются скандинавскими фермерами. Для реализации имеющихся возможностей развития сельского хозяйства требуется осуществлять комплекс мер, связанных с модернизацией производства.

Социальные факторы ускорения модернизации

Демографическая ситуация в периферийных сельских районах Республики Коми носит сложный характер и по отдельным показателям резко ухудшается. За 1990–2014 гг. численность населения сократилась здесь на 47,5 тыс. чел. или 33,4%. Произошли серьезные изменения в возрастной структуре населения в связи с отрицательным естественным приростом и миграционной убылью. Снижился коэффициент рождаемости.

Низкий уровень и качество сельской жизни (низкие доходы сельского населения, неблагоприятные жилищные условия, состояние рынка труда и высокая безработица, недостаточный уровень развития социальной сферы и лучшие условия жизнедеятельности в городах) негативным образом сказываются на миграционных процессах села. Только в среднем за 2011–2013 гг. по периферийным сельским районам миграционная убыль составила свыше 2 тыс. чел. На долю выбывших в трудоспособном возрасте приходится 77% от их общего числа, моложе трудоспособного возраста – 15,8%. Причем мигрантов с высшим профессиональным образованием выбыло в 1,6 раза больше, чем прибыло.

Ухудшение демографической ситуации в сельской периферии приведет к сокращению численности трудового потенциала, его старению и в перспективе станет фактором, ограничивающим модернизацию аграрного сектора.

Демографическая ситуация в периферийных сельских районах будет улучшаться лишь при условии роста уровня занятости и доходов населения, снижения масштабов бедности, улучшения жилищных условий, развития транспортной инфраструктуры, социального обустройства поселений, институциональных изменений в экономике. Большое стимулирующее значение для улучшения демографической ситуации имеет выдача женщинам материнского (семейного) капитала после рождения каждого ребенка, начиная с первого, расширение перечня направлений его использования: на содержание, воспитание детей, оплату жилищно-коммунальных услуг.

Фактическая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций сельского хозяйства за 2013 г. в два раза ниже уровня в среднем по экономике республики, в 3,3 раза ниже, чем в отраслях по добыче полезных ископаемых. Она составляет всего 1,7 прожиточного минимума трудоспособного населения. Во всех сельских районах, за исключением Сыктывдинского и Прилузского, зарплата значительно ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. А в таких периферийных сельских районах, как Ижемский, Усть-Куломский, Удорский, среднемесячная зарплата работников сельского хозяйства по отношению к прожиточному минимуму составляет всего 70–78%. Низкая оплата труда оказывает отрицательное влияние на эффективность и качество труда, снижает трудовую мотивацию, не обеспечивает сельскому населению социально-приемлемый уровень доходов.

Повышение доходов сельского населения связано с диверсификацией аграрного сектора; установлением достойной и справедливой оплаты, которая должна быть не ниже, чем в среднем по народному хозяйству; расширением сети приемо-заготовительных пунктов по закупке сельхозпродукции, обеспечением доступа ее к объектам розничной торговли, продовольственным рынкам городов и районов; изменением принципов определения прожиточного минимума в соответствии с современным уровнем и структурой потребления, а не с уровнем физиологического выживания; дифференциацией минимального размера оплаты труда по территории страны, на Севере его размер должен быть выше; вовлечением персонала в управление предприятием и расширением участия работников в решении проблем собственности и в распределении дохода.

Наиболее острыми проблемами на рынке труда в периферийных сельских районах являются высокий уровень безработицы, неполная занятость, большая доля неэффективных экономических и технологических оснащенных рабочих мест, недостаточная адаптированность системы образования к требованиям рынка труда в части спроса на рабочую силу в профессионально-квалифицированном разрезе; недостаточная развитость инфраструктуры рынка.

В годы экономических реформ обострилось положение в социальной сфере села в связи с сокращением строительства жилья, объектов здравоохранения, образования, культуры, бытового обслуживания, инженерной и транспортной инфраструктуры, а также снижением финансирования социальных учреждений. Закрылись многие школы и дошкольные учреждения, магазины, предприятия общественного питания, клубы, комплексные приемные пункты.

При реструктуризации сети бюджетных учреждений упор делался на экономию государственных расходов. В результате сельское население периферийных районов находится в худшем положении по сравнению с населением городов и пригородных сельских районов по всем параметрам, характеризующим развитие социальной инфраструктуры. Повышение качества жизни сельского населения, развитие социальной сферы периферийного села должно стать приоритетным объектом территориального планирования и управления.

Кадровый потенциал модернизации

Кадровая ситуация в аграрном секторе сельской периферии является серьезным препятствием для модернизации отрасли. Если в 1980-е годы на один совхоз приходилось в среднем по 8 специалистов с высшим и 40 специалистов со средним профессиональным образованием, то в настоящее время на одну сельхозорганизацию приходится только один специалист с высшим и 5 специалистов со средним профессиональным образованием.

Анкетный опрос руководителей и специалистов сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств в 2013 г. показал, что высшее профессиональное образование имеют 36,4% специалистов сельской периферии и только 8,3% руководителей среднего звена. Крайне низким является уровень квалификации работников животноводства: лишь 2,8% животноводов имеют звание «Мастер животноводства первого класса», а среди операторов машинного доения такое звание отсутствует. При этом 40% работников не проходили курсы по переподготовке и повышению квалификации. В сельхозорганизациях остальных территорий доля специалистов с высшим образованием составила 41,4%, со средним профессиональным образованием – 35,8, доля руководителей среднего звена с высшим образованием – 47,1, со средним – 23,5%. Долю водителей первого класса здесь имеют 61,1% организаций, звание «Мастер оператора первого класса» – 70,7% (табл. 1).

Таблица 1. Результаты опроса по оценке уровня образования персонала в сельхозорганизациях периферийных районов Республики Коми*, %

Состав персонала	Высшее образование		Среднее профессиональное образование		I класс		II класс	
	Периферийные районы	Остальная территория	Периферийные районы	Остальная территория	Периферийные районы	Остальная территория	Периферийные районы	Остальная территория
Специалисты	36,4	41,1	48,5	35,8	-	-	-	-
Руководители среднего звена	8,3	47,1	66,7	23,5	-	-	-	-
Трактористы-машинисты	-	-	-	-	40,6	37,9	37,5	33,3
Водители	-	-	-	-	25,0	61,1	16,7	13,9
Работники животноводства	-	-	-	-	2,8	12,3	34,7	15,1
Операторы машинного доения	-	-	-	-	-	70,7	46,9	19,5

* Составлено по данным анкетного опроса.

Для кадрового обеспечения модернизации и инновационного развития сельского хозяйства предстоит осуществить комплекс таких мер, как: разработка целевых программ кадрового обеспечения аграрного сектора на уровне сельхозорганизаций, муниципальных образований и региона; переход к целевой адресной подготовке, переподготовке и повышению квалификации рабочих кадров и специалистов; постепенный переход к созданию системы непрерывного аграрного образования сельской молодежи, состоящей из нескольких образовательных уровней; расширение системы подготовки квалифицированных специалистов при ведущих сельскохозяйственных вузах, а рабочих кадров – на базе районных и межрайонных ПТУ; стимулирование привлечения молодых специалистов в аграрный сектор; значительное повышение доходов работников сельского хозяйства, возможность получения основных социальных благ, улучшение дорожно-транспортной инфраструктуры; организация повышения квалификации руководителей и специалистов сельхозорганизации, фермеров не реже одного раза в три-пять лет.

Роль науки в модернизации и инновационном развитии аграрного сектора

Определяющим звеном в модернизации и инновационном процессе является агроэкономическая наука и использование ее результатов в производстве в виде новых сортов растений, пород и видов животных и кроссов птицы, новых или улучшенных продуктов питания, материалов, новой техники, новых технологий в растениеводстве, животноводстве и перерабатывающей промышленности, новых форм организации и управления, новых подходов к социальным услугам, позволяющих повысить эффективность производства.

В странах с развитым агропромышленным сектором наука, наукоемкие технологии, активная инновационная деятельность обеспечивают до 80–85% экономического роста производства. В России из общего числа завершенных, принятых в агропромышленное производство научно-технических разработок ежегодно остаются невостребованными до 40–50%. Менее 10% агропромышленных предприятий внедряют технологические инновации, и не более 12% хозяйств используют современные технологии интенсивного ресурсосберегающего типа [8, с. 28]. В 1990 г. уровень использования научных достижений составлял 65% [10, с. 113].

В Республике Коми доля агропромышленных предприятий, являющихся наиболее динамичными потребителями новшеств, составляет лишь 10%. Самое плохое использование научно-технических разработок выявлено в сельском хозяйстве периферийных районов. Анкетный опрос руководителей и специалистов сельхозорганизаций и крестьянских (фермерских) хозяйств показал, что использование селекционно-генетических инноваций респонденты оценили как «очень плохое» – 24,9%, «плохое» – 33,3%, «среднее» – 42,1%; технико-технических – «плохое» – 20,2%, «среднее» – 60,7%, «хорошее» – 19,1%; организационно-экономических и управленческих инноваций – как «очень плохое» – 32,6%, «плохое» – 38,3%, «среднее» – 29,1% (табл. 2).

Более чем за столетний период аграрная наука республики сыграла важную роль в «осеверении» земледелия. Поступательное развитие агрономической науки наблюдалось в 1950–1980 гг. Научные исследования по развитию аграрного сектора проводят 36 сотрудников, в том числе 10 докторов и 26 кандидатов наук. Из числа докторов – пять

Таблица 2. Результаты анкетного опроса руководителей и специалистов аграрных хозяйствующих субъектов в 2013 г. по оценке использования инноваций по 5-балльной шкале, %

Оценка	Селекционно-генетические инновации			Технико-технологические инновации			Организационно-экономические и управленческие инновации		
	Сельхозорганизации периферийных районов	Сельхозорганизации остальных территорий	Фермерские хозяйства	Сельхозорганизации периферийных районов	Сельхозорганизации остальных территорий	Фермерские хозяйства	Сельхозорганизации периферийных районов	Сельхозорганизации остальных территорий	Фермерские хозяйства
Очень плохо	24,6	4,2	-	-	-	-	32,6	8,3	-
Плохо	33,3	5,9	-	20,2	-	-	38,3	10,1	-
Средняя	42,1	49,2	88,9	60,7	47,2	68,7	29,1	30,4	81,7
Хорошо	-	30,5	11,1	19,1	42,6	22,2	-	40,9	18,3
Отлично	-	10,2	-	-	10,2	9,1	-	10,2	-

Составлено по данным анкетного опроса.

сельскохозяйственных, три — экономических, один — ветеринарных наук. В составе кандидатов наук десять — сельскохозяйственных, восемь — экономических, шесть — биологических и два — технических наук. В период проведения рыночных реформ из-за сокращения объемов финансирования науки и уровня заработной платы научных работников произошел отток молодых ученых и изменилась возрастная структура научных кадров. Сейчас в научных организациях республики, занимающихся аграрными исследованиями, доля научных сотрудников старше 60 лет составляет 41%, в том числе кандидатов наук — 42%, докторов наук — 100%. Средний возраст кандидата наук достиг 58 лет, а доктора наук — 70.

На современном этапе особенно актуально усилить междисциплинарные научные исследования по комплексному развитию сельских территорий. Для проведения междисциплинарных исследований по устойчивому сельскому развитию, как показывает опыт развитых стран, целесообразно создание головного научного (образовательного) учреждения, тесно

взаимодействующего с НИИ и вузами республики, экспертным сообществом, информационно-консультационной службой, региональными и муниципальными органами управления.

В Республике Коми отсутствует целостная система научного обеспечения устойчивого аграрного и сельского развития. Не определен головной НИИ (вуз), занимающийся научными исследованиями устойчивого развития сельских территорий, не создано экспертное сообщество ученых, специалистов, оценивающих те или иные меры государственных и муниципальных органов власти по развитию отраслей сельской экономики и инфраструктуры. Требуется кардинальное изменение отношения к науке всех ветвей власти, а также общественного мнения. Координация исследований и ориентация их на коммерциализацию позволит сформировать социальный заказ науке на концептуальную разработку различных сценариев технико-технологического и социально-экономического развития аграрного сектора и сельских территорий на перспективу.

Для повышения эффективности научного обеспечения агропродовольственного сектора и устойчивого развития сельских территорий предстоит определить головной НИИ, увеличить господдержку фундаментальных исследований и важнейших прикладных разработок, ориентированных на быструю отдачу, разработать и утвердить порядок использования в производстве научных разработок, условия их финансирования, сформировать внебюджетный фонд НИР на основе отчислений организациями АПК средств с отнесением их на издержки производства, изменить условия проведения конкурса на научные разработки, взяв за основу не минимальную цену, а новизну и ожидаемый эффект. Одним из приоритетов государственной поддержки являются опытно-производственные хозяйства, где проводится проверка практического применения научно-технических разработок в конкретных условиях. В качестве ведущего научного учреждения по устойчивому аграрному и сельскому развитию республики может быть определен бывший НИИСХ РАСХН, который интегрируется в РАН. Приоритетные направления фундаментальных и важнейших прикладных разработок будут связаны с воспроизводством плодородия почв, разработкой технологий производства органической продукции, созданием ранних и среднеранних сортов картофеля, способных к клубнеобразованию в условиях длинного светового дня, кормовых растений, оптимально соответствующих специфике Севера, обоснованием эффективных межотраслевых связей сельского и лесного хозяйства, отраслей перерабатывающей промышленности, различных форм кооперации и интеграции, разработкой научно обоснованной концепции, стратегии устойчивого развития сельских территорий, обоснованием модернизации всех сфер сельской экономики и ее инфраструктуры.

Развитие аграрного консультирования

Среди важнейших факторов, способствующих обеспечению модернизационного процесса сельского хозяйства, особое место занимает информационно-консультационная служба (ИКС). Роль ИКС заключается в передаче сельскохозяйственным и агропродовольственным предприятиям, крестьянско-фермерским хозяйствам и населению научной, технологической и рыночной информации, освоении селекционно-генетических достижений, высокопроизводительной техники, интенсивных ресурсосберегающих технологий, а также передового отечественного и зарубежного производственного опыта.

Хорошо налаженная система информационного и консультационного обеспечения позволяет наиболее полно и достоверно охарактеризовать внешнюю и внутреннюю среду хозяйствующего субъекта, принять оптимальное для каждой конкретной ситуации управленческое решение, снизить риски в деятельности и обеспечить устойчивое развитие сельхозорганизаций и фермерских хозяйств.

Анализ существующей организации ИКС свидетельствует, что основными факторами, сдерживающими развитие системы информационно-консультационного обеспечения аграрного сектора, являются: неуккомплектованность службы специалистами; отсутствие финансовых средств для оплаты консультационных услуг; недостаточная взаимосвязь между информационно-консультационной службой и органами управления и обслуживания регионального АПК, научными, образовательными и информационными учреждениями; отсутствие на муниципальном уровне ИКС.

С целью изучения состояния и улучшения информационно-консультационного обеспечения аграрного сектора нами в 2013 г. проведен опрос руководителей и

специалистов сельхозорганизаций и крестьянских (фермерских) хозяйств. Респондентами были в основном руководители средних и малых предприятий и фермерских хозяйств. На анкету практически не откликнулись руководители крупных аграрных предприятий, видимо, не нуждающиеся в услугах консультационной службы. Анализ результатов анкетирования показал следующее:

- основную информацию (почти до половины) клиенты о ее потребности получали от специалистов Минсельхозпрода республики, отделов сельского хозяйства районов и городов, а также на семинарах, совещаниях и при прохождении обучения. Почти две трети опрошенных не обращались за информацией к научно-исследовательским и образовательным учреждениям. Этим организациям были высказаны пожелания об улучшении качества оказываемых услуг;

- половина респондентов не обращались с просьбой об оказании услуг для решения проблем, возникающих в процессе производственной деятельности, к Информационно-консультационному центру при Институте переподготовки и повышения квалификации работников АПК Республики Коми;

- наибольший интерес сельхозпроизводителей вызывает информация о спросе на аграрную продукцию и ее ценах на локальных и региональных рынках, ценах на материально-технические ресурсы, о новых технологиях, селекционно-генетических инновациях, действующих нормативно-правовых актах;

- в ходе социологического опроса предпочтение отдано консультированию в хозяйстве; посещение специалистами консультационной службы сельхозорганизаций и хозяйств требует больших финансовых расходов и затрат времени;

- сельхозпроизводители проявляют значительный интерес к таким видам консультационной деятельности, как внедрение инноваций, разработка бизнес-планов, стратегии развития хозяйства, разработка и оценка инновационно-инвестиционных проектов, оказание помощи по решению конкретных проблем, и согласны оплачивать эти консультационные услуги;

- при изучении перспективных организационно-правовых форм ИКС респонденты отдали предпочтение консультационным службам в составе Минсельхозпрода республики и муниципальных отделов сельского хозяйства [3].

Предлагаемая система информационно-консультационного обеспечения аграрного сектора республики включает региональный и межрайонные уровни, тесно взаимодействующие с научными и образовательными организациями, органами управления и информационными учреждениями. Использование информационно-консультационной системы, созданной для обслуживания АПК, целесообразно распространить на другие отрасли сельской экономики и обслуживание сельских жителей.

Механизмы государственного регулирования активизации модернизационных процессов

К сельскому хозяйству периферийных северных территорий нельзя подходить с позиции получения прибыли, достаточной для расширенного воспроизводства. Аграрная отрасль тяготеет к социальной сфере и может развиваться лишь при господдержке. Субсидии сельхозпроизводителям позволяют получить доходы дополнительно к выручке от реализации продукции, и это не влияет на рост цен на продовольствие.

Анализ существующей финансовой поддержки свидетельствует, что значительная ее доля приходится на крупные аграр-

ные предприятия, лучше обеспеченные ресурсами, и на пригородные районы. Причем поддержка не всегда пропорциональна производимым ими объемам аграрной продукции. Существующие размеры финансовой поддержки не позволяют не только развивать отрасль на инновационной основе, но и сдерживать падение производства. Объемы бюджетной поддержки не учитывают вклад сельской периферии в производство биологически полноценных продуктов питания, специфику специализации сельского хозяйства, состояния материально-технической базы отрасли, уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры. Основная тяжесть финансовой поддержки сельхозтоваропроизводителей ложится на региональный бюджет. Для подъема рентабельности и увеличения инвестиционных возможностей необходимо увеличить объем прямой государственной поддержки аграрного производства в 3–4 раза. Ускорение модернизации отрасли и инфраструктуры сельской местности потребует также выделения государственных капитальных вложений.

Устойчивому развитию северного оленеводства и росту занятости коренных народов будут способствовать принятие Федерального закона «Об оленеводстве в Российской Федерации» и разработка аналогичной федеральной программы. Финансирование из федерального бюджета программы развития оленеводства позволит увеличить поголовье животных, наладить переработку оленьих шкур и производство эндокринно-ферментного сырья.

В этой сфере необходима активная поддержка со стороны Правительства Республики Коми в части закрепления лесных пастбищ в долгосрочную аренду оленеводческим хозяйствам; введения ежемесячной доплаты для зооветеринарных специалистов; создания базы переработки продук-

ции оленеводства при кооперировании с другими регионами; организации туризма, связанного с оленеводством.

В условиях присоединения России к ВТО и связанных с этим ограничений бюджетной поддержки и направлений ее субсидирования в сторону уменьшения прямой господдержки, в 2013 г. наблюдалось снижение рентабельности продукции (за исключением мяса птицы) (табл. 3).

Вступление России в ВТО потребует для северных и арктических территорий, ведущих сельское хозяйство в экстремальных условиях, снятия ограничений уровня поддержки по «желтой корзине». Снятие ограничений на поддержку сельского хозяйства позволит увеличить рентабельность, заработную плату работников аграрного производства, обеспечить их занятость, увеличить инвестиционные возможности и ускорить модернизацию скотоводства и оленеводства.

Предстоит повысить роль долгосрочного льготного кредита в ускорении модернизации и инновационного развития агропродовольственного сектора и освободить сельхозорганизации и фермерские хозяйства от налогов.

В целях стимулирования сбыта местной сельхозпродукции, повышения конкурентоспособности сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств региональным и муниципальным органам власти, руководству аграрных хозяйствующих субъектов следует активизировать внутренний спрос. Для чего необходимо наладить контрактную систему, обеспечивающую приоритет при закупках продукции в региональный и муниципальные фонды местной продукции, используемой для бесплатного питания детей и школьников и отоваривания продовольственных талонов малоимущих. Потребуется также ликвидация монополии заготовительных,

Таблица 3. Рентабельность, убыточность (-) производства продукции в сельхозорганизациях Республики Коми в 2013 г., %

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Рентабельность всей продукции	12,5	13,3	12,7	5,2
В том числе:				
растениеводства	-13,5	-6,8	-7,2	-17,6
животноводства	15,3	15,2	14,9	2,1
Картофель	11,2	-7,9	2,7	-1,4
Овощи открытого грунта	-8,7	-56,3	-38,6	-25,0
Овощи закрытого грунта	-21,7	4,0	3,4	-23,2
Продукция животноводства в непереработанном виде				
Молоко	10,1	9,0	7,6	-35,5
Говядина	-28,8	-21,4	-20,7	-41,0
Свинина	15,4	10,8	9,3	-26,2
Оленина	51,7	62,8	61,4	19,2
Мясо птицы	62,9	22,7	41,5	75,3
Яйцо	10,3	16,0	14,6	-2,1
Реализация продукции в переработанном виде				
Молочная продукция	-48,3	-47,8	-41,4	-27,7
Мясо крупного рогатого скота	-48,3	-47,8	-44,3	-53,7
Свинина	6,3	9,6	9,1	0,3
Оленина	9,6	9,7	9,5	-0,3
Птица	36,6	31,1	32,6	31,1
Источник: Годовые отчеты.				

посреднических и перерабатывающих структур путем перевода на кооперативную основу цикла производства, переработки и реализации продукции.

Изучение специфики, возможностей, основных направлений ускорения модернизационных процессов сельского хозяйства северных периферийных районов Республики Коми позволяет сделать следующие выводы.

1. Реформирование аграрного сектора сопровождалось разрушением производственного потенциала, сокращением производства всех видов аграрной продукции, снижением уровня жизни крестьянского сообщества. Периферийное сельское село переживает системный кризис. Реальные тенденции в аграрном секторе могут привести к его ликвидации и запустению веками обжитых сельских территорий.

2. Существующие мнения о бесперспективности развития аграрного сектора в сельской периферии либо об ориентации на использование сельхозземель вахтовым методом или на их возврат природному ландшафту, либо о переориентации занятости местного населения с сельскохозяйственных на альтернативные виды деятельности – малообоснованны и неприемлемы.

3. Риски и угрозы сворачивания аграрного сектора в сельской периферии и создание крупных аграрных предприятий в городских и пригородных зонах связаны: с невозможностью обеспечить продовольственную безопасность страны и ее регионов, производить органическую продукцию; с появлением негативных эффектов воздействия на окружающую среду в городах и пригородных зонах, а также на здоровье потребителей пищевых про-

дуктов; колоссальными государственными расходами для обеспечения занятости крестьян несельскохозяйственными видами деятельности.

4. Периферийные сельские районы имеют для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы следующие предпосылки: наличие трудовых ресурсов, естественной кормовой базы (крупных массивов пойменных лугов), возможность производства органической продукции, спрос на свежие местные пищевые продукты. Индустриальный характер развития экономики республики позволяет направлять значительные финансовые ресурсы для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий.

5. Для преодоления затянувшегося кризиса и перехода к устойчивому развитию аграрного сектора сельской периферии предложен комплекс мер, связанных с улучшением условий жизни крестьян, кадровым, научным и информационно-консультационным обеспечением аграрного

производства, созданием экономических условий для эффективной системы господдержки, преодолением монополизма на основе стимулирования кооперативных форм в сферах переработки и реализации продукции, активизацией внутреннего спроса на местную продукцию.

6. Рекомендации по сбалансированному развитию аграрного сектора, совершенствованию госрегулирования модернизации отрасли периферийных северных и приарктических территорий в новых условиях станут для государственных и муниципальных органов управления Республики Коми научной основой для разработки нормативно-правовых актов, внесения изменений в условия и механизмы финансовой поддержки Госпрограммы развития агропродовольственного сектора на 2013–2020 гг.

7. Комплексное развитие периферийных сельских территорий следует считать для государственных и муниципальных органов управления приоритетом на длительную перспективу.

Литература

8. Дмитриева, Т.Е. Территориальная организация северного региона: масштабы периферии / Т.Е. Дмитриева // Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 57-87.
9. Дмитриева, Т.Е. Методологический контекст пространственного развития северного региона / Т.Е. Дмитриева // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2009. – № 1 (38). – С. 22-29.
10. Иванов, В.А. Анализ результатов анкетирования о состоянии и развитии сельскохозяйственного консультирования в Республике Коми / В.А. Иванов, Е.В. Иванова // Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе: материалы VIII Междунар. научн. – практ. конф. (Сыктывкар, 14 марта 2014): в 2 т. – Т. 1. – Сыктывкар: филиал СПбГЭУ в г. Сыктывкаре, 2014. – С. 429-433.
11. Иванов, В.А. Специфика управления развитием сельского хозяйства периферийных территорий (на примере Республики Коми) / В.А. Иванов, В.В. Терентьев, А.С. Пономарева // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2013. – № 2 (14). – С. 101-106.
12. Лаженцев, В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития [Текст] / В.Н. Лаженцев. – Екатеринбург – Сыктывкар, 2014. – 236 с.
13. Нефедова, Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки [Текст] / Т.Г. Нефедова. – М.: Новое изд-во, 2003. – 408 с.
14. Родоман, Б.Б. Погоня за вчерашним днем Запада в ряду прочих особенностей России / Б.Б. Родоман [Текст] // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. – Вып. 7. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – Ч. 2. – С. 375-379.

15. Савенко, В. Проблемы формирования механизма инновационного обеспечения АПК / В. Савенко, Н. Санду // АПК: экономика, управление. – 2013. – № 1. – С. 28-33.
16. Терентьев, В.В. Кадровое обеспечение модернизации сельского хозяйства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) / В.В. Терентьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 151-165.
17. Ушачев, И.Г. Аграрная политика России: проблемы и решения [Текст] / И.Г. Ушачев. – М.: Изд-во ИП Насирддинова В.В., 2013. – 524 с.
18. Эльдиева, Т. Региональная аграрная политика в новых условиях хозяйствования / Т. Эльдиева // Экономика сельского хозяйства России. – 2013. – № 3. – С. 72-83.

Валентин Александрович Иванов – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, ivanov@iespn.komisc.ru)

Анна Сергеевна Пономарева – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, ponomareva@iespn.komisc.ru)

Виталий Васильевич Терентьев – кандидат экономических наук (Россия, г. Сыктывкар)

Елена Валентиновна Иванова – инженер, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, ivanov@iespn.komisc.ru)

Ivanov V.A., Terent'ev V.V., Ponomareva A.S., Ivanova E.V.

Main Directions for Accelerating Modernization in the Agricultural Sector in the Rural Periphery of the North (Case Study of the Komi Republic)

Valentin Aleksandrovich Ivanov – Doctor of Economics, Chief Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, ivanov@iespn.komisc.ru)

Anna Sergeevna Ponomareva – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, ponomareva@iespn.komisc.ru)

Vitalii Vasil'evich Terent'ev – Ph.D. in Economics (Syktyvkar, Russian Federation)

Elena Valentinovna Ivanova – Engineer, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, ivanov@iespn.komisc.ru)

Abstract. Agricultural production in the rural periphery of the North requires modernization because it is necessary to overcome the backwardness of its technical and technological level, to improve the provision of the population with local food products, to create competitive advantages in the local and regional markets, to use natural and human capital rationally, to raise the standard of living and quality of life of agricultural workers, to retain young people in rural areas, to reduce significant differentiation in socio-economic development of remote and suburban areas. The period of market reforms was marked by the destruction of the material-technical base of agriculture, the sharp reduction in cultivated agricultural land, number of animals, number of workers, the deterioration of their professional level and quality of life, the decline in production of all kinds of agricultural products. In the period of market reforms the facilities and infrastructure basis of agriculture was destroyed, the volume of cultivated land reduced greatly, as well as the population of livestock, and the number of employees; their professional level and quality of life deteriorated, the production of all kinds of agricultural products reduced. Agriculture was deprived of possible technological re-equipment because of prices liberalization, the drastic reduction in state support and in the amount of investments. The article proves that current views on the lack of prospects for development of agricultural production in the rural periphery and the reorientation of rural residents on other activities are not acceptable. The authors point out the need to accelerate modernization in agriculture, and they conclude that sustainable agricultural and rural development is a long-term priority for the state and municipal authorities. The article considers the possibilities and necessity of intensifying modernization processes in the agricultural production of the rural periphery for the purpose of establishing food security in the northern region. The authors suggest ways and mechanisms to modernize agriculture in the peripheral areas of the Komi Republic that are connected with the improvement of living conditions of peasants, with staffing, scientific-information and advisory support, and with the creation of an effective system of state support. The research findings presented in the paper can be used for adjusting the current State Program for Development of Agro-Food Sector, as well as the similar program for the Komi Republic for 2021–2025.

Key words: modernization, agriculture, peripheral areas, Komi Republic, factors, conditions, state regulation mechanisms.

References

1. Dmitrieva T.E. Territorial'naya organizatsiya severnogo regiona: masshtaby periferii [Territorial Organization of the Northern Region: the Scale of the Periphery]. *Sever: problemy periferiinykh territorii* [The North: Issues of Peripheral Areas]. Executive editor V.N. Lazhentsev. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2007. Pp. 57-87.
2. Dmitrieva T.E. Metodologicheskii kontekst prostranstvennogo razvitiya severnogo regiona [Methodological Context of the Spatial Development of the Northern Region]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and Prospects], 2009, no. 1 (38), pp. 22-29.
3. Ivanov V.A., Ivanova E.V. Analiz rezul'tatov anketirovaniya o sostoyanii i razvitii sel'skokhozyaistvennogo konsul'tirovaniya v Respublike Komi [Analysis of the Results of the Questionnaire Survey on the Status and Development of Agricultural Advisory Support in the Komi Republic]. *Problemy razvitiya ekonomiki i sfery servisa v regione: materialy VIII Mezhdunar. nauchn. – prakt. konf. (Syktyvkar, 14 marta 2014): v 2 t.* [Problems of Development of Economy and Services Sector in the Region: Proceedings of the 8th International Research-to-Practice Conference (Syktyvkar, March 14, 2014): in 2 vol.]. Vol. 1. Syktyvkar: filial SPbGGEU v g. Syktyvkare, 2014. Pp. 429-433.
4. Ivanov V.A., Terent'ev V.V., Ponomareva A.S. Spetsifika upravleniya razvitiem sel'skogo khozyaistva periferiinykh territorii (na primere Respubliki Komi) [Specifics of Management of Agricultural Development in the Peripheral Areas (Case Study of the Komi Republic)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN* [Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of RAS], 2013, no. 2 (14), pp. 101-106.

5. Lazhentsev V.N. *Soderzhanie, sistemnaya organizatsiya i planirovanie territorial'nogo razvitiya* [The Content, System Organization and Planning of Territorial Development]. Yekaterinburg – Syktyvkar, 2014. 236 p.
6. Nefedova T.G. *Sel'skaya Rossiya na pereput'e: geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow: Novoe izd-vo, 2003. 408 p.
7. Rodoman B.B. Pogonya za vcherashnim dnev Zapada v ryadu prochikh osobennostei Rossii [Chasing the Yesterday of the West in a Number of Other Features of Russia]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik* [Russia: Trends and Development Prospects: Yearbook], 2012, no. 7, part 2, pp. 375-379.
8. Savenko V., Sandu N. Problemy formirovaniya mekhanizma innovatsionnogo obespecheniya APK [Problems of the Formation of a Mechanism of Provision of APK with Innovation]. *APK: ekonomika, upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics, Management], 2013, no. 1, pp. 28-33.
9. Terent'ev V.V. Kadrovoe obespechenie modernizatsii sel'skogo khozyaistva severnykh i arkticheskikh territorii (na primere Respubliki Komi) [Staffing for the Modernization of Agriculture in the Northern and Arctic Territories (Case Study of the Komi Republic)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 4 (28), pp. 151-165.
10. Ushachev I.G. *Agrarnaya politika Rossii: problemy i resheniya* [Russia's Agrarian Policy: Problems and Solutions]. Moscow: Izd-vo IP Nasirddinova V.V., 2013. 524 p.
11. El'dieva T. Regional'naya agrarnaya politika v novykh usloviyakh khozyaistvovaniya [Regional Agricultural Policy in the New Economic Conditions]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia], 2013, no. 3, pp. 72-83.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.13

УДК 20.18, ББК 65.9

© Кун Фаньбинь, Ли Чжимэн

Механизм экологической компенсации в водоохранной зоне (на примере реки Дунцзян)

Кун Фаньбинь

Академия общественных наук провинции Цзянси, Наньчан
Китай, kongfanbin@aliyun.com

Ли Чжимэн

Академия общественных наук провинции Цзянси, Наньчан
Китай, lzm0730@126.com

Аннотация. Надлежащая экономическая компенсация на всей территории бассейна реки необходима для того, чтобы решить проблему социально-экономических диспропорций между регионами Китая и усиления охраны водных ресурсов и развития экологической безопасности. В исследовании проведен анализ реализации политики экологической компенсации и связанной с ней правовой базы в рамках теории механизма экологической компенсации и сложившейся практики, на основе современного состояния природной среды и социально-экономического развития в водоохранной зоне реки Дунцзян. В соответствии с принципом «пользователи платят» район реки Дунцзян является предметом и получателем экологической компенсации. При помощи анализа затрат и результатов и метода учета затрат промышленного развития мы подсчитали, что общая экологическая компенсация составила 513,35 млн. юаней. При оценке таких показателей, как количество воды, качество воды и эффективность использования воды, мы разработали «модель распределения затрат на охрану окружающей среды и экологическую защиту» и рассчитали общую стоимость охраны окружающей среды в районах низовьев реки в провинции Гуандун – около 108,61 млн. юаней. Разработан проект охраны окружающей среды в районе реки Дунцзян, который соответствует принципам и подходам экологической компенсации.

Ключевые слова: механизм экологической компенсации; район истока реки; река Дунцзян.

Введение

Люди, живущие в районах крупнейших рек на среднем западе Китая, являются относительно бедными, поскольку территории, расположенные вблизи этих водных ресурсов, ограничены или запрещены для экономического использования вследствие необходимости охраны окружающей среды. И это уменьшает возможности жителей данных районов увеличить свои доходы. Из-за особых географических условий Китая экология рек может быть легко нарушена, поэтому указанные территории относят к природоохранным зонам. В связи с этим охрана окружающей среды и одновременное увеличение доходов населения становится трудновыполнимой задачей, т.к. данные цели находятся в противоречии друг с другом. Район истоков рек долгое время выполнял задачу восстановления экологии и охраны окружающей среды, что сдерживало разработку региональных ресурсов и экономическое развитие. Эти ограничения обусловили разрыв в уровне социально-экономического развития между районами верховий и низовий рек, что серьезно сказывается на эффективности защиты экологической среды районов верховий, увеличивая экологическое давление на эти территории. Чтобы устранить региональные социально-экономические диспропорции в Китае, требуется решить вопрос о защите водных ресурсов, что очень важно для экологической безопасности. Теория механизма экологической компенсации, основанная на практике района реки Дунцзян, является одной из типичных теорий, выделенных для региональной экологической компенсации и формирования её механизма. Данная работа, исследующая субъект и объект, определяющие принципы, методы и программы экологической компенсации и охраны окружающей среды

в районе истоков реки Дунцзян, направлена на формирование и совершенствование механизма экологической компенсации, который может быть использован для принятия политических решений в будущем.

Обзор литературы

Различие способов управления природоохранной деятельностью, экологическим строительством и охраной водных ресурсов в районах верховий и низовий реки Дунцзян приводит к различному использованию находящихся на этих территориях экологических ресурсов. С внедрением механизма экологической компенсации и достижением выгодной для обеих сторон ситуации в управлении и обмене может быть достигнуто скоординированное развитие бассейна реки Дунцзян между регионами [2]. Защита экологической компенсации через административные, юридические и рыночные средства приносит выгоду от охраны окружающей среды вследствие различных ограничений; вместе с тем упускается возможность развивать преференциальную политику в районе верховий реки, а также капитал, технологии и другие формы физической компенсации [3]. Зарубежные исследования по теории экологической компенсации направлены на изучение её перспектив и путей продвижения этого процесса: например, Правительственная программа компенсационного механизма почв и водных ресурсов (США), Механизм экологической компенсации бассейна реки Эльба (Германия), а также Программа финансирования лесонасаждения в верховьях рек (Коста-Рика) [4].

Отечественные исследования в области экологической компенсации также показали ценные результаты. Чжуан (Zhuang G) проводит предварительный анализ влияния внешних эффектов на защиту окружающей среды [5]. Лю И (Liu Y) исследует

стратегию управления водными ресурсами Китая [6], а Цинь (Qin L) и другие учёные проводят исследования в области компенсации ресурсов в районе нефтегазоносного бассейна Сунляо, расположенного в северо-восточной части Китая [7]; Чжоу (Zhou D) и другие [3] изучают использование водных ресурсов бассейна. Сян (Xiang F) и другие [8] изучают экологическую компенсацию в бассейне водных ресурсов для восстановления экологических функций лесов и сохранения водных ресурсов; Тао (Tao) и другие [9] проводят исследования в области охраны и рационального использования водных и лесных ресурсов в районе водохранилища Миюнь для оценки экологических преимуществ. Гао (Gao Y) рассматривает компенсации ущерба от загрязнения вод для межрегионального компенсационного механизма загрязнения рек [10]; Ге (Ge H) изучал компенсацию водных ресурсов в бассейне на основе исследований влияния межрегиональной переброски воды на окружающую среду [11]; Чжан (Zhang C.) и другие исследуют конкурентный анализ внешних вод [12]. На практике местные органы власти установили административный механизм защиты питьевой воды в городах на небольшой территории водосбора, в том числе практику экологической компенсации в бассейне реки Дунцзян (провинция Гуандун), режим торговли правом водопользования в провинции Чжэцзян; режим экологической компенсации в провинции Фуцзянь.

За последние пять лет отечественные ученые уделяют особое внимание исследованию механизма экологической компенсации в районе истока реки Дунцзян в провинции Цзянси. Исследование сосредоточено на оказании экосистемных услуг, на экономическом значении отчетных функций, таких как ценность

источников лесных ресурсов [13]; Лю и другие оценивают общую экономическую и экологическую ценность услуги в районе истока реки Дунцзян [14]. Некоторые ученые, в том числе Ху (Hu Z) и другие [15], Ху и Лю [16] и Ху и Сюнь (Xiong X) [17], обсуждают создание механизма экологической компенсации в районе истока реки Дунцзян. Упомянутые исследования затрагивают стоимость экосистемных услуг в этом районе на основе предполагаемых стандартов экологической компенсации. Результаты исследований свидетельствуют о том, что общий объем компенсационных фондов намного превышает выгоды от регионального экономического развития и что применение компенсационной политики вызывает трудности. Кроме того, нет исследований и официальных ответов на правовой основе, разработок проекта компенсации затрат, которые могут быть использованы для установления механизма компенсации.

Характеристика и создание механизма экологической компенсации района реки Дунцзян

Географическая характеристика

Река Дунцзян, находящаяся в провинции Цзянси, протекает через уезды Сюнью, Аньюань, Диннань. Эти три уезда расположены в южной части Цзянси (городской округ Ганьчжоу) на долготе от 114°47' до 115°33', широте от 24°29' до 25°33'. Общая площадь земель в пределах водного бассейна около 3502 км². Водохозяйственный район реки Дунцзян включает в себя уезды Лунчуань, Хэюань, Цзыцзинь, Хуэйян, Хуэйчжоу в провинции Гуандун, и, следовательно, он обеспечивает около 70% потребности уездов Дунгуань, Хуэйчжоу, Шэньчжэнь и специального административного района Гонконг в пресной воде.

Характеристики социально-экономического развития

Район реки Дунцзян характеризуется отсталостью экономического развития и низким уровнем жизни населения. Доля бедных людей составляет 42% от общей численности населения района. По этой причине уезды Сюнью и Аньюань являются приоритетными в борьбе с бедностью на уровне страны, а уезд Диннань – приоритетным на уровне провинции.

По состоянию на 2004 год общая численность населения в пределах территорий истока реки достигает 82,93 млн., из которых сельское население составляет около 71,4 млн. ВВП района равен 3,147 млрд. юаней, или 0,9% от ВВП провинции. Чистый доход фермеров на душу населения составляет 1664,46 юаней, или 56,37% провинциальных и 36,7% национальных доходов фермеров на душу населения. Доход фермеров на душу населения в указанных трех бедных уездах составляет около 6% от аналогичного показателя района дельты реки Чжунцзян.

Экологические проблемы и их причины

Экологические проблемы реки Дунцзян в основном вызваны деградацией водоохранной мощностей, что привело к серьезной эрозии почв и загрязнению воды. По данным исследования, проведенного в 2005 г., эрозии почв подверглась территория общей площадью 85 370 км² в районе реки Дунцзян. Почвы на площади, составляющей 27 871 км², или 32,64% этой территории, серьезно повреждены эрозией. В 2001 году заиливание составило примерно 1 530 000 м³, т.е. 86% емкости резервуара. Согласно данным электростанции Доуянью, средний годовой сток в регионе, равный 1,421 млрд. м³ в 2005 году, составляет более чем 6% от предполагаемого среднегодового объема стока. По данным экологических

мониторинговых станций в городском округе Ганьчжоу, качество воды в некоторых водоемах в 2006 году оценивалось как IV или V класс (низкое).

Район истока реки Дунцзян имеет более сложные экологические проблемы. Первая проблема вызвана внутренними недостатками природных и географических условий. Это типичный горный район, подходящий для сельского и лесного хозяйства, в котором 90% площади занимают горы, холмистые и крутые горы и, следовательно, почвы склонны к эрозии. Вторая экологическая проблема вызвана непосредственно сбросом твердых отходов и неочищенных сточных вод в водные объекты, что вызывает загрязнение аквакультуры. В сочетании с влиянием других сельскохозяйственных неточечных загрязнений масштабы и степень загрязнения сельскохозяйственной и животноводческой продукции увеличиваются. Накопление большого объема отходов в почве и воде также вызывает серьезное загрязнение. В-третьих, значительно повреждаются лесные ресурсы. Деревообрабатывающая промышленность потребляет большое количество лесных ресурсов, что приводит к нарушению лесных экосистем и эрозии почв. Площадь почв, подвергшихся эрозии, увеличилась в 10 раз по сравнению с показателями 1950-х годов. Четвертая экологическая проблема связана с последствиями крупномасштабного развития горных районов. В настоящее время вырубка леса становится все более интенсивной, что усугубляет эрозию почвы для гор с наклоном более чем 25°. Последней экологической проблемой является длительное воздействие разработки месторождений полезных ископаемых. Интенсивная эксплуатация месторождений наносит непоправимый ущерб местной экологической среде.

Ключевые проблемы механизма экологической компенсации

В тех районах, которые платят или получают компенсацию

Экологическая компенсация, включающая в себя компенсацию за сохранение качества воды на территории бассейна, делится на национальную и региональную и выплачивается районам верховий и низовий реки. Государственная компенсация выплачивается центральным правительством в виде финансовых грантов и субсидий районам верховий за водоразделом экологического строительства. Строительные инвестиции в экологическую среду районов верховий реки должны быть значительными. Требуется, чтобы местные власти, организации и частные лица в районах верховий реки были непосредственно вовлечены в экологическую компенсацию. В настоящее время охрана бассейна реки и компенсационный механизм в районах низовьев реки должны финансироваться на национальном уровне.

Правительство провинции Гуандун, принимающее во внимание фактическую целесообразность компенсации, выступает прямым субъектом компенсации, а руководство и городские жители являются косвенными бенефициарами.

Получатели компенсации в районе реки Дунцзян должны принимать участие в охране водных ресурсов, так же как и промышленные предприятия. Организации и отдельные лица, в том числе региональные правительства, бизнесмены и фермеры, должны получать компенсацию. На практике предприятия и физические лица, осуществляющие деятельность в верховьях реки и администрируемые органами местного самоуправления, определяются в качестве объекта прямой компенсации, а местные органы власти, расположенные в верховьях

реки, получают компенсацию, если районы верховий реки, где ведут свою деятельность предприятия и фермеры, определяются как объекты косвенной компенсации.

Расчет компенсации в районе реки Дунцзян

Норма компенсации и метод расчета

В данном исследовании мы использовали анализ затрат, результатов и возможностей промышленного развития с целью учета затрат для определения воздействия на экологическое строительство и охрану окружающей среды в районе реки Дунцзян. Рассматривая уровень экономического развития в районе низовий реки, мы можем в конечном счете определить стандарты компенсации по охране водных ресурсов. Водные ресурсы реки Дунцзян должны быть защищены с помощью человеческих, материальных и финансовых ресурсов. Сложно оценить затраты и выгоды, которые уже были компенсированы в прошлом. Поэтому, основываясь на данных Комиссии по развитию и реформам провинции Цзянси и Бюро по охране окружающей среды провинции Цзянси и принимая во внимание текущую социально-экономическую ситуацию, Кун (Kong FB) говорит о том, что расходы на охрану окружающей среды и экологическое строительство в районе реки Дунцзян составят 1,42 млрд. юаней [19].

Затраты, составляющие проект охраны окружающей среды и экологического строительства

В соответствии с задачами охраны окружающей среды и строительства в районе истока реки Дунцзян, изложенными в «Одиннадцатой пятилетке», и с учетом данных Статистического ежегодника провинции Цзянси за 2006 г. предлагаемые инвестиционные соглашения и сметы суммируются следующим образом:

1. Прямые инвестиции в охрану окружающей среды: мониторинг водных ресурсов, экологические очистные работы и охрана водосбора, борьба с эрозией почв и другие аспекты экономических инвестиций в уездах Аньюань, Сюньбу и Диннань составляют около 239 млн. юаней. Среднегодовые прямые инвестиции в защиту окружающей среды составляют 19,92 млн. юаней.

2. Экологическая компенсация охраны лесов, в том числе компенсации за лесонасаждение, рациональное лесопользование и потерю сельскохозяйственных угодий. По данным плана «Одиннадцатой пятилетки», проектируемые расходы составляют 183 млн. юаней; примерные средние ежегодные инвестиции в экологическую компенсацию для лесного хозяйства и охраны сельхозугодий составляют 15,25 млн. юаней.

3. Утрата права на развитие. Используя располагаемый доход на душу населения жителей прилегающих уездов и сравнивая его с аналогичным показателем в районах выше по течению, можно определить, что экономические потери отражают право на ограничение развития. Ниже приведена формула расчета компенсации [20]:

лимит ежегодной компенсации = (располагаемые доходы городских жителей на душу населения – располагаемые доходы городских жителей верховья реки на душу населения) × число городских жителей, постоянно проживающих в районе верховья реки + (доход фермеров на душу населения – чистый доход фермеров, проживающих в районе верховья реки, на душу населения) × число сельских жителей, проживающих в районе верховья реки.

Мы используем доход на душу населения городских жителей, проживающих в районе реки, за 2005 г., чистый доход на душу населения сельских жителей и со-

ответствующие показатели для расчета надлежащей компенсации. Выбранные соседние уезды, в том числе уезд Дунгуань, Юйду, Лун и Синьфэн, городские округа Хуэйчжоу и Ганьчжоу, используются для установления стандартов компенсации. Результаты показывают, что все уезды, подлежащие компенсации, должны получать её в размере 271,06 млн. юаней в целом, а ежегодные компенсации для уездов Аньюань, Диннань и Сюньбу составляют 10,78 млн. юаней, 35,23 млн. юаней и 225,05 млн. юаней соответственно. Общая сумма компенсации в течение трёх лет составляет 288,3 млн. юаней [19].

Моделирование распределения расходов на охрану окружающей среды и экологическое строительство в районе реки Дунцзян

Район истока реки Дунцзян наряду с уездами Аньюань, Диннань и Сюньбу играет важную роль в экологическом строительстве лесного хозяйства, борьбе с эрозией почв, экологическом сельском хозяйстве, контроле загрязнения водного объекта поверхностным стоком, в проектах экологической миграции и экологического строительства. Суммарные затраты на охрану окружающей среды и экологическое строительство в конечном счете привели к улучшению качества воды, и, следовательно, количество и качество водоснабжения должно измеряться от верховий до низовий. Данное исследование рассматривает три показателя: количество воды, качество воды и повышение эффективности использования воды в районах верховий и в районах экологического строительства – для распределения затрат и компенсации. На основе исследований, проведенных Лю и др. в 2006 г. [21], мы предлагаем модель распределения затрат для охраны окружающей среды и экологического строительства в районе бассейна реки Дунцзян:

$$C_{gd} = C_T \times K_{sl} \times (1 + K_{sz}) \times K_{xy},$$

где C_{gd} – расходы на охрану окружающей среды и экологическое строительство в провинции Гуандун;

C_T – общие расходы на бассейновые природоохранные мероприятия и экологическое строительство;

K_{sl} – коэффициент распределения воды в провинции Гуандун (удельный вес в общем объеме воды бассейна);

K_{sz} – поправочный коэффициент качества воды на основе мониторинга качества речной воды;

K_{xy} – коэффициент распределения эффективности использования воды, основанный на потреблении воды в различных регионах.

Модель распределения затрат используется для определения параметров, в том числе – коэффициента распределения воды. Охрана окружающей среды, борьба с эрозией почв и экологическое строительство в районе бассейна реки требуют большого количества рабочей силы, ресурсных и финансовых затрат, чтобы гарантировать хорошее качество воды на территории всего бассейна и особенно в районах водосбора в низовьях реки. Согласно данным об использовании водных ресурсов бассейна реки Дунцзян, коэффициент распределения воды может быть рассчитан как доля в общем потреблении воды, а именно:

$$K_{sl} = SL_{Downstream} / SL_{Total},$$

где S_{IK} – коэффициент распределения воды;

$SL_{Downstream}$ – районы низовий реки Дунцзян;

SL_{Total} – общее потребление воды.

Коэффициент эффективности распределения воды. Модель совместного использования выгод предполагает, что компенсация должна быть высокой для территорий с высокой степенью защиты окружающей среды и более значительными затратами

на экологическое строительство и низкой для областей, которые несут меньше затрат на охрану окружающей среды и экологическое строительство. Районы бассейна реки, которые не несут затрат на охрану окружающей среды и экологическое строительство, не должны получать компенсацию. Поэтому охрану окружающей среды и экологическое строительство в модели совместного несения расходов представляет коэффициент распределения эффективности использования воды. Для водопотребления в расчете на 10 000 юаней ВВП данный показатель рассчитывается следующим образом:

$$K_{xy} = (1/HS_{Downstream}) / (1/HS_{Raw} + 1/HS_{Preparation}),$$

где K_{xy} – коэффициент эффективности распределения воды;

$HS_{upstream}$ – водопотребление на 10 000 юаней ВВП в районах верховий реки;

$HS_{Downstream}$ – водопотребление на 10 000 юаней ВВП в районе бассейна реки.

Поправочный коэффициент качества воды. Качество воды влияет на развитие и использование водных ресурсов в бассейне, а также определяет ценность водопользования. Чем лучше качество воды из вышерасположенных водосборов, тем лучше оно будет в районах, расположенных вниз по течению; если вышерасположенный регион предлагает воду низкого качества, то районы, расположенные вниз по течению, получают воду низкого качества. Поэтому мероприятия по охране окружающей среды и защите экологии, встроенные в модель распределения затрат, вводят поправочный коэффициент для качества воды в районе водосбора вниз по течению. Для районов экологической зоны вниз по течению реки Дунцзян можно проводить мониторинг показателя химического потребления

кислорода, этот показатель обычно используется в области охраны окружающей среды в качестве индикатора качества воды. Стандарты качества воды для территорий, примыкающих к районам низовьев реки, обязаны учитывать содержание бензоила (мг/л), и район бассейна реки несет ответственность за то, чтобы качество воды соответствовало стандартам для воды ниже места сброса.

Когда фактическое качество воды соответствует нормам, тогда районы, расположенные вниз по течению, должны лишь распределить расходы на охрану окружающей среды и экологическое строительство, если качество воды на участке пересечения границ провинций ниже фактического стандарта; районы, расположенные вниз по течению, разделяют выгоды, которые они получают благодаря охране окружающей среды и затратам на экологическое строительство. Используя показатель ежегодного сокращения выбросов, показатели химического потребления кислорода (COD) и инвестиций TZ (10 000 юаней/т), можно оценить инвестиции в районах, расположенных вверх по течению, район верховий реки обеспечивает лучшее качество воды по сравнению с производением SP на TZ.

Когда показатель SJ в районе границы провинций выше, чем фактические стандарты качества воды (то есть BZ), качество воды выше по течению не принимается во внимание. Следовательно, вышерасположенный район получает компенсацию расходов на охрану окружающей среды и экологическое строительство от районов, расположенных ниже. Однако вышестоящий регион также должен выплатить компенсацию районам, расположенным ниже по течению, за воду ненадлежащего качества. Эта компенсация рассчитывается как разница в объемах COD между стандартами SJ и BZ, которая равна производению

SP на TZ. Таким образом, поправочный коэффициент качества воды рассчитывается по следующей формуле:

$$K_{ss} = SJ / BZ ,$$

где K_{ss} – поправочный коэффициент качества воды;

SJ – фактическая концентрация COD;

BZ – стандарты качества воды для концентрации COD в зоне охраны окружающей среды.

Параметры определены на основании данных, собранных в местах, где годовой сток реки Дунцзян составляет около 3,2 млрд. м³, а среднегодовой объем водоснабжения провинции Гуандун – 2,921 млрд. м³. Планируемое качество воды в провинции оценивается как класс II, на 2005 год, по оценкам, ежегодное потребление воды в расчете на 10 000 юаней в районах верховий реки составляло около 650 м³, а в 2004 году в провинции Гуандун – 290 м³. Соотношение инвестиций в национальное экологическое строительство и охрану окружающей среды и местных инвестиций составляет около 7:3, следовательно, провинция Гуандун может позволить себе только 30% от общего объема природоохранных затрат в районах, расположенных вверх по течению. Согласно представленной выше модели распределения затрат и расчетам определенных параметров, мы установили, что ежегодная компенсация в районе истока реки Дунцзян в провинции Гуандун составляет 1,086 млрд. юаней, из которых ежегодно уезды Аньюань, Сюньу и Диннань должны осуществлять охрану окружающей среды и экологическое строительство на сумму 1,723 млн. юаней, 6,029 млн. юаней и 10,861 млн. юаней соответственно.

Реализация экологических принципов и путей компенсации

Экологическая компенсация не означает просто прямую компенсацию между

различными административными единицами районов, расположенными вверх или вниз по течению реки Дунцзян; она относится ко всем административно-территориальным единицам в пределах всего бассейна реки Дунцзян. Внутренняя административная единица самокомпенсации — это предпосылка, в то время как координация между различными административными единицами компенсации — это цель. Тем не менее эти два вида компенсации являются взаимодополняющими и незаменимыми. Район экологической компенсации реки Дунцзян должен быть единой административной единицей в пределах административной и координационной компенсации, поскольку различные внутренние административные единицы производят компенсацию за свой счет.

Наш подход основывается на том, что необходимо, во-первых, погасить старые долги, т.е. осуществить компенсационные меры относительно прошлых долгов за нарушение экологии и загрязнение окружающей среды. Во-вторых, не нужно создавать новых долгов. Экономическое развитие должно основываться на всестороннем учете требований соответствия деятельности по сохранению водной среды. Третий шаг заключается в ускорении экономического развития. В соответствии с текущим состоянием экологии предпосылкой является использование водоносного потенциала для обеспечения быстрых темпов развития. Четвертый шаг — сделать развитие гармоничным. Деятельность, направленная на поддержание региональных водных экосистем, должна быть скоординирована с региональным экономическим и социальным развитием. То есть цели следующие: (1) установить нормы качества расходуемой воды и административные единицы в пределах юрисдикции стандартов качества воды и (2) достичь скоординированных

действий между различными административными единицами компенсации. Координация действий в пределах водного бассейна между различными административными единицами и контроль различных административных единиц в плане компенсации или убытков — это обязанность властей.

Совершенствование центрального механизма финансовой компенсации

Механизм компенсации в районе реки Дунцзян должен контролироваться на правительственном уровне. Центральным правительством должен быть установлен механизм экологической компенсации для территории бассейна, расположенной на границе провинций. В провинциях Цзянси и Гуандун необходимо установить централизованную налогово-бюджетную политику для того, чтобы улучшить общую социально-экономическую ситуацию. В современной финансовой системе Китая важную роль для механизма экологической компенсации играют специальный фонд и система финансовых переводов. Местные власти в районе истоков реки Дунцзян могут предпринять усилия для создания фонда экологической компенсации, а центральное правительство может увеличить региональные трансфертные платежи для проекта экологической компенсации в районе реки Дунцзян. С целью осуществления активной фискальной политики необходимо создать в провинциях, которые следят за состоянием реки Дунцзян, механизмы для реализации региональных проектов по защите лесов, включая проекты создания лесозащитной полосы в районе реки Чжуцзян, по управлению ресурсами водосборного бассейна, развитию сельского хозяйства, борьбе с бедностью, использованию биогаза сельских территорий, а также основные национальные проекты экологического лесопользования и охраны

лесов и ряд инвестиционных проектов в данных областях. Экологическое строительство — это один из видов реализации проектов, которые значительно улучшат экологическую обстановку в районе реки Дунцзян. В дальнейшем экологическим проектам в этом районе по-прежнему будет необходима поддержка центрального правительства.

Совершенствование механизма финансовой компенсации в провинции

Проекты, осуществляемые в районах реки Дунцзян, подлежат экологической компенсации и налоговым льготам. Механизм компенсации на региональном уровне в основном находится в ведении правительства провинции Цзянси, что повышает размер трансфертных платежей для уездов, в которых осуществляется охрана окружающей среды, и увеличивает бюджет проекта и инвестиционных соглашений. Провинция Цзянси уделяет много внимания и средств конкретным проектам, таким как развитие возобновляемых источников энергии, проекты экопромышленных парков, проекты эффективного использования ресурсов, проекты в области лесного хозяйства и экологического строительства, проекты по сохранению почвы и воды, проекты экологичного сельского хозяйства и сельского строительства, восстановления экологии, проекты инвестиций в городскую экологическую инженерию в районе реки Дунцзян. Между тем, что касается налоговых аспектов, уезды, расположенные вблизи реки Дунцзян, несут меньшую налоговую нагрузку, особенно район истоков реки; в данных районах осуществляется процесс реструктуризации промышленных предприятий, развития экологичного сельского хозяйства, высокотехнологичных и ресурсосберегающих отраслей. Льготы по налогу на прибыль и плате за пользование земельными участками — это временные

меры, которые будут способствовать реструктуризации промышленности в районах истока реки Дунцзян.

Создание механизма экологической компенсации в административных районах

Установление механизма экологической компенсации для административных районов бассейна реки Дунцзян требует соблюдения законодательства в целях обеспечения надлежащего качества воды, разнообразия растительного и животного мира для получения взаимной выгоды. В частности, проводится оценка эрозии почв в наиболее уязвимых районах реки Дунцзян для реализации проекта по лесонасаждениям. В 2009 году в уезде Сюньу началась реализация проекта по лесонасаждению в рамках политики экономической компенсации, основанной на предоставлении субсидий по зерну на национальном уровне, рассчитанного на 16 лет. Данный опыт поможет местным властям определить преимущества и результаты экологической компенсации за ущерб, нанесенный плодово-ягодной промышленности в районах, расположенных вверх по течению реки Дунцзян. Кроме того, он определяет годовую нагрузку, включая затраты на экологическое строительство и охрану окружающей среды, которые должны нести районы, расположенные вниз по течению. По оценкам провинции Гуандун, соответствующие расходы в районе реки Дунцзян составляют 1,086 млрд. юаней, которые будут погашены в течение 8 лет. Из этих расходов на уезды Аньюянь, Сюньу и другие три уезда, расположенные в южной части района охраны окружающей среды и экологического строительства, приходится 21,72 млн. юаней, 76,03 млн. и 10,86 млн. юаней соответственно. Компенсация за землю, которая в настоящее время используется для выращивания зерна и которая затем будет использоваться в лесоразве-

дении, может быть выплачена в течение 16 лет, а компенсация за экологическое строительство и расходы на охрану окружающей среды в районах, расположенных выше по течению, может быть выплачена в течение 8 лет. Кроме того, необходимо ввести компенсацию за утраченную возможность развития промышленности в этом районе. Согласно полученным результатам, провинция Гуандун должна субсидировать ежегодную компенсацию для районов реки Дунцзян, в том числе уездов Аньюань, Сюньбу и других, вследствие потери возможности промышленного развития; размер компенсации должен составить 271,06 млн. юаней, 225,05 млн. и 35,23 млн. юаней соответственно. Эта часть компенсации может быть принята согласно нормам компенсации в виде реализации принятых проектов и развития территорий, расположенных вверх по

течению реки Дунцзян. Эти меры помогут вышестоящим регионам основать производства с низким уровнем загрязнения и значительной экономической отдачей, а новые промышленные проекты могут помочь экономическому развитию территорий, расположенных выше по течению реки Дунцзян, и постепенно отказаться от различных компенсационных программ. Меры, описанные в данной статье, помогут рационально использовать средства, технологии и управленческие преимущества в районе реки Дунцзян, где аренда земли относительно низкая и имеется достаточное количество трудовых ресурсов. Необходимо развивать плодородную промышленность, экологически безопасное сельское хозяйство и другие отрасли, что будет способствовать общему социально-экономическому развитию в данном районе.

Кун Фаньбинь – Академия общественных наук провинции Цзянси, Наньчан (Китай, kongfanbin@aliyun.com)

Ли Чжимэн – научный сотрудник, Академия общественных наук провинции Цзянси, Наньчан (Китай, lzm0730@126.com)

Kong Fanbin, Li Zhimeng

Ecological Compensation Mechanism in Water Conservation Area: A Case Study of Dongjiang River

Kong Fanbin – Jiangxi Academy of Social Science (649 North Hongdu Ave., Nanchang, Jiangxi, 330077, P.R. China, kongfanbin@aliyun.com)

Li Zhimeng – Research Associate, Jiangxi Academy of Social Science (649 North Hongdu Ave., Nanchang, Jiangxi, 330077, P.R. China, lzm0730@126.com)

Abstract. The appropriate economic compensation from downstream to upstream watershed is important to solve China's social and economic imbalances between regions and can potentially enhance water resources protection and ecological security. The study analyzes the implementation of ecological compensation policy and related legal basis under ecological compensation mechanism theory and practice patterns, based on current natural environment and socio-economic development of national origin in Dongjiang water conservation areas. Under the principle of "Users pay", the Dongjiang River is the subject of ecological compensation and recipient. By using the "cost-benefit analysis" and "cost method of industrial

development opportunity”, we estimate that the total ecological compensation amounted to 513.35 million yuan. When estimated by the indicators such as water quantity, water quality and water use efficiency, we establish the “environmental and ecological protection cost sharing model” and measure the total cost of protecting downstream watershed areas, the Guangdong Province, is about 108.61 million yuan. The implementation of the Dongjiang source region that follows the principles of ecological compensation and approaches are also designed.

Key words: ecological compensation mechanism, river source region, Dongjiang River.

References

1. Chen X. On the River Basin Development and Management of Regional Interests Coordination. *Economic Geography*, 2002, no.22 (5), pp 535-529.
2. Chen C., Hu Y. Watershed Area of International Ecological Compensation: Basis, Models and Mechanisms. *Academic research*, 2005, no. 9, pp. 71-74.
3. Zhou D., Dong W., Sun L. Basin Water Resources Management Study for Ecological Compensation. *Beijing Normal University (Social Science Edition)*, 2005, no.4, pp. 131-135.
4. Yang P. Chaobai River Basin Ecological Compensation Mechanism. *Chinese Academy of Sciences PhD thesis*, 2007.
5. Zhuang G Economic Theory of Externalities in Watershed Protection Application. *Environmental Economics*, 2004, no. 6, pp. 35-38.
6. Liu Y., Dong F., China Water Resources Management of the Outstanding Problems and Countermeasures. *Central South University for Nationalities (Humanities and Social Sciences)*, 2005, no. 25 (1), pp. 112-118.
7. Qin L., Red Songliao Basin Water Resources Compensation Research. *Natural Resources*, 2005, no. 20 (1), pp. 15-19.
8. Xiang F., Rong C., Tao R. Effectiveness of Water Conservation Forest and Its Measurement. *Guangdong Forestry Science and Technology*, 1999, no. 15 (1), pp. 38-41.
9. Tao L., Ding S., Wu R. Water Miyun Reservoir Water Conservation Forest Ecological Benefits Evaluation and Compensation. *Forestry Construction*, 2000, no. 6, pp. 19-22.
10. Gao Y. Yellow Kitashinchi River Pollution to the Establishment of Inter-Regional Economic Compensation Mechanism. *Environmental Economics*, 2003, no. 9, pp. 45-47.
11. Ge H. On Cross-Regional Water Transfer Environmental Compensation. *Environmental Economics*, 2002, no. 11, pp. 34-36.
12. Zhang C. Water Conservation Forests Benefit Evaluation and Compensation Mechanism. *Protection of Water Resources*, 2004, no. 20 (2), pp. 27-30.
13. Lin H., Ou S., Yuan L. Dongjiang Source Forest Water Conservation, Carbon Sequestration and Oxygen Value Estimation. *Jiangxi Science*, 2009, no. 27 (2), pp. 247-251.
14. Liu H. Yangtze and Yellow Rivers Ecosystem Service Valuation Study – Case Study of Jiangxi East River Source Region. *Lakes Science*, 2007, no. 19 (3), p. 351.
15. Hu X., Fang H., Liu R. Establish Dongjiang Source Mechanism of Ecological Compensation. *Environmental Protection*, 2008, no. 2, pp. 39-42.
16. Hu Z., Liu J. Dongjiang River Ecological Compensation Mechanism. *Jiangxi Normal University (Natural Science Edition)*, 2007, no. 31 (2), pp. 206-209.
17. Hu X., Xiong X. Dongjiang Source County – Xunwu County Ecological Protection of Water Environment. *Economic Geography*, 2004, no. 5, pp. 598-591.
18. *National Development and Reform Commission, the East River Source Region of Jiangxi Ecological Compensation System Issues Related to the Implementation of the Report*. 2005.
19. Kong FB. Dongjiang River Source Protection and Ecological Compensation Mechanism. *Jiangxi Major Tender Soft Science Research Report*, 2008.
20. Zhang W., Wang J. Chinese Ecological Compensation Policy Framework for Assessment and Exploration. *Environmental Sciences*, 2005, no. 18 (2), pp. 1-8.
21. Liu Y., Xu F., Zhang C. Ecological Compensation Standard Calculation Model. *Chinese Water Conservancy*, 2006, no. 22, pp. 35-38.

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.14

УДК 378.11, ББК 74.58

© Пагано Р., Шиеди А.

Парадигма педагогической герменевтики в подготовке управляющих учебными заведениями

Риккардо Пагано

профессор

Университет Альдо Моро в Бари

74123, Италия, г. Таранто, Via Principe Amedeo, 55, riccardo.pagano@uniba.it

Адриана Шиеди

кандидат наук в области планирования образовательных процессов

Университет Альдо Моро в Бари

74123, Италия, г. Таранто, Via Pitagora, 102, Adriana.schiedi@uniba.it

Аннотация. Идея непрерывного образования как предпосылки гражданско-политического, экономического и социального развития современного общества знаний является теперь фактом. Тем не менее сегодня сохраняются жалобы о том, что образовательному процессу недостаёт способности интерпретировать изменения, разрабатывать учебные программы, которые могут повлиять на формирование гражданской позиции, устойчивое развитие и благосостояние территории. Необходимо организовать обучение управленцев на основе герменевтической парадигмы для оптимизации управления государственными и частными учебными заведениями в плане развития человеческого капитала. Такое обучение будет способствовать созданию лабораторий, имеющих социальную направленность, в государственных и частных образовательных учреждениях, повысит осведомленность населения о возможностях кооперативного обучения, активизирует некоторые практики ответственного гражданского сознания и будет способствовать расширению понимания гражданственности, принятого в европейском сознании. В рамках гносеологического подхода наше исследование направлено на анализ наиболее распространенных моделей обучения управленческих кадров в ряде государственных и частных организаций

города Таранто, переживающего период глубокого экономического кризиса с тревожными социальными последствиями. На следующем этапе исследования мы попытаемся сформулировать парадигму педагогической герменевтики относительно управленческих кадров, которая будет интерпретировать и пропагандировать изменения.

Ключевые слова: непрерывное образование; парадигма педагогической герменевтики; подготовка управленческих кадров; содействие формированию активной гражданской позиции.

Руководство учебных заведений, не только школ, требует, без сомнения, высокого уровня профессионализма и навыков. Последние, поскольку они касаются образовательных учреждений, очевидно, должны быть обреты в теории и педагогические парадигмы и сходятся к практике исключительно образовательного характера. Таким образом, руководство образовательных учреждений не может носить универсального характера с бюрократическо-административными компетенциями, но оно должно иметь образовательный характер и цели как в процессах, так и в продуктах. Управление учебными заведениями осложнено тем, что они должны соответствовать, с одной стороны, целям территории и местного самоуправления, а с другой стороны, государственным образовательным целям. Это означает, что управляющий должен уметь находить правильный баланс между гражданским обществом и национальными институтами. Соответственно, управляющий должен уметь взаимодействовать с участниками учебного процесса, вовлекать их в процесс и распределять ответственность за средства удовлетворения образовательных потребностей институциональных и социальных субъектов. Границы влияния управленца отражены в теоретических работах по менеджменту¹

¹ Taylor F.W. *The Principles of Scientific Management*. — Milano: Edizioni di Comunità, 1952.

и лидерству², по-разному рассматривающих роль управляющего. Мы в своей работе рассматриваем герменевтический подход.

Нами проводится опрос среди руководителей учебных заведений с целью анализа полномочий управленца, его сильных и слабых сторон, основанный на герменевтическом подходе. Данное исследование будет изложено далее; по сути, оно является гипотезой, так как находится еще в начальной точке.

1. Герменевтическое управление.

Для построения герменевтических парадигм в управленческой подготовке необходимо прежде всего вспомнить, что известно в научной литературе, то есть, что управление и лидерство не синонимичны. Эти два термина имеют разную этимологию и указывают на различные цели и процедуры в обучении³: посредством управления совершается простая управленческая деятельность, в то время как посредством лидерства вы управляете и направляете.

² Слово «управление» происходит от латинского *manu agent* (вести за руку, первоначально животных, а затем людей); слово «лидерство» (*leadership*) формирует английское слово «to lead» (руководить, управлять). Первое касается исключительно управления, второе — влияния на других.

³ Nico P. *Manager migliori, leader fortunati*. — Milano: FrancoAngeli, 2010; Carnegie D. *Scopri il leader che in te*. — Milano: Bompiani, 1996; Piccardo C. *Insegnare e apprendere la leadership*. — Milano: Guerini e Associati, 1998; Guidarelli L. *Come essere un leader in ogni situazione*, DVE ITALY SPA. — Milano, 2004; Brusaglioni M. *Leadership. Nuove prospettive e nuovi percorsi di sviluppo*. — Milano: FrancoAngeli, 2004.

Может ли управление основываться на лидерстве? Нелегко ответить на этот вопрос по нескольким причинам, на которых мы не можем остановиться из-за объема статьи. Отметим, что в научной литературе не только просто затрагивается данная проблема, но и отмечается чрезмерное управление и недостаточное лидерство⁴.

Возвращаясь к вопросу о герменевтическом подходе, можно рассматривать лидерство в менеджменте. Затем акцент смещается на действие, лицо, осуществившее действие руководства или лидерства, и его черты. Именно в лице управленца/лидера должно быть создано герменевтическое отношение его способа бытия и самопонимания. Таким образом, в рамках герменевтического подхода определяются те черты, которые отличают его от основных общепринятых типологий лидеров. Герменевтический подход не является новым, но если рассматривать дополнительные методические истины⁵, выделяемые Г.Г. Гадамером, можно перейти к инновационному способу управления, стремящемуся к лидерству. По мнению немецкого философа, это способ поиска знаний (и в конечном счете — истины) не с помощью научного метода, не посредством методов гуманитарных наук (или *Geisteswissenschaften*). Опираясь на научный подход, учёный использует отражение опыта и видит сильную сторону в эстетике. Не стоит думать, что эстетика Гадамера — это дорога, которая ведет в мир внешнего вида и формы, заменяя реальный мир, т.е. суть. Наоборот, она должна максимально помочь управляющему понять то, что реальный мир может быть взят, схвачен, а также то, что контекст, в котором люди действуют через созревание

эстетического сознания, не имеет ничего общего с романтической идеей гения, который чувствовал и учредил царство красоты и искусства. Понятие «эстетическое сознание» применимо не только в отношении художественного мира. Эстетическое сознание имеет, на наш взгляд, более широкие горизонты: это развитие рефлексивной компетенции у субъекта в рамках понятия красоты, такой, как поиск смысла, формы, гармонии, баланса⁶. Герменевтический подход управляющего, по нашему мнению, — это умение интерпретировать эмпирическое эго как гармоничный синтез субъекта и объекта в поисках красоты. Платон и Августин понимали красоту как «*kalokagathia*» и «*aequalitas, similitudo; congruentia, convenientia, concord, pax, ordo; totum, omnia simul, unitas; distinctio, varietas, gradatio; mensura that is large, numerositas*»⁷. Данные определения дают возможность по-новому взглянуть на герменевтический подход к лидеру как толерантному, уважительному, уравновешенному, идущему на диалог управленцу. Это герменевтический подход, который вне контекста, вне *hinc et nunc*.

Как мы знаем, нынешнее посткапиталистическое общество снижает автономность индивидов, вторгаясь в их частную жизнь и вводя их в заблуждение относительно их свободы. Именно из-за осознания ложной свободы герменевтический подход, характеризующийся способностью интерпретировать поведение людей, важен при рассмотрении сознательного акта, неподвластного структурированной рациональности Нового Просвещения, Неопозитивизма или Новой критики, а основанного на эстетике. Происходит сознательный

⁴ Quaglino G. Leadership. Nuovi profili di leader per nuovi scenari organizzativi. — Milano: Raffaello Cortina, 2005. — P. 17.

⁵ Gadamer H.G. Truth and Method. Edited by G. Vattimo. — Milano: Bompiani, 1983. — P. 25-211.

⁶ Tizzi E. La Bellezza e la scienza. Il valore dell'estetica nella conoscenza scientifica. — Milano: Cortina, 2001.

⁷ Tscholl J. Dio e il bello in sant'Agostino. — Milano: Ares, 1996. — P. 40.

выбор образа жизни, направленный на понимание и открытость к необычному, несказанному, неизведанному, нераскрытому. Появляется новый герменевтический подход, отличный от традиционных поведенческих парадигм, направленных в сторону надменного выражения и гуморальных проявлений, которые слишком вредны для образовательной организации. Это поиск человечности, смирения, видимого в невидимом. Таким образом, герменевтический подход включает в себя поведенческие черты, заслуживающие нашего внимания и направленные на отслеживание практического опыта историзированной субъективности, способности к толерантности, воли к диалогу и усилий к организации комфортного рабочего места. Толерантность, диалог и благополучие не являются, однако, абсолютной истиной, а рассматриваются как «*philocalies*»⁸, в качестве линзы, через которую оценивается лидерство по отношению к собственной личности и окружающим.

1.1. Управление и толерантность.

К. Магриз в своих работах⁹ останавливается на двух принципах, которые, по его мнению, спасут человечество от пошлости и иррационализма: терпимости и секуляризма. По нашему мнению, герменевтический подход рассматривает терпимость как одно из решений, т.к. она не слишком склонна ни к сильной идеологии, ни слабым точкам зрения, но, тем не менее, открыта к тому, что считается временным, способна видеть настоящее сквозь призму истории и понимать факты и события за

пределами простой действительности. Мы признаем, что сегодня, когда мы говорим об экстремальном принятии решений, возникает вопрос о толерантности по отношению к управляющим и лидерам, что может показаться поспешным, рискованным, тревожным. В связи с тем что герменевтику рассматривают с разных сторон, мы можем обратиться к ней в плане новаторского и проактивного лидерства.

Будучи рациональным ответом на конфликт между укладами жизни разных культур, цивилизаций, религий, терпимость, по крайней мере, в теории, глубоко укоренилась на Западе. Сегодня у всех на виду столкновение между Исламом и Западом, которое выражается не только в глубоких аспектах духовной жизни, но и в самых простых действиях, таких как, например, паранджа у женщин, привычки, питание и т.д. В прошлом альтернативой толерантности была война с попыткой уничтожить других. Сейчас общество более зрелое, и оно отказывается, в принципе, от войны как средства разрешения конфликтов и даже предлагаются некоторые «модус вивенди», направленные на уважение мультикультурализма. Управленческая культура в сфере образования открыта для этих новых сценариев и выходит за рамки выдвижения гипотез лидерства, разрабатывая теоретически и методологически проработанные модели межкультурного сосуществования.

В середине Просвещения «Энциклопедия» говорила о том, что «человек, несмотря на свой великий ум, ограничен своими ошибками и страстями, ему не хватает терпимости и снисходительности по отношению к другим, в которых он так нуждается, по отношению к себе, и без которых не было бы ничего на земле, кроме как проблем и разногласий». Даже в католической сфере терпимость имеет своих сторонников. Ж. Гитон, католиче-

⁸ «*Philocalies*» — толкования библейских текстов Отцов Церкви и монахов-отшельников, собранные в антологии монахами Афоном, Никодимом Святогорцем и Макарием Коринфским во второй половине XVIII века. (Источник: Cremaschi L. *Philokalia, the love of beauty* Qiqajon. — Magnano (Biella): Community of Bose, 2006.)

⁹ Magris C. *La storia non è finita. Etica, politica, laicità.* — Milano: Garzanti, 2006.

ский философ, определяет толерантность как «полудобродетель», на полпути между справедливостью и любовью. Но Ж. Гитон подчеркивает, что терпимость «неидеальна, т.к. это не любовь», но является первым, необходимым, по нашему мнению, шагом. Именно с этой двойной светской и католической точки зрения мы предлагаем рассматривать толерантность как габитус в поведении управленца/лидера.

В современном обществе, в котором, согласно Вольтеру, «мы все смешались со своими слабостями и ошибками», мы должны научиться мириться друг с другом. На этом основывается воспитание в духе терпимости и учебный курс, который не рассматривает терпимость как идеал, но признает ее важность. Необходимо различать разные уровни терпимости. Согласно Ж. Гитону, их, по крайней мере, три:

1) «по отношению к жизненным вещам, входящим в одну группу. Терпимое отношение к чужим небольшим недостаткам, характеру, отличным способам деятельности»;

2) по отношению к иностранцам (т.е. не рассматривать их как потенциальную угрозу);

3) по отношению к убеждениям (терпимо относиться к культурным, этическим, политическим и религиозным различиям)».

Как мы видим, Гитон привлек внимание к вопросу о толерантности. С герменевтической точки зрения приобрести способность быть толерантным — это значит стремиться понять друг друга, уважать чужие способы бытия, убеждения, верования и так далее. Мы считаем, что другой человек должен рассматриваться не как угроза, а скорее как ресурс. Однако он в первую очередь — это живое существо, и поэтому его необходимо уважать, по крайней мере, относиться к нему терпимо. Необходимо

обучить управляющих преодолевать эгоизм, который имеет свои истоки, на наш взгляд, в убеждении, что «я такой, какой я есть, а другие люди — другие»¹⁰.

Опасность толерантности — это, без сомнения, результат равнодушия; равнодушный не имеет никаких перспектив, никаких надежд, это человек, который позволяет себе жить. Для равнодушного как будто не существует других людей, он даже не говорит о них. Толерантность, если рассматривается в правильном направлении, с оттенком необходимого реализма, — так называемая стадия ожидания, предопределяющая последующие действия. Можно сказать, что толерантность динамична, имеет тенденцию к другим, более высоким целям — придать смысл нашим действиям. Опасно останавливаться на статической толерантности, поскольку это может привести к скептическому, если не циничному, отношению.

1.2. Лидерство и диалог.

При обучении управляющих в образовательном учреждении решающую роль играет готовность к диалогу на основе *virtus, libertas, gravitas, beneficentia, misericordia, benevolentia, aequitas, urbanitas, honestas, iustitia, pietas, honos, fortitudo, ambitio, religio, fides, salus, felicitas*¹¹. Последние не следует рассматривать как неотъемлемые или даже врожденные, но они важны для наших целей, так как приобретаются реальные навыки. Управляющий должен стремиться к диалогу. Это стремление нужно рассматривать как цель, а не как средство, как утверждает функциональная теория коммуникации. Если рассматривать диалог только как средство, приводя разработанные методики, можно

¹⁰ Guitton J. *The Book of Wisdom and Virtues Refound* // Casale Monferrato (AL). — Piemme, 1999.

¹¹ Sola G. *Genealogia dell'humanitas* // *Pedagogia e vita*. — 2006. — № 2. — P. 110-129.

потерять из виду цель, которая заключается в достижении соглашения, принимаемого всеми участниками диалога в качестве высшей цели.

На тренировочном уровне важно подчеркнуть, что диалогичность должна стать габитусом субъекта; он должен стать его сторонником. Марк Аврелий в работе «К самому себе»¹² учит нас, что только в ежедневной работе над собой, в диалоге с самим собой можно научиться быть мудрым, рассуждать о своей жизни и повседневном существовании. Уроки Марка Аврелия остаются в силе, и его воспоминания о себе («необходимо иметь в виду...»; «копаться в своей личной жизни...»; «наблюдать за тем, как...» и т.д.) подтверждают, что диалог должен стать для субъекта внутренним этическим/образовательным стимулом, созревшим в его сознании, усвоенным и воспринятым как его собственный, в отличие от кантовского категорического императива, основанного на понятии «ты должен». Диалог, согласно Шлейермахеру и Шлегелю, — это понимание и постижение и, к тому же, согласно Гадамеру, интерпретация. Хороший руководитель умеет вести диалог, что, как говорит Гадамер, «значит не только слушать другого, но и прислушиваться к нему»¹³. Типичный характер диалога проявляется в том, чтобы выслушать собеседника; действие при этом должно быть взаимным. Как мы видим, диалог — это не способ примирения, а инвестиция. Только в реальной практике диалога вы можете действительно понять человека, так как в этот момент вы действительно принадлежите ему. Во время диалога вы находитесь в конкретной герменевтической ситуации. Понять человека можно лишь в

том случае, если вы внимательно его слушаете. «Герменевтическое понимание не ограничивается обращением внимания к собеседнику, — это открытие и открытость к возможностям, это создание некоторого видения мира <...>, которые служат для регулирования нашего поведения в окружающем нас мире»¹⁴. Прислушиваясь к другому, человек выходит за рамки своей познавательной и интерпретационной ограниченности. Вопрос имеет первостепенное значение. Собеседник задает вопрос и ждет ответа. Диалектика вопроса и ответа определяет понимание, которое в то же время осуществляется посредством языка. Интерпретация, понимание, говорение являются, в конце концов, одним и тем же; одно невозможно без другого, и наоборот. В диалоге слова «что, какой» — это слова, которые заслуживают внимания, требуют человечности, совершенствования человека. Понимание других — это не признак неудачи или слабости, а проявление силы, так как для этого требуются умения понимать ценность чужих мнений и, следовательно, готовность поставить свои суждения под вопрос. Через диалог, с герменевтической точки зрения, вы должны воспитать готовность учиться у других, отказаться от индивидуального взгляда на вещи. В этой связи Гадамер утверждает: «В диалоге с другими возражение или согласие индивида, его правильное или неправильное понимание собеседника означает расширение его уникальности и приводит к обмену знаниями»¹⁵. Герменевтический диалог в конечном счёте — это склонность человека к рациональной intersубъективности. Диалог часто может повернуться неожиданным образом, и тогда становится

¹² Marcus Aurelius Antoninus. *Conversations to himself* / Translated by Henry Turolla. — Milano, 2003.

¹³ Dutt C. *Talking to Gadamer*. — Milano: Cortina, 1965. — P. 12.

¹⁴ Ferraris M. *Ermeneutica*. — Roma: Laterza, 1998. — P. 26.

¹⁵ Dutt C. *Talking to Gadamer*. — Milano: Cortina, 1965. — P. 44-45.

невозможным определить ни итог, ни время его окончания, так как присущая ему недосказанность заставляет снова и снова возвращаться в игру.

2. Принятие решений по развитию ценности человека.

Герменевтическая модель *управления* признает центральность лидера. В образовательном учреждении он главный человек, ответственный, толерантный и готовый к диалогу. Это действие, приближающееся к измерению, конструктивному, интеракционистскому и выраженному в значении, в любом случае, не может быть отделено от других условий, которые являются основой концепции *лидера и управляющего*. Разработка и оценка политики, несомненно, крайне важны для организации. Концепция *подотчетности* и экономической оценки направлена, в первую очередь, на индивида, построение его эго в процессе трудовой деятельности, рост и совершенствование его профессиональных компетенций. Оценочно-герменевтическая компетентность подразумевает, что управляющий образовательным учреждением всегда критически оценивает, что принесет пользу организации в соответствии с его точкой зрения и системой ценностей¹⁶. Однако субъективные условия, которым управляющий подвержен, не отрицают интерсубъективности. Действие оценки на всех уровнях подразумевает процесс принятия решения¹⁷, который не может происходить в социальном и ценностном вакууме. Наоборот, он всегда включает реляционный подход, в котором ценности

являются предпосылкой. Таким образом, если управляющий принимает решения на основе своего субъективного мнения, то это вовсе не означает, что они вырваны из реальности, контекста и не учитывают опыт участников системы (учителей, воспитателей, студентов, семей, местных властей и др.), отражают одну точку зрения. «Бытие» субъекта, в нашем случае лидера, становится значимым, если, согласно Хайдеггеру¹⁸, индивид способен воспринимать себя как экзистенциальная часть мира, часть той реальности, в которой он выполняет деятельность, или как часть организации, которую он представляет. В результате его личность формируется не на индивидуальном уровне, а во время взаимоотношений с другими людьми в процессе жизнедеятельности. Следовательно, существует возможность обучить *управляющего* основам интерсубъективности и ведения диалога для повышения его компетентности в принятии решений¹⁹. В философии М. Бубера опыт признавания – это отражение личности человека; он представляет собой герменевтическую интерпретацию персонального и межличностного понимания²⁰.

Диалог как категория оценочного опыта является положительным знаком причастности к сообществу. Он позволяет примирить различные точки зрения, предотвратить столкновения, внутренние конфликты и соперничество, прийти к общему знаменателю и, как сказал бы Гадамер, к «слиянию горизонтов» на рабочем месте. Термин «слияние горизонтов» означает не сумму истины управляющего и реальности/

¹⁶ Palumbo M. Il processo di valutazione. Decidere, programmare, valutare. – Milano: FrancoAngeli, 2002; Bisio C. Valutare in formazione, azioni, significati e valori. – Milano: FrancoAngeli, 2002.

¹⁷ Palumbo M. Il processo di valutazione. Decidere, programmare, valutare. – Milano: FrancoAngeli, 2002. – P. 143.

¹⁸ Heidegger M. Essere e tempo. – Torino: Utet, 1927. – P. 123.

¹⁹ Buber M. Il principio dialogico. – Milano: Ed. di Comunità, 1959.

²⁰ Fabbri I., Rossi B. Pratiche lavorative. Studi pedagogici per la formazione. – Milano: Guerini, 2010. – P. 100.

опыта/ситуации, а появление нового уровня истины, отличного от индивидуальной истины²¹. *Управляющий* должен стремиться именно к этой перспективе, принимая решения, привлекательные и полезные не только для него, но и организации. В связи с этим ему нужно включиться в сообщество других членов организации, проявлять уважение, стремиться к общим целям и способствовать продвижению и развитию своих коллег. Управляющий должен отказаться от индивидуалистического и авторитарного стиля поведения в пользу демократического. Сотрудники организации должны делиться идеями, принимать участие в принятии решений²². Управляющий несет ответственность перед сообществом, в котором он живет и выполняет свою профессиональную роль. Однако, если он не научится в первую очередь видеть себя частью мира, к которому он принадлежит, он не сможет принимать целесообразные и качественные решения. Он будет уклоняться от выполнения не только своих обязанностей, но и обязанностей по отношению к окружающим людям.

В свете вышеизложенного герменевтико-оценочная компетенция у управляющего образовательным учреждением подразумевает отказ от эгоистического подхода в пользу нового коллективного способа управления организацией. Управляющий должен осознавать свою историчность, а также ценность чужих точек зрения, чтобы принимать истинно правильные решения во благо организации. Процесс оценки, особенно самооценки, приобретает герменевтический смысл, когда он вырастает из знаний об объекте оценки, его характеристики заинтересованными сторонами.

²¹ Pagano R. La pedagogia generale. Aspetti, temi, questioni. — Milano: Monduzzi editoriale, 2011. — P. 106.

²² Rossi P., Freeman H.E. Evaluation. A Systematic Approach. — Thousand Oaks, Ca: Sage, 1999. — P. 192.

В научной литературе модель, которая наилучшим образом представляет этот вид оценки, предложена Р. Стейк. Она ориентирована не только на продукт, то есть образовательные программы, выравненные согласно заранее определённым стандартам, но и на возникающие проблемы, то есть вопросы, поднятые различными заинтересованными сторонами, участвующими в процессах внутри организации. Стэйк заявляет, что в оценочной практике необходимо выработать единое решение, представляющее точки зрения всех заинтересованных лиц. Для получения подходящих оценок развития института необходимо выработать суждение о принятии решений, которые имеют последствия для самой организации и которые способны поднять ее ценность и улучшить ее деятельность. Для того чтобы стать движущей силой для улучшения, изменения и развития образовательного учреждения, оценка должна осуществляться заинтересованными сторонами на нескольких уровнях. Различные формы оценки будут подтверждаться *отчетами* (отчетность, измерения), *сравнительным анализом* и *аудитом* (сертификация, мониторинг). Следовательно, важно совместить итоговую оценку, ориентированную на *управленческий контроль, соблюдение требований и подотчетность*, с промежуточным контролем, нацеленным на *обучение, управление знаниями, разработку политики и программ и контроль производительности*.

На уровне *подотчетности* образовательных учреждений существует необходимость управлять знаниями, навыками, опытом, информацией, полученной сотрудниками организации, делиться ими, сделав их доступными для других организаций, и превращать их в продукты или услуги для того, чтобы поддерживать конкурентное преимущество. В этой связи мы говорим об

управлении знаниями как об управленческом подходе, направленном на поощрение развития индивидуального мастерства людей, работающих в организации²³. Инициативы, касающиеся *управления знаниями*, направлены на развитие практических сообществ, кооперирующихся между собой. Участники практических сообществ делятся своими знаниями и опытом о предмете, дисциплине или проекте по собственному интересу, но все-таки для поддержки организации, в которую они входят.

Во всех рабочих коллективах некоторые сотрудники стремятся получить внимание и похвалу *управляющего*, что приводит к отчуждению между коллегами. Сегодня одним из вызовов для управляющего образовательным учреждением выступает преодоление явления, описанного в литературе как «рак» организаций западной образовательной системы: недовольство по отношению к организации и трудность идентифицировать себя как её часть и принадлежать системе. Это явление выделяется на нескольких уровнях: учителя/воспитатели по отношению к студентам/ученикам, студенты/ученики по отношению к их школе/учебному заведению, директор школы, начальник управления образования/службы профподготовки по отношению к своему состоянию как управляющего, его задачам и обязанностям, касающимся его подчиненных и благополучия организации. Все они затронуты этим злом определенным образом: показывают свою безответственность, отсутствие интереса и мотивации к своей работе, т.к. не осознают, какое имеют значение в рамках системы, к которой они принадлежат.

²³ Bobbio A., Scurati C. *Ricerca pedagogica e innovazione educativa. Strutture, linguaggi, esperienze.* — Roma: Armando, 2008. — P. 91.

Среди наиболее эффективных герменевтических стратегий, направленных на борьбу с этим риском, можно выделить *контроль производительности*. Он направлен на оценку эффективности деятельности сотрудников организации в плане улучшения ее работы. Другими словами, позволяет оценить тот вклад, который человеческий ресурс способен внести, основываясь на навыках и выполняемой роли. Чтобы оценить работу своих сотрудников, руководитель не только соотносит степень достижения целей с ожидаемым результатом, но и способствует развитию навыков и знаний. Следовательно, необходимо выработать у управляющего герменевтическую компетентность в принятии решений, чтобы он проводил оценку на основе человеческого и социального фактора, а не экономического. Такое обучение основывается на измерениях, относящихся к «онтологии человека»²⁴, а именно готовности к диалогу, intersубъективности, ответственности, заботе о сотрудниках/их продвижении. Управляющий должен обладать этими качествами, если он хочет, чтобы его роль не сводилась лишь к бюрократической деятельности. Ценна возможность внести свой вклад в формирование человеческого капитала, стратегическое и устойчивое развитие своей организации, преодоление антропологического и культурного кризиса, который затрагивает несколько уровней нашего общества.

2.1. Герменевтический метод контроля производительности (ГМКП проект).

В рамках гносеологического подхода ГМКП проект был рассчитан примерно на год. Научное руководство, проработка этапов и обработка данных осуществлялись автором, также принимали участие сотрудники университета Альдо Моро. Че-

²⁴ Pagano R. *La pedagogia generale. Aspetti, temi, questioni.* — Milano: Monduzzi editoriale, 2011. — P. 109.

тырехэтапное исследование, основанное на концепции педагогической герменевтики, нацелено на анализ моделей управления, распространенных в образовательных учреждениях города Таранто и его окрестностей, распространение информации о герменевтическом методе контроля производительности и обучение персонала. На последних двух этапах в каждой организации, принимающей участие в исследовании, создаются модель управления, основанная на приоритетах, определенных в каждой школе, и общая стратегическая миссия, способствующая формированию активной гражданской позиции.

На данном этапе невозможно представить конкретные результаты, так как всё ещё находится в стадии исследования. В частности, после рассылки приглашений к участию школ, профессионально-технических и учебно-социальных школ региона и сбора заявок мы составили список участников: 10 образовательных институтов, 5 социальных и образовательных служб, 5 профессионально-технических учебных заведений. Частично структурированная анкета, состоящая из 21 пункта, была отправлена в адрес 10 директоров школ и 10 руководителей образовательных и тренинговых служб с целью выявления модели управления, принятой в их организации. Даже частичный анализ анкет выявил некоторые интересные закономерности: в последнее десятилетие в школах, имеющих автономию по закону № 59 от 1997 г., управление сосредоточено в лице директора школы, преследующего экономические, а не социальные цели. Часто управляющие не заинтересованы в развитии человеческого капитала. Однако связь между экономическими интересами и педагогическими целями приводит к более сбалансированному управлению образовательным учреждением. В таком учреждении обучение и

продвижение сотрудников организации являются приоритетными направлениями работы, отвечающими требованиям политики, культуры и общества.

Анализ отдельных ответов управляющих (директоров, руководителей) на вопросы, связанные с определением стратегических задач организации, указывает на стабилизацию некоторых целей, таких как: компьютерная грамотность преподавателей и студентов; прием и интеграция студентов-инвалидов и иностранцев; право/обязанность на образование; диверсификация и внедрение обучающих продуктов, рекомендации, оценки, интернационализация дисциплин; укрепление связей между школой и территорией, школой и местными властями; равные возможности и т.д. Тема пропаганды гражданской позиции не распространена на территории. Данные будут сверяться с отчетами заинтересованных лиц организации (педагоги, учащиеся, семьи). Только тогда мы сможем получить более четкую и менее субъективную картину наиболее популярных моделей и управленческих стратегий, принятых сегодня в учебных и тренинговых службах. Обсуждения в фокус-группах разных парадигм управления позволят достичь следующего: решения рабочих вопросов вследствие принятия стратегий, направленных на обеспечение благополучия учреждения; на увеличение его производительности и, что важно, поддержание гражданской позиции, уважения к Конституции и политическим действиям на территории.

В целях создания тесного взаимодействия вокруг этой миссии после периода обучения руководителей и сотрудников в школах/институтах, участвующих в проекте, мы планируем составить когнитивную карту стратегических целей, направленных на достижение вышеупомянутой миссии в каждой организации. Когнитивная карта

будет состоять из стратегического плана политики, действий и конкретных мер. Каждый процесс потребует определенного времени, бюджета, определенных ресурсов и постоянного мониторинга эффективности. Мы надеемся, что опыт, приобретаемый организацией, и данная модель могут быть апробированы на окончательном этапе не только для продвижения управленческой подготовки школьных и социально-педагогических служб, но и для развития критического и деятельностного подхода, основанного на герменевтической философии управления. Такое управление никогда не бывает предсказуемым или статичным, оно всегда открыто для новых идей, инноваций, динамизма истории, че-

ловека, отношений, так как каждая из этих переменных имеет важнейшее значение для построения общей системы лидерства и управления человеческим капиталом. Сегодня данное исследование находит свое обоснование и подтверждение в плане реформы «Хорошая школа», предложенной итальянским правительством. В центре образовательного процесса – ученик. С этой точки зрения миссией руководителей образовательных учреждений, а также социально-образовательных и профессиональных служб будет развитие моделей интерпретации лидерства, основанного на общем планировании, стремлении отвечать вызовам территории и формированию активной гражданской позиции.

Источники

1. Bisio C. *Valutare in formazione, azioni, significati e valori*. – Milano: FrancoAngeli, 2002.
2. Bobbio A., Scurati C. *Ricerca pedagogica e innovazione educativa. Strutture, linguaggi, esperienze*. – Roma: Armando, 2008.
3. Bonazzi G. *Storia del pensiero organizzativo*. – Milano: FrancoAngeli, 2003.
4. Brusciaglioni M. *Leadership. Nuove prospettive e nuovi percorsi di sviluppo*. – Milano: FrancoAngeli, 2004.
5. Buber M. *Il principio dialogico*. – Milano: Ed. di Comunità, 1959.
6. Carnegie D. *Scopri il leader che è in te*. – Milano: Bompiani, 1996.
7. Cremaschi L. *Philokalia, the love of beauty Qiqajon*. – Magnano (Biella): Community of Bose, 2006.
8. Crozier M. *The Bureaucratic Phenomenon. Translated into Italian*. – Milano: Etas Kompas, 1969.
9. Drucker P.F. *The Power of Managers*. – Milano: Etas, 1967.
10. Dutt C. *Talking to Gadamer*. – Milano: Cortina, 1965.
11. Fabbri I., Rossi B. *Pratiche lavorative. Studi pedagogici per la formazione*. – Milano: Guerini, 2010.
12. Ferraris M. *Ermeneutica*. – Roma: Laterza, 1998.
13. Gadamer H.G. *Truth and Method*. Edited by G. Vattimo. – Milano: Bompiani, 1983.
14. Gross E. *Enterprise Organization*. – Milano: Giuffrè, 1979.
15. Guitton J. *The Book of Wisdom and Virtues Refound*. – Casale Monferrato (AL): Piemme, 1999.
16. Heidegger M. *Essere e tempo*. – Torino: Utet, 1927.
17. Kaplan R.S., Norton D.P. *The Balanced Scorecard: Measures that Drive Performance*. – Harvard Business Review. – 1992. – № 70 (1). – P. 71-79.
18. Magris C. *La storia non è finita. Etica, politica, laicità*. – Milano: Garzanti, 2006.
19. Malavasi P. *Pedagogia e formazione delle risorse umane*. – Milano: Vita e Pensiero, 2007.
20. Marcus Aurelius Antoninus. *Conversations to himself*. Translated by Henry Turolla. – Milano, 2003.
21. Maslow A. *Management*. – Roma: Armando, 2004.
22. Nico P. *Manager migliori, leader fortunati*. – Milano: FrancoAngeli, 2010.

23. Nicoli D. Il lavoratore coinvolto. Professionalità e formazione nella società della conoscenza. – Milano: Vita e Pensiero, 2009.
24. Pagano R. La pedagogia generale. Aspetti, temi, questioni. – Milano: Monduzzi editoriale, 2011.
25. Palumbo M. Il processo di valutazione. Decidere, programmare, valutare. – Milano: FrancoAngeli, 2002.
26. Piccardo C. Insegnare e apprendere la leadership. – Milano: Guerini e Associati, 1998.
27. Quaglino G. Leadership. Nuovi profili di leader per nuovi scenari organizzativi. – Milano: Raffaello Cortina, 2005.
28. Quaglino G. Leadership. Nuovi profili di leader per nuovi scenari organizzativi. – Milano: Raffaello Cortina, 2005.
29. Rossi P., Freeman H.E. Evaluation. A Systematic Approach. – Thousand Oaks, Ca: Sage, 1999.
30. Sola G. Genealogia dell'humanitas. Pedagogia e vita. – 2006. – № 2. – P. 110-129.
31. Taylor F.W. The Principles of Scientific Management. – Milano: edizioni di Comunità, 1952.
32. Tizzi E. La Bellezza e la scienza. Il valore dell'estetica nella conoscenza scientifica. – Milano: Cortina, 2001.
33. Tscholl J. Dio e il bello in sant'Agostino. – Milano: Ares, 1996.
34. Voltaire. Treatise on Tolerance. Edited by P. Togliatti, third edition. – Rome: Editori Riuniti, 1973.
35. Weber M. Economy and Society. – Milano: Edizioni di Comunità, 1968.
36. White F. Introduction to hermeneutics. Rome. – Bari: Laterza, 1998.
37. Wright C.R. Mass communication. – Rome: Armando, 1965.

Риккардо Пагано – профессор кафедры педагогики и философии образования университета Альдо Моро в Бари (74123, Италия, г. Таранто, Via Principe Amedeo, 55, riccardo.pagano@uniba.it)

Адриана Шиеди – кандидат наук в области планирования образовательных процессов университета Альдо Моро в Бари (74123, Италия, г. Таранто, Via Pitagora, 102, Adriana.schiedi@uniba.it)

Pagano R., Schiedi A.

The Hermeneutic-Educational Paradigm for a Training Management in a Civic and Social Sense

Riccardo Pagano – Full Professor of Education and Philosophy of Education at the University of Bari Aldo Moro (55, Via Principe Amedeo, Taranto, 74123, Italy, riccardo.pagano@uniba.it)

Adriana Schiedi – Ph.D. in Planning and Evaluation of Educational Processes at the University of Bari Aldo Moro (102, Via Pitagora, Taranto, 74123, Italy, Adriana.schiedi@uniba.it)

Abstract. The idea that the long-life and long-life learning are preparatory to the civic-political, economic and social development of the present society of knowledge, is now a fact. Nevertheless, in the educational process, today, complaints are still heard about an insufficient ability to interpret the change, to design training programs which can affect the civic education, the sustainable development and the welfare of an area. All that requires a managerial education, based on a hermeneutic-educational paradigm, to optimize the management of public and private educational institutions to capitalize on human resources and to direct them to the acquisition of civic-social skills to use long-life in order to promote social awareness and civic competence. This managerial training will formalize real laboratories of civic-mindedness in public and private educational institutions, it will raise the awareness of cooperative learning, it will activate some practices of responsible citizenship and will urge the civic consciousness in the European dimension. In this epistemological and practical-operative frame a research project has been structured from a few months, which has been aimed at analyzing the most common models of managerial training in public and private organizations focused on the recovery and the integration of disadvantaged people in the town of Taranto,

which is living moments of deep economic crisis with alarming social implications. We will pass from the field-study to the formalization of a hermeneutic paradigm of educational management training, which will be interpreter and promoter of the change.

Key words: long life-wide learning, hermeneutic-pedagogical paradigm, management training, civic education design.

References

1. Bisio C. *Valutare in formazione, azioni, significati e valori*. Milano: FrancoAngeli, 2002.
2. Bobbio A., Scurati C. *Ricerca pedagogica e innovazione educativa. Strutture, linguaggi, esperienze*. Roma: Armando, 2008.
3. Bonazzi G. *Storia del pensiero organizzativo*. Milano: FrancoAngeli, 2003.
4. Brusciaglioni M. *Leadership. Nuove prospettive e nuovi percorsi di sviluppo*. Milano: FrancoAngeli, 2004.
5. Buber M. *Il principio dialogico*. Milano: Ed. di Comunità, 1959.
6. Carnegie D. *Scopri il leader che è in te*. Milano: Bompiani, 1996.
7. Cremaschi L. *Philokalia, the love of beauty Qiqaqon*. Magnano (Biella): Community of Bose, 2006.
8. Crozier M. *The Bureaucratic Phenomenon. Translated into Italian*. Milano: Etats Kompas, 1969.
9. Drucker P.F. *The Power of Managers*. Milano: Etats, 1967.
10. Dutt C. *Talking to Gadamer*. Milano: Cortina, 1965.
11. Fabbri I., Rossi B. *Pratiche lavorative. Studi pedagogici per la formazione*. Milano: Guerini, 2010.
12. Ferraris M. *Ermeneutica*. Roma: Laterza, 1998.
13. Gadamer H.G. *Truth and Method*. Edited by G. Vattimo. Milano: Bompiani, 1983.
14. Gross E. *Enterprise Organization*. Milano: Giuffrè, 1979.
15. Guitton J. *The Book of Wisdom and Virtues Refound*. Casale Monferrato (AL): Piemme, 1999.
16. Heidegger M. *Essere e tempo*. Torino: Utet, 1927.
17. Kaplan R.S., Norton D.P. The Balanced Scorecard: Measures that Drive Performance. *Harvard Business Review*, no. 70(1), 1992, pp. 71-79.
18. Magris C. *La storia non è finita. Etica, politica, laicità*. Milano: Garzanti, 2006.
19. Malavasi P. *Pedagogia e formazione delle risorse umane*. Milano: Vita e Pensiero, 2007.
20. Marcus Aurelius Antoninus. *Conversations to himself*. Translated by Henry Turolla. Milano, 2003.
21. Maslow A. *Management*. Roma: Armando, 2004.
22. Nico P. *Manager migliori, leader fortunati*. Milano: FrancoAngeli, 2010.
23. Nicoli D. *Il lavoratore coinvolto. Professionalità e formazione nella società della conoscenza*. Milano: Vita e Pensiero, 2009.
24. Pagano R. *La pedagogia generale. Aspetti, temi, questioni*. Milano: Monduzzi editoriale, 2011.
25. Palumbo M. *Il processo di valutazione. Decidere, programmare, valutare*. Milano: FrancoAngeli, 2002.
26. Piccardo C. *Insegnare e apprendere la leadership*. Milano: Guerini e Associati, 1998.
27. Quaglino G. *Leadership. Nuovi profili di leader per nuovi scenari organizzativi*. Milano: Raffaello Cortina, 2005.
28. Quaglino G. *Leadership. Nuovi profili di leader per nuovi scenari organizzativi*. Milano: Raffaello Cortina, 2005.
29. Rossi P., Freeman H.E. *Evaluation. A Systematic Approach*. Thousand Oaks, Ca: Sage, 1999.
30. Sola G. Genealogia dell'humanitas. *Pedagogia e vita*, no. 2, 2006, pp. 110-129.
31. Taylor F.W. *The Principles of Scientific Management*. Milano: edizioni di Comunità, 1952.
32. Tizzi E. *La Bellezza e la scienza. Il valore dell'estetica nella conoscenza scientifica*. Milano: Cortina, 2001.
33. Tscholl J. *Dio e il bello in sant'Agostino*. Milano: Ares, 1996.
34. Voltaire. *Treatise on Tolerance*. Edited by P. Togliatti, third edition. Rome: Editori Riuniti, 1973.
35. Weber M. *Economy and Society*. Milano: Edizioni di Comunità, 1968.
36. White F. *Introduction to hermeneutics*. Rome – Bari: Laterza, 1998.
37. Wright C.R. *Mass communication*. Rome: Armando, 1965.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.15

УДК 002.2, ББК 73

© Третьякова О.В.

Продвижение научного журнала в международном информационном пространстве: проблемы и решения

Ольга Валентиновна

ТРЕТЬЯКОВА

кандидат филологических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyakova@yandex.ru

Аннотация. Поставленные сегодня перед учеными задачи по интеграции в мировое научное сообщество требуют не только конкретных мер, направленных на повышение качества и результативности научных исследований, но и значительных усилий по созданию системы российских научных журналов международного уровня. В статье обобщен опыт развития научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», издаваемого Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Определены значимые конкурентные преимущества издания, к которым относятся выпуск его англоязычной версии и открытый доступ к полнотекстовым материалам, позволяющие расширить читательскую аудиторию, обеспечить потенциальные места для авторов мирового уровня, повысить уровень цитирования. Обозначены важные задачи в развитии журнала, которые удалось решить редакции путем его приведения в соответствие с требованиями глобальных индексов цитирования. Представлены результаты анализа библиометрических показателей журнала в Российском индексе научного цитирования, свидетельствующие о том, что издание имеет хорошие условия для интеграции и продвижения в международное информационное пространство. Приведенные итоги оценки уровня и качества публикаций показывают, что эксперты положительно оценивают произошедшие изменения и реализуемая стратегия развития издания соответствует ожиданиям читательской аудитории. Результаты, достигнутые в области продвижения журнала на международном уровне, описаны применительно к критериям, используемым для оценки уровня всех научных периодических изданий глобальными индексами цитирования и ведущими мировыми издательствами. В заключение определены приоритетные задачи в сфере продвижения эконо-

мического журнала на международном уровне, касающиеся прежде всего обеспечения высокого качества публикуемых материалов, увеличения публикационных показателей и международной видимости журнала.

Ключевые слова: экономический журнал, продвижение научного журнала, международное информационное пространство, публикационная активность, библиометрический показатель, глобальные индексы цитирования.

Возрастающая роль научных журналов как в развитии академической науки в целом, так и в выстраивании основных научных приоритетов определяет новые вопросы, связанные с продвижением академических изданий в международном информационном пространстве.

Необходимость получения более объективной информации о публикациях российских ученых и улучшении видимости для мирового сообщества достижений науки и технологий России, в первую очередь по глобальным индексам цитирования Web of Science (WoS) и Scopus, обусловила интерес к задаче по расширению присутствия в этих индексах российских журналов [2, 3, 6–8, 10–13, 17, 20, 23, 26–30].

Целевые ориентиры по доле публикаций в международных базах закреплены в правительственных документах. В целях совершенствования государственной политики в области образования и науки и подготовки квалифицированных специалистов с учетом требований инновационной экономики Президент постановил Правительству РФ «обеспечить к 2015 году долю публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science), до 2,44 процента»¹. Доля научных

статей российских исследователей за 2014 год в научных журналах, индексируемых в базе WoS, зафиксирована на уровне 2,11%, или 29 793 ед. (по данным на начало апреля 2015 года) [15, с. 112]. Тем не менее по доле публикаций в базе WoS Россия по-прежнему заметно уступает странам-лидерам, а также значительному числу стран, идущих по пути догоняющего развития (*рис. 1*).

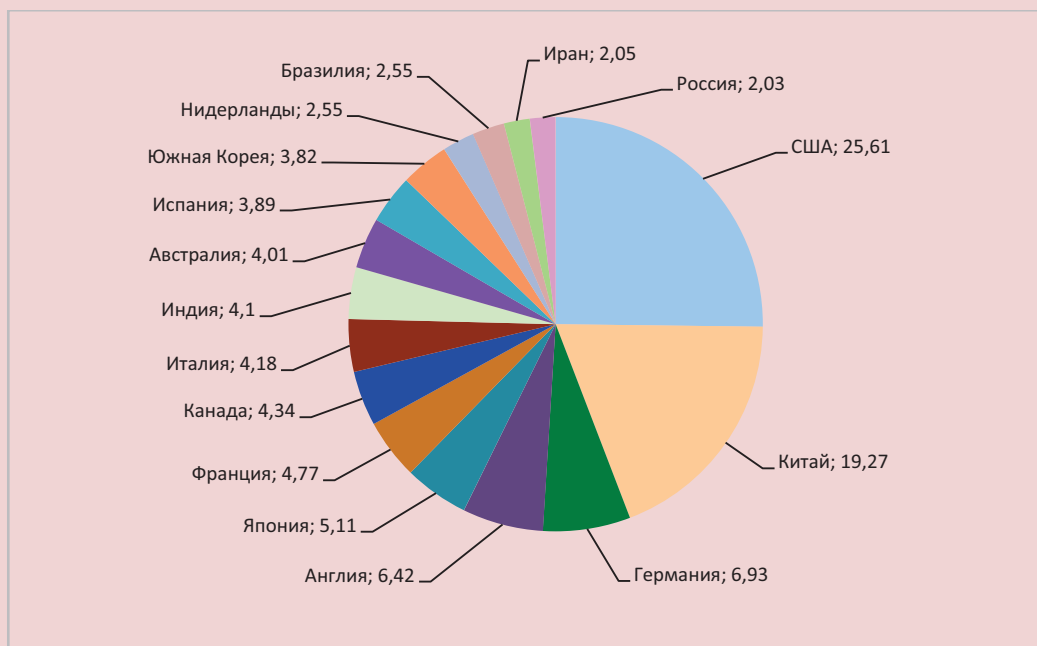
Следует подчеркнуть, что цитируемость российских авторов остается тоже невысокой. Так, показатель влияния цитирования, который рассчитывается в InCites как среднее цитирование статей, выраженное в доле от среднего по миру (равно 1), только в последние годы приближается к значению 0,5, т.е. в два раза ниже среднего мирового индикатора. Зарубежные эксперты отмечают, что показатель влияния цитирования российских публикаций один из самых низких среди показателей стран Восточной Европы [27, с. 1113].

По мнению экспертов, достижение «читаемости» и «цитируемости» российских публикаций возможно только при условии соответствия качества и публикаций, и журналов в целом международным стандартам, на которые ориентируются производители и эксперты международных баз данных при отборе научных журналов для индексирования в этих ресурсах [Кириллова, 2014].

Количество российских научных журналов, индексируемых в Web of Science, в

¹ О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №599 [Эл. рес.] // Российская газета. – 2012. – 7 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>

Рисунок 1. Доля публикаций в международной системе Web of Science, %
(данные WoS на май 2015 года)

период с 2006 по 2012 год увеличивалось, хотя с 2012 года эта тенденция пошла на спад (рис. 2). По состоянию на май 2015 года в WoS индексируются 159 российских журналов [24]. При этом более половины научных статей публикуются в журналах, которые издаются в России (рис. 3).

Поскольку значительная доля публикаций выходит в журналах, издаваемых в России, очень важно, чтобы в свете поставленных перед учеными задач по повышению публикационных показателей в глобальных индексах цитирования количество таких изданий увеличивалось. Однако анализ современных требований к числу публикаций у исследователей и его соотношения с количеством журналов, индексируемых в WoS и Scopus, свидетельствует о превышении потребности в публикациях над возможностями журналов их удовлетворить. В качестве одного из решений этой проблемы ученые предлагают выпускать российские научные журналы

на двух языках, с международными редакционными коллегиями [1, с. 79].

На наш взгляд, редколлегии журналов должны прежде всего сосредоточиться на приведении научных журналов в соответствие с мировыми издательскими стандартами и требованиями, предъявляемыми международными индексами цитирования. По этому пути идет журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», учредителем и издателем которого является Институт социально-экономического развития территорий РАН.

Значительное конкурентное преимущество журнала заключается в наличии полнотекстовой англоязычной версии, издаваемой с 2009 года. Таким образом, на сегодняшний день глубина архива англоязычных выпусков составляет 6 лет. Перевод осуществляется штатными переводчиками. Уровень и качество перевода неоднократно получали высокие оценки от зарубежных членов редакционного совета.

Рисунок 2. Количество российских научных журналов, индексируемых в международной системе Web of Science, ед. (данные на май 2015 года)

Рисунок 3. Динамика доли статей российских авторов, опубликованных в российских журналах, индексируемых в международной системе Web of Science, %

Важным шагом в продвижении журнала должно стать решение задачи по вхождению его в международные базы цитирования Scopus и Web of Science. Редколлегией последовательно реализуется соответству-

ющая политика. В течение 2013–2014 гг. был выполнен ряд мероприятий, направленных на достижение журналом качественно нового уровня, соответствующего требованиям международных стандартов.

Работа по развитию и продвижению журнала организована в рамках следующих направлений:

1. Обеспечение качества издания, включая его международную видимость.
2. Формирование устойчивых каналов распространения.
3. Повышение внешней привлекательности и визуализации издания для авторов и читателей.
4. Приведение журнала в полное соответствие с требованиями, предъявляемыми глобальными индексами цитирования.

Основные задачи развития журнала:

1. Создание высококвалифицированной группы специалистов по привлечению и отбору статей:

- усиление состава редсовета путем привлечения иностранных ученых, имеющих высокие показатели цитирования в зарубежных базах данных;
- расширение базы рецензентов за счет привлечения авторитетных российских экспертов и зарубежных специалистов для оценивания научных работ.

2. Привлечение в журнал отечественных и зарубежных авторов, являющихся авторитетными специалистами по проблемам модернизации, региональной и отраслевой экономики, социального и инновационного развития, по общим вопросам теоретического и методологического характера.

3. Переформатирование журнала в соответствии с требованиями, предъявляемыми зарубежными базами данных.

4. Повышение доступности и открытости журнала в России и за рубежом:

- предоставление открытого доступа к его полнотекстовой версии на сайте;
- рассылка в крупнейшие библиотеки;
- размещение в российских и зарубежных базах данных.

В первую очередь были приняты решения, касающиеся повышения качества

статьи согласно требованиям зарубежных баз данных. Так, были переутверждены требования к рукописям статей, направляемым в редакцию журнала. Изменились требования к аннотации к научной статье: увеличен объем аннотации до 1800 печатных знаков (200–250 слов). Дополнены требования по её структурированию: обязательным стало наличие таких блоков, как введение, цели и задачи, методология, результаты, заключение (выводы). Журнал был приведен в полное соответствие с требованиями, которые предъявляются зарубежными базами данных к формату статей: в русскоязычной версии журнала аннотации на английском языке, а также данные об аффилировании авторов перенесены в тело статьи; пристатейные списки литературы представлены в романском алфавите; дополнены данные об аффилировании членов редакционного совета; получены Международные стандартные серийные номера (ISSN) на онлайн-версии журнала. В *таблице 1* приведены данные анализа журнала на соответствие требованиям глобальных индексов цитирования.

В течение года удалось достичь положительных результатов в плане повышения доступности и открытости журнала за рубежом. ИСЭРТ РАН стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Заключено соглашение с CrossRef на получение цифрового идентификатора статьи (DOI), являющегося основой для корректного учета ссылок и цитирований, а также дающего возможность устойчивого доступа к научным данным, проверки и использования научных результатов. DOI отображается на странице описания каждой статьи журнала в интернет-версии (начиная с № 1 (31) за 2014 год), а также указывается в полных текстах печатных статей (начиная с № 5 (35) за 2014 год).

Таблица 1. Оценка соответствия журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» требованиям, предъявляемым международными системами цитирования

Критерий	Оценка соответствия
Наличие ISSN	Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN; имеются отдельные ISSN для русскоязычной и англоязычной версий, а также для печатной и онлайн-версий.
Соблюдение периодичности выхода издания и заявленного объема	Журнал издается 6 раз в год строго согласно графику; заявленный объем выпуска составляет 230–250 страниц.
Наличие стабильной системы рецензирования	Все научные статьи проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора; используется система двойного слепого рецензирования; информация с требованиями к рецензированию размещена на сайте журнала; ведется база данных внешних экспертов.
Наличие убедительной редакционной политики	Сформулированная и представленная в журнале и на его сайте редакционная политика определяется направленностью издания на определенную аудиторию и предметно-тематическую область, а также стремлением к достижению новизны, актуальности и уникальности издания.
Наличие заявления о соблюдении изданием публикационной этики	Разработано и соблюдается Положение о редакционной этике издания, размещенное на сайте журнала.
Высокий научный уровень редакционного совета, его достаточный международный состав	В состав редсовета журнала в настоящее время входит 23 авторитетных российских и зарубежных учёных: академики и члены-корреспонденты Российской академии наук, доктора наук, руководители ряда институтов РАН, академики НАН Беларуси и учёные из Франции, Финляндии, Польши, Китая.
Достаточно широкая география авторов	Доля внешних авторов в среднем составляет 70%; представлены публикации авторов из 8 федеральных округов, 2 городов федерального значения и более чем 20 субъектов Российской Федерации. Международный состав авторов ежегодно расширяется.
Наличие сайта научного журнала	У журнала имеются сайты на русском и английском языке, на которых представлена полная информация об издании и полнотекстовые архивы всех выпусков.
Качество полиграфии	Высокое полиграфическое и цифровое качество издания обеспечивается наличием развитой материально-технической базы для осуществления допечатной подготовки и тиражирования издания (собственная типография, развитые информационные технологии).

С целью продвижения журнала англоязычные выпуски по предложению члена редакционного совета Ж. Сапира были разосланы в мае 2014 года в ряд зарубежных национальных библиотек с просьбой познакомиться с содержанием, оценить тематику и уровень статей, рассмотреть возможность включения в библиотечные фонды. В результате журнал на постоянной основе стали получать Германская национальная экономическая библиотека и Библиотека Конгресса США.

Проведена большая работа по включению журнала в российские и зарубежные базы данных. Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), представлен в международ-

ных информационных системах Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus, Google Scholar и размещается в международных базах данных EBSCOhost, ProQuest, RePEC. 2 мая 2015 года журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в крупнейшую международную базу научных журналов открытого доступа DOAJ (Directory of Open Access Journals). Включение в эту базу данных, осуществляемое путем отбора по определенным критериям, является показателем качества издания.

В анализируемом журнале публикуются статьи известных российских ученых в области экономики и социологии, среди которых академики и члены-корреспон-

денты РАН, доктора наук и кандидаты наук, научные сотрудники без степени и аспиранты. За период 2008–2014 гг. 4,3% в объеме публикаций журнала составляют статьи академиков и членов корреспондентов РАН, 27,1% – докторов наук, 45% – кандидатов наук, 17,1% – научных сотрудников без степени, 6,5% – аспирантов (рис. 4).

За 2014 год в журнале опубликовано 115 научных статей (табл. 2). Тематика публикаций соответствует приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных исследований в области экономического знания.

Тенденция роста общего числа публикуемых статей косвенно свидетельствует о системном увеличении количества исследований и нарастании оборотов научно-исследовательской деятельности.

В издании сложился довольно большой авторский коллектив. Его международный состав ежегодно расширяется. В анализируемом периоде публиковались работы ученых из Китая, Польши, Франции, Финляндии, Чехии, Азербайджана, Беларуси, Латвии, Литвы, Казахстана, Украины. При этом доля зарубежных статей в последние три года составила более 10% в общем количестве публикаций журнала.

Рисунок 4. Состав авторов журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2014 гг.

Таблица 2. Динамика количества научных статей, опубликованных в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» за период 2008–2014 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Количество научных статей – всего за год	41	48	56	95	106	99	115
Количество статей в расчете на один выпуск	10,25	12,0	14,0	15,8	17,7	16,5	19,2

Таблица 3. Динамика количества субъектов РФ и федеральных округов*, авторы из которых опубликовали статьи в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2014 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Количество субъектов РФ	7	8	8	10	15	15	19
Количество федеральных округов	3	3	5	6	7	6	10

* Включая города федерального значения.

Стабильно расширяется и география российских авторов (табл. 3).

Судя по показателям за 2008 и 2014 годы, т.е. начальный и последний периоды издания журнала, представительство в нём федеральных округов увеличилось более чем в три раза (с трёх до десяти соответственно), а субъектов РФ – более чем в два раза (с семи до 19-ти) (рис. 5).

Расширяющаяся география авторов позволяет говорить о том, что журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» постепенно завоевывает все большее признание в российском научном сообществе. В то же время он приобрел и свою читательскую аудиторию. Востребованность журнала косвенно подтверждается данными анализа наукометрических показателей издания в Российском индексе научного цитирования.

Одним из базовых наукометрических показателей, по которым оценивается научный журнал, является импакт-фактор, предложенный американским учёным Ю. Гарфилдом в качестве инструмента измерения ценности журналов путём расчета среднего числа цитирований на статью за определённый промежуток времени [25, 1955].

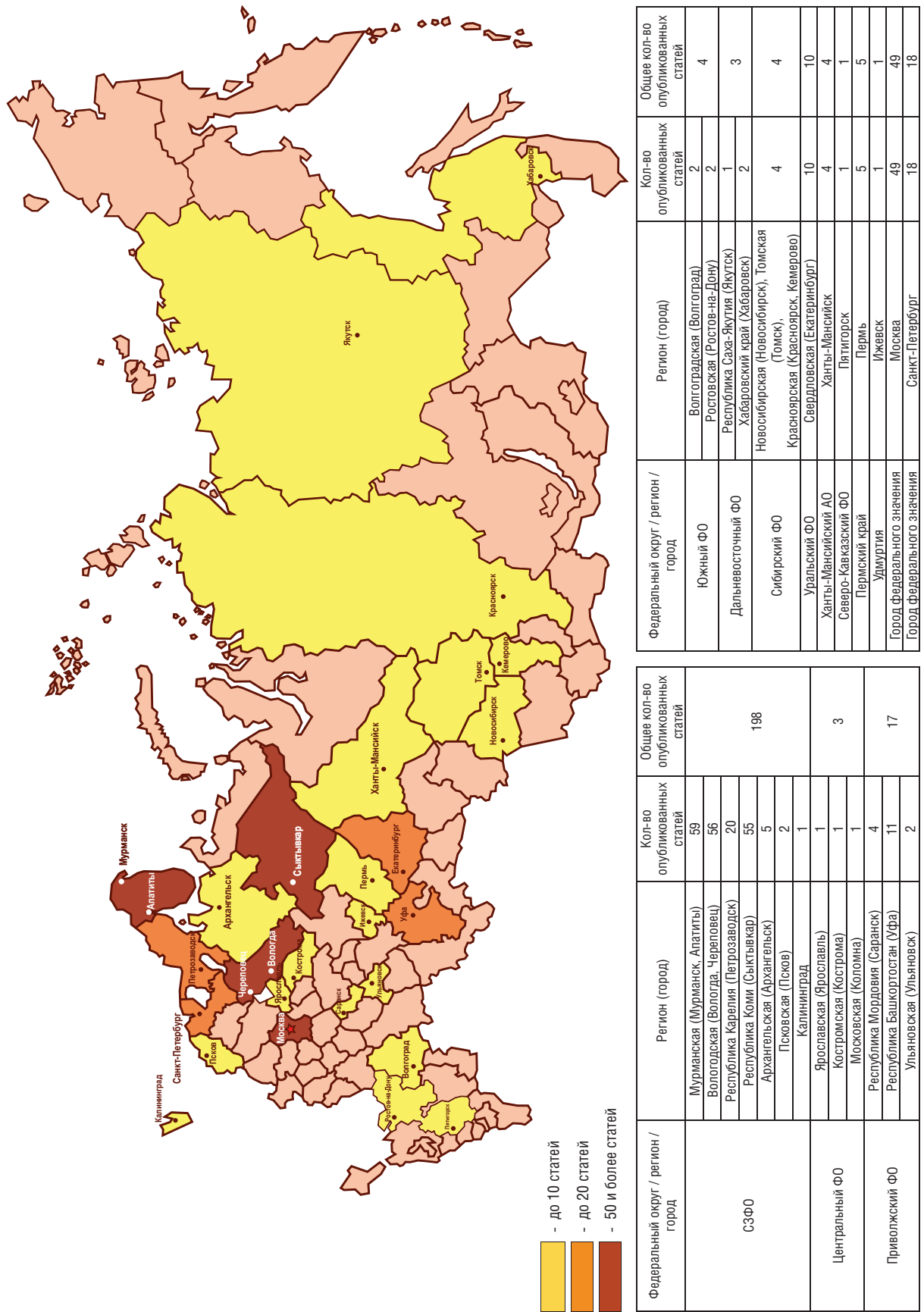
Ранее мы уже излагали нашу точку зрения по вопросу применения импакт-фактора как инструмента ранжирования научных журналов, а также представляли обзор существующих методик формирования данного показателя [19, 2014]. В качестве пояснения отметим, что традиционной методикой является подсчёт двухлет-

него импакт-фактора журнала. Двухлетний импакт-фактор – это традиционный классический показатель, который рассчитывается самой авторитетной базой данных Web of Science и признаётся во всём мире как основа ранжирования журналов по отношению друг к другу. «Классический импакт-фактор, т.е. то, что понимают под ним по умолчанию, – отмечает В.В. Писляков, – это в строгом определении синхронный двухлетний импакт-фактор, без учёта текущего года... Именно он в наше время чаще всего фигурирует при сравнении уровня журналов» [16, с. 131].

В Российском индексе научного цитирования импакт-фактор рассчитывается на основе данных по цитированию журнала в РИНЦ за предыдущие два года – $ИФ_2$ (или пять лет – $ИФ_5$). При этом данные о цитировании берутся из публикаций года, для которого рассчитывается импакт-фактор. При определении импакт-фактора число ссылок, сделанных в расчётном году из всех обрабатываемых в РИНЦ журналов на статьи, опубликованные в данном журнале за предыдущие два года (или пять лет), делится на общее число этих статей. То есть, по сути, данный показатель отражает среднее число цитирований одной статьи в журнале. Необходимым условием для расчёта двухлетнего импакт-фактора является наличие в РИНЦ всех выпусков журнала за три года (год расчёта импакт-фактора плюс два предыдущих года)².

² Методика расчета импакт-фактора в РИНЦ [Эл. рес.]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/title_profile.asp?id=26858.

Рисунок 5. География российских авторов журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2014 гг.

Данные, отражающие динамику значений импакт-фактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ за период 2009–2014 гг., представлены на *рисунке 6*.

Показатели, приведенные на *рисунке 7*, свидетельствуют о планомерном увеличении всех значений импакт-фактора журнала. Так, в 2014 году темпы их роста находятся в диапазоне от 29 до 57%. По

Рисунок 6. Импакт-фактор журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 27.04.2015)

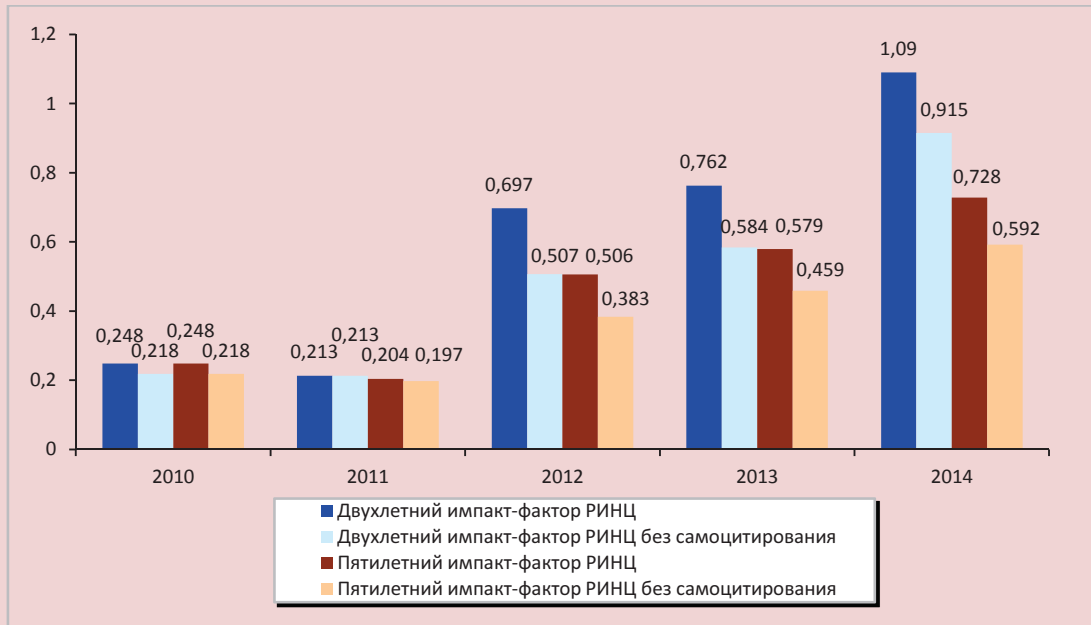
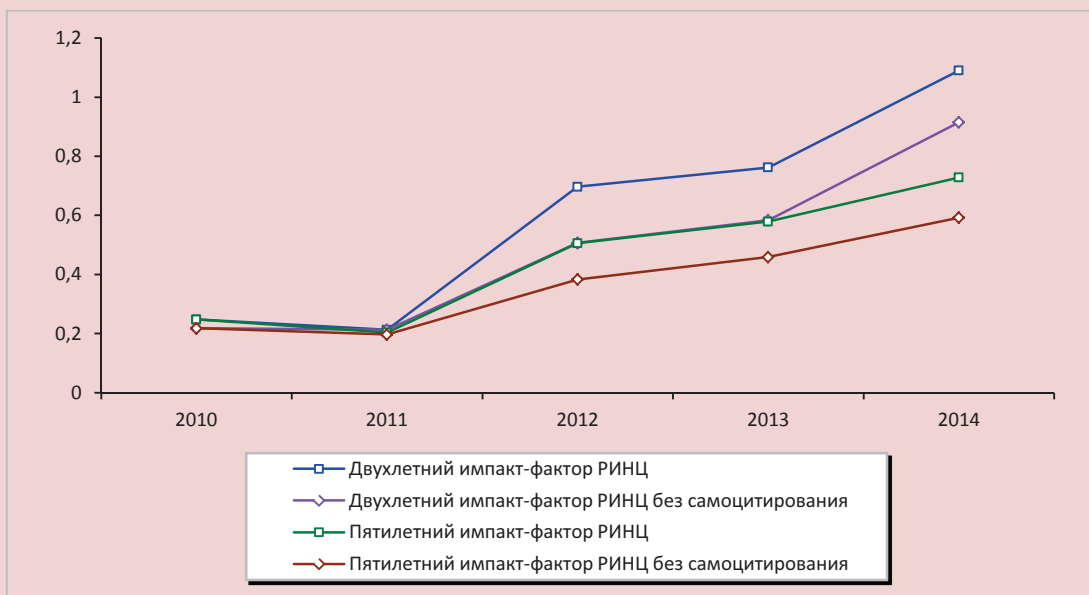

Рисунок 7. Динамика значений импакт-фактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 27.04.2015)

сравнению с уровнем 2009 года $ИФ_2$ увеличился в 13 раз, $ИФ_5$ – в 3 раза.

Представляется важным, что одновременно с этим коэффициенты самоцитируемости журнала в период с 2012 по 2014 г. снижаются, причем значения индекса Херфиндаля остаются невысокими (менее 1500). Это свидетельствует о том, что повышение импакт-фактора издания обеспечивается за счет цитирования во внешних источниках, но не за счет самоцитирования или цитирования в ограниченном круге изданий.

Двухлетний и пятилетний коэффициенты самоцитирования журнала в 2014 году составляют менее 20% каждый (рис. 8). Это низкий уровень самоцитирования. Для сравнения: 80% журналов из базы данных Web of Science имеют коэффициент самоцитирования в пределах 20% [22, с. 4].

С целью построения более объективной оценки издания приводим динамику значений индекса Херфиндаля (рис. 9), кото-

рый позволяет учитывать количество цитирующих организаций и количество учреждений, авторы из которых публикуются в журнале.

Индекс Херфиндаля рассчитывается как сумма квадратов процентных долей количества статей, опубликованных различными организациями, по отношению к общему количеству статей в журнале в текущем году, в которых организация идентифицирована. Индекс позволяет учитывать количество цитирующих журналов. Выявляет группы самоцитирующих журналов, так называемые самоцитирующие кластеры. Чем больше различных организаций, авторы из которых публикуются в журнале, и чем равномернее распределены между ними публикации, тем меньше величина этого показателя. Его высокое значение (более 1500) свидетельствует о том, что значительная часть ссылок приходит в этот журнал из весьма ограниченного круга других журналов.

Рисунок 8. Коэффициент самоцитируемости журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 27.04.2015)

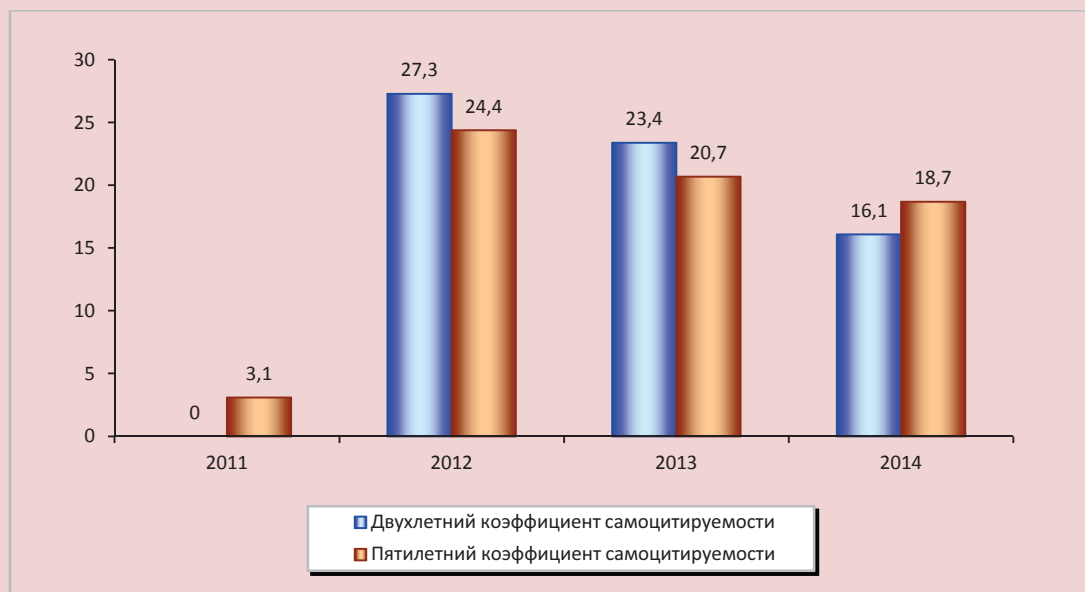

Рисунок 9. Индекс Херфиндаля журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные НЭБ на 27.04.2015)

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» по данным на 14.03.2015 г. занимает 17 место из 300 в рейтинге экономических журналов и 3 место из 58 в рейтинге социологических журналов в РИНЦ по двухлетнему импакт-фактору за 2014 год.

В рейтинге SCIENCE INDEX по тематике «Экономика. Экономические науки» в 2014 году журнал занимает 43 позицию из 287 (табл. 4).

Интегральный показатель журнала в системе Science Index используется при построении рейтинга российских научных журналов и рассчитывается по следующей

методике. За основу расчетов показателя берется пятилетний импакт-фактор журнала в РИНЦ с учетом цитирования переводной версии журнала (при ее наличии) и с учетом самоцитирования. Рассчитанные значения 5-летнего импакт-фактора журнала нормируются с учетом среднего числа ссылок в списках цитируемой литературы, а также доли ссылок, приходящихся на пятилетний период, используемый при расчете импакт-фактора. В качестве нормирующих коэффициентов берутся средние параметры журналов в тематических направлениях, рассчитанные на предыдущем этапе.

Таблица 4. Динамика показателя и позиции журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в рейтинге SCIENCE INDEX по тематике «Экономика. Экономические науки» в 2010–2014 гг. (по данным РИНЦ на 24.03.2015)

Критерий	2010	2011	2012	2013	2014
Значение показателя	0,150	0,145	0,192	0,328	0,556
Позиция в рейтинге	49	69	65	64	43
Общее число журналов в рейтинге	194	221	241	273	287

Полученное скорректированное значение импакт-фактора журнала затем делится на индекс Херфиндаля по цитирующим журналам, нормированный на его возможное минимальное значение в данном направлении. Нормировка с учетом индекса Херфиндаля увеличивает показатели журналов, широко известных в научном сообществе, и, наоборот, понижает рейтинг журналов с высоким уровнем самоцитирования или журналов, использующих взаимное цитирование для искусственного повышения своих показателей.

Как видно из таблицы 4, по результатам 2014 года журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» вошел в первую четверть рейтинга SCIENCE INDEX по тематике «Экономика. Экономические науки». Таким образом, можно отметить, что по совокупности наукометрических показателей журнал занимает достаточно высокие позиции относительно других изданий сходной тематики.

В целом результаты анализа библиометрических показателей журнала в Российском индексе научного цитирования свидетельствуют о том, что издание имеет хорошие стартовые условия для интеграции и продвижения в международное информационное пространство.

Ежегодно Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук проводится экспертная оценка издаваемого им научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». В 2014 г. анкета была предоставлена для заполнения сотрудникам ИСЭРТ РАН, членам редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также читателям, которые получают его выпуски по списку рассылки.

В опросе приняли участие 114 респондентов: 13 членов редсовета и редколлегии журнала, 13 читателей журнала и 88 сотрудников ИСЭРТ РАН. Данные о динамике численности респондентов, принимавших участие в экспертной оценке журнала, приведены в *таблице 5*.

Проведенный опрос позволил выявить оценку уровня и качества публикаций в журнале, а также сформировать ряд предложений в отношении повышения его качества.

Около 75% респондентов оценивают изменения, произошедшие в журнале, как положительные, что примерно соответствует уровню прошлого года (*табл. 6*). Вместе с тем несколько снизилась доля респондентов, не заметивших никаких существенных изменений в журнале.

Уровень материалов, опубликованных в журнале, большинство респондентов (91,2%) оценили как высокий и достаточно высокий (*табл. 7*).

Судя по результатам опроса, у читателей и экспертов наибольший интерес вызвали рубрики «Социальное развитие», «Стратегия развития», «От главного редактора» и др. (*табл. 8*).

Таблица 5. Динамика численности респондентов, принимавших участие в экспертном опросе по научному журналу «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», за период 2010–2014 гг., чел.

Группа респондентов	2010	2011	2012	2013	2014	Темп роста 2014 г. к 2013 г., %
Члены редсовета и редколлегии	13	20	17	11	13	118
Сотрудники ИСЭРТ РАН	81	86	86	82	88	107
Читатели журнала	-	-	-	-	13	-
Итого	94	106	103	93	114	123

Таблица 6. Динамика доли респондентов, ответивших на вопрос: «Как бы Вы оценили изменения, произошедшие в журнале?», за период 2010–2014 гг., %

Вариант ответа	2010	2011	2012	2013	2014	Абсолютное отклонение 2014 г. к 2013 г., %
Положительно	83,0	84,0	78,5	77,7	74,6	-3,1
Отрицательно	1,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0
Существенных изменений нет	4,2	7,5	7,5	16,5	14,9	-1,6
Затрудняюсь ответить	11,7	8,5	14,0	5,9	10,5	+4,6

Таблица 7. Динамика доли респондентов, ответивших на вопрос: «Как бы Вы оценили уровень материалов, опубликованных в журнале?», за период 2010–2014 гг., %

Вариант ответа	2010	2011	2012	2013	2014	Абсолютное отклонение 2014 г. к 2013 г., %
Высокий	25,5	23,6	22,6	25,9	26,3	+0,4
Достаточно высокий	63,9	66,0	69,9	62,4	64,9	+2,5
Средний	10,6	9,4	6,5	9,4	8,8	-0,6
Ниже среднего	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Низкий	0,0	0,0	0,0	1,2	0,0	-1,2

Таблица 8. Ответ респондентов на вопрос: «Какие рубрики, на Ваш взгляд, представляют наибольший интерес?»

Рубрика	2010	2011	2012	2013	2014
	Средний балл				
Социальное развитие	8,7	8,5	8,5	8,6	8,8
От главного редактора	8,7	8,4	8,4	8,5	8,7
Стратегия развития	6,7	8,6	8,2	8,5	8,7
Отраслевая и региональная экономика	5,6	8,7	8,7	8,4	8,5
Инновационное развитие	5,0	8,6	8,3	8,2	8,5
Молодые исследователи	7,7	8,2	8,2	8,3	8,3
Общественные финансы	2,6	8,1	8,1	8,0	8,3

В настоящее время журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» выходит в четырех версиях. Наиболее востребованными по-прежнему остаются русскоязычные печатная и электронная версии (табл. 9).

Отвечая на вопросы анкеты об удовлетворенности работой редакционной коллегии журнала в 2014 г., респонденты высоко оценили проделанную работу – 8,8 балла (по 10-балльной шкале).

Вместе с тем ими был внесен ряд предложений относительно повышения качества рассматриваемого издания, в частности: расширять спектр используемых редколлекцией журнала маркетинговых

мероприятий по продвижению журнала в новые регионы мира и новые аудитории читателей; активнее привлекать к «реальной» работе в журнале членов редакционной коллегии (к подготовке и рецензированию статей); продолжить работу по приближению качества издания к мировым стандартам; представить журнал на подписку правительствам регионов СЗФО; организовать на страницах издания научную полемику, приглашая к дискуссии на заданную тему специалистов разных учреждений; формировать проблемно-тематические выпуски журнала; продвигать в сети Интернет его англоязычную версию. На основе высказанных предложений в

Таблица 9. Ответ респондентов на вопрос: «Насколько востребованы, на Ваш взгляд, различные версии журнала?»

Вариант ответа	2010	2011	2012	2013	2014	Абсолютное отклонение 2014 г. к 2013 г., %
	% от общего числа респондентов					
Русскоязычная печатная						
Очень востребована	37,2	46,2	34,4	48,2	43,0	-5,2
Востребована	56,4	44,3	55,9	38,8	47,7	+8,9
Мало востребована	2,2	5,7	5,4	10,6	9,3	-1,3
Не востребована	1,1	0	0,0	0,0	0,0	0
Русскоязычная электронная						
Очень востребована	58,5	62,3	46,2	57,6	50,9	-6,7
Востребована	31,9	31,1	44,1	35,3	46,2	+10,9
Мало востребована	5,3	1,9	4,3	3,5	1,9	-1,6
Не востребована	0,0	0,0	1,1	0,0	0,9	+0,9
Англоязычная печатная						
Очень востребована	3,2	3,8	5,4	4,7	10,1	+5,4
Востребована	26,6	34	25,8	40,0	25,3	-14,7
Мало востребована	50,0	42,5	44,1	30,6	47,5	+16,9
Не востребована	18,1	13,2	18,3	16,5	17,2	+0,7
Англоязычная электронная						
Очень востребована	9,6	12,3	10,8	9,4	19,6	+10,2
Востребована	31,9	47,2	43,0	42,4	40,2	-2,2
Мало востребована	36,2	28,3	28,0	30,6	29,9	-0,7
Не востребована	11,7	6,6	10,8	10,6	10,3	-0,3

2015 году сформирован комплекс мер, реализация которых должна способствовать повышению качества публикаций в журнале, а также его импакт-фактора, расширению тематики и привлечению ведущих отечественных и зарубежных специалистов к сотрудничеству.

Подводя итог, следует отметить, что к настоящему моменту редакции журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» удалось решить ряд важных задач в продвижении издания в международном информационном пространстве. Выпуск полнотекстовой англоязычной версии обеспечивает ему конкурентное преимущество в международной читательской аудитории перед другими российскими изданиями сходной тематики. Реализуемая редакцией политика открытого доступа предоставляет большие возможности для того, чтобы расширить

читательскую аудиторию, обеспечить потенциальные места для авторов мирового уровня, повысить уровень цитирования. Приведение журнала в соответствие с требованиями глобальных индексов цитирования позволяет выйти на качественно новый уровень, соответствующий международным издательским стандартам, и создает оптимальные условия для интеграции и продвижения в международное информационное пространство. Положительная оценка экспертов и читателей в отношении изменений в журнале подтверждает правильность выбора стратегии его развития и продвижения.

В заключение обозначим главные задачи, которые необходимо решить в ближайшей перспективе.

Во-первых, следует обеспечить высокое качество журнала. Повышение научного уровня является в настоящее время при-

оритетной задачей большинства российских научных журналов, и в частности периодических изданий по экономике. Достижение поставленной цели видится как в усилении требований к структуре и содержанию публикаций, так и в повышении научного уровня редакционного совета и редколлегии журнала за счет привлечения авторитетных ученых с высокими показателями цитирования, а также в усилении качества системы рецензирования, в т.ч. путем привлечения международно признанных экспертов.

Во-вторых, целесообразно активизировать работу по увеличению международной видимости журнала. Решение этой задачи возможно прежде всего за счет привлечения статей зарубежных авторов, роста доли совместных публикаций, расширения присутствия журнала в международных системах. Проблема привлечения статей зарубежных авторов решается в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» главным образом через использование контактов членов редакционного совета и редакционной коллегии, привлечение зарубежных авторов из организаций, с которыми у института подписаны соглашения о сотрудничестве. Перспективной представляется задача увеличения числа публикаций по

результатам совместных исследований с коллегами из-за рубежа, что стало возможным благодаря участию института в международных проектах.

В-третьих, необходимо увеличивать библиометрические показатели журнала. Низкие показатели цитирования в глобальных индексах представляют сегодня серьезную проблему для многих изданий. Однако, на наш взгляд, прежде чем вести речь об оценке научных журналов по данным международных баз цитирования, целесообразно создать собственную эффективную систему, которая позволила бы осуществлять оценку периодических научных изданий по библиометрическим показателям на уровне страны. При этом очень важно, чтобы на государственном уровне было принято решение о закреплении за данным ресурсом статуса национальной базы данных. Реализация такой инициативы позволила бы сформировать ядро научных журналов, отобранных по прозрачным и объективным критериям. Для изданий, имеющих высокие показатели в национальном индексе цитирования, могут быть созданы различные механизмы поддержки, позволяющие достигнуть полного соответствия с международными стандартами и войти в глобальные индексы цитирования.

Литература

1. Вайнмахер, А.М. Стратегия научных публикаций в России / А.М. Вайнмахер, Д.С. Шмерлинг // Экономическая наука современной России. — 2015. — № 1 (68). — С. 77-83.
2. Гавриличева, Н.А. Стратегия продвижения издания после вхождения в Scopus / Н.А. Гавриличева, Я.Н. Охонько // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня — 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций», 26–29 мая 2015 г. / отв. ред. О.В. Кириллова. — СПб, 2015. — С. 33-38.
3. Гохберг, Л.М. Российская наука: библиометрические индикаторы / Л.М. Гохберг, Г.С. Сагиева // Форсайт. — 2007. — Т. 6. — № 1. — С. 38-58.
4. Гринберг, М.Л. Подводные камни системы публикаций открытого доступа: мнения в разных странах мира / М.Л. Гринберг // Научная периодика: проблемы и решения. — 2014. — Т. 4. — № 2. — С. 9-20.
5. Загребельный, А.В. Вопросы повышения качества научного журнала [Электронный ресурс] / А.В. Загребельный // Вопросы территориального развития. — 2014. — № 7 (17). — Режим доступа: <http://goo.gl/hA2nTr>

6. Иванов, В.В. Публикационная активность и научное сотрудничество вузов и РАН / В.В. Иванов, А.Н. Либкинд, В.А. Макрусова // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 1. – С. 32-38.
7. Категории и критерии оценки российских журналов и программы их развития / О.В. Кириллова, А.Ю. Кузнецов, А.В. Диментов, В.В. Лебедев, М.Е. Шварцман // Научная периодика: проблемы и решения. – 2014. – Т. 4. – № 5. – С. 20-34.
8. Кириллова, О.В. Конкурс программ развития журналов как зеркало состояния редакционно-издательской системы российской научной периодики / О.В. Кириллова // Научная периодика: проблемы и решения. – 2015. – Т. 5. – № 2.
9. Кириллова, О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам: рекомендации эксперта БД Scopus / О.В. Кириллова. – М., 2013. – Ч. 1. – 90 с.
10. Коцемир, М.Н. Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций / М.Н. Коцемир // Форсайт. – 2012. – Т. 6. – № 1. – С. 38-58.
11. Мазов, Н.А. Российские публикации и журналы по наукам о Земле в международных базах данных / Н.А. Мазов, В.Н. Гуревич, М.И. Эпов // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Т. 85. – № 1. – С. 26-31.
12. Минакир, П.А. Публиковать нельзя отклонить / П.А. Минакир // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 177-179.
13. Москалева, О.В. Научные публикации как средство коммуникации, анализа и оценки научной деятельности / О.В. Москалева // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. – Екатеринбург, 2014. – С. 110-163.
14. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2012. – 7 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>
15. Парфенова, С.Л. Анализ и методика учета публикаций российских исследователей в системе государственного управления на основе данных информационно-аналитических сервисов Web of Science / С.Л. Парфенова // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций», 26–29 мая 2015 г. / отв. ред. О.В. Кириллова. – СПб, 2015. – С. 109-116.
16. Писляков, В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования / В.В. Писляков // Социологический журнал. – 2007. – № 7. – С. 128-140.
17. Романовский, М.Ю. Публикационная активность организаций естественно-научного профиля в России и за рубежом / М.Ю. Романовский // Вестник Российской академии наук. – 2010. – Т. 80. – № 12. – С. 1059-1063.
18. Сычев, М.Ф. К вопросу о соответствии современного научного журнала международным стандартам качества [Текст] / М.Ф. Сычев, А.В. Загребельный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 201-206.
19. Третьякова, О.В. К вопросу об импакт-факторе научного журнала и методиках его формирования [Электронный ресурс] / О.В. Третьякова // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 5 (15). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3817>
20. Третьякова, О.В. Индексы научного цитирования. Возможности и перспективы в оценке результатов научной деятельности [Текст]: препринт / О.В. Третьякова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 52 с.
21. Третьякова, О.В. Экономический журнал: проблемы и перспективы продвижения на национальном и международном уровне / О.В. Третьякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 209-222. – DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.16
22. Российские научные журналы в Web of Science // Окна роста. – 2014. – № 19 (95). – С. 4.
23. Шурыгина, И.Л. Перспективы российских научных журналов / И.Л. Шурыгина // Библиография. – 2015. – № 1. – С. 30-39.
24. Burghardt, C. Cracking the Web of Science: International Diversity and Citation Analysis [Electronic resource] / C. Burghardt. – Available at: <http://conf.neicon.ru/index.php/science/domestic0515/schedConf/program>
25. Garfield, E. Citation indexes to science: a new dimension in documentation through association of ideas / E. Garfield // Science. – 1955. – V. 122. – P. 108-111.

26. Kotsemir, M.N. Publication Activity of Russian Researches in Leading International Scientific Journals / M.N. Kotsemir // *Acta Naturae*. – 2012. – Vol. 4. – Iss. 2. – P. 14-34.
27. Kozak, M. How have the Eastern European countries of the former Warsaw Pact developed since 1990? A bibliometric study / M. Kozak, L. Bornmann, L. Leydesdorff // *Scientometrics*. – 2015. – Vol. 102. – Iss. 2. – P. 1101-1117. – Doi: 10.1007/s11192-014-1439-8.
28. Oleinik, A. Publication patterns in Russia and the West compared / A. Oleinik // *Scientometrics*.
29. Pajić, D. Globalization of the social sciences in Eastern Europe: genuine breakthrough or a slippery slope of the research evaluation practice? / Dejan Pajić // *Scientometrics*. – 2015. – Vol. 102. – Iss. 3. – P. 2131-2150. – 2012. – Vol. 93. – Iss. 2. – P. 533-551.
30. Wilson, S. Changes in the scientific output of Russia from 1980 to 2000, as reflected in the Science Citation Index, in relation to national politico-economic changes / S. Wilson, V.A. Markusova // *Scientometrics*. – 2004. – Vol. 59. – Iss. 3. – P. 345-389.

Ольга Валентиновна Третьякова – кандидат филологических наук, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyackova@yandex.ru)

Tret'yakova O.V.

Promotion of a Scientific Journal in International Information Environment: Problems and Solutions

Ol'ga Valentinovna Tret'yakova – Ph.D. in Philology, Department Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, olga.tretyackova@yandex.ru)

Abstract. Currently, scientists have to cope with the tasks of integration into the global scientific community. These tasks require not only specific measures aimed at improving the quality and efficiency of scientific research, but also significant efforts to create a system of Russian scientific journals of international level. The article summarizes the experience of development of the scientific journal “Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast” issued by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. The author identifies significant competitive advantages of the title, which include the English version of the Journal and open access to the Journal’s full-text materials, which allows it to widen its readership, to provide a publishing opportunity for writers of the world level, and to raise the level of citation. The article highlights important tasks in the development of the Journal, which have been solved by bringing the Journal in accordance with the requirements of global citation indices. The author presents the results of the analysis of the Journal’s bibliometric indicators in the Russian Science Citation Index, which indicate that the title has good prospects for integration and advancement in the international information space. The results of assessing the level and quality of publications show that experts give positive assessments concerning the changes that the Journal has undergone; and its development strategy meets expectations of the readership. The results achieved in the field of promotion of the Journal at the international level are described in relation to the criteria used to assess the level of all scientific periodicals by global citation indices and world’s leading publishers. In conclusion the author sets out priorities in the field of promotion of the economic journal on the international level, primarily those that help ensure a high quality of published materials, increase publication indicators and international visibility of the Journal.

Key words: economic journal, promotion of a scientific journal, international information space, publication activity, bibliometric indicator, global citation indices.

References

1. Vainmakher A.M., Shmerling D.S. Strategiya nauchnykh publikatsii v Rossii [Strategy of Scientific Publications in Russia]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic Science of Modern Russia], 2015, no. 1 (68), pp. 77-83.
2. Gavrilicheva N.A., Okhon'ko Ya.N. Strategiya prodvizheniya izdaniya posle vkhozheniya v Scopus [Promotion Strategy of a Title after It Has Been Admitted to Scopus]. *Materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauchnoe izdanie mezhdunarodnogo urovnya – 2015: sovremennye tendentsii v mirovoi praktike redaktirovaniya, izdaniya i otsenki nauchnykh publikatsii"*, 26–29 maya 2015 g. [Proceedings of the 4th International Research-to-Practice Conference "Scientific Publication of the International Level – 2015: Modern Trends in World Practice, Editing, Publication and Evaluation of Scientific Publications", May 26–29, 2015]. Executive editor O.V. Kirillova. Saint Petersburg, 2015. Pp. 33-38.
3. Gokhberg L.M., Sagieva G.S. Rossiiskaya nauka: bibliometricheskie indicatory [Russian Science: Bibliometric Indicators]. *Forsait* [Forsyte], 2007, vol. 6, no. 1, pp. 38-58.
4. Grinberg M.L. Podvodnye kamni sistemy publikatsii otkrytogo dostupa: mneniya v raznykh stranakh mira [Pitfalls of the System of Open Access Publications: Opinions in Different Countries]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* [Scientific Periodicals: Problems and Solutions], 2014, vol. 4, no. 2, pp. 9-20.
5. Zagrebel'nyi A.V. Voprosy povysheniya kachestva nauchnogo zhurnala [Issues of Enhancement of the Quality of a Scientific Journal]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 7 (17). Available at: <http://goo.gl/hA2nTr>
6. Ivanov V.V., Libkind A.N., Makrusova V.A. Publikatsionnaya aktivnost' i nauchnoe sotrudnichestvo vuzov i RAN [Publication Activity and Scientific Cooperation between Universities and RAS]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 84, no. 1, pp. 32-38.
7. Kirillova O.V., Kuznetsov A.Yu., Dimentov A.V., Lebedev V.V., Shvartsman M.E. Kategorii i kriterii otsenki rossiiskikh zhurnalov i programmy ikh razvitiya [Categories of and Criteria for Assessment of Russian Journals and the Programs for Their Development]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* [Scientific Periodicals: Problems and Solutions], 2014, vol. 4, no. 5, pp. 20-34.
8. Kirillova O.V. Konkurs programm razvitiya zhurnalov kak zerkalo sostoyaniya redaktsionno-izdatel'skoi sistemy rossiiskoi nauchnoi periodiki [A Contest of Programs for the Development of Journals as a Mirror of the State of the Publishing System of Russian Scientific Periodicals]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* [Scientific Periodicals: Problems and Solutions], 2015, vol. 5, no. 2.
9. Kirillova O.V. *Redaktsionnaya podgotovka nauchnykh zhurnalov po mezhdunarodnym standartam: rekomendatsii eksperta BD Scopus* [Editorial Preparation of Scientific Journals according to International Standards: Recommendations of a Scopus Expert]. Moscow, 2013. Part 1. 90 p.
10. Kotsemir M.N. Dinamika rossiiskoi i mirovoi nauki skvoz' prizmu mezhdunarodnykh publikatsii [Dynamics of Russian and World Science through the Prism of International Publications]. *Forsait* [Forsyte], 2012, vol. 6, no. 1, pp. 38-58.
11. Mazov N.A., Gurevich V.N., Epov M.I. Rossiiskie publikatsii i zhurnaly po naukam o Zemle v mezhdunarodnykh bazakh dannykh [Russian Publications and Journals on Earth Sciences in International Databases]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 85, no. 1, pp. 26-31.
12. Minakir P.A. Publikovat' nel'zya otklonit' [To Publish not to Reject]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 177-179.
13. Moskaleva O.V. Nauchnye publikatsii kak sredstvo kommunikatsii, analiza i otsenki nauchnoi deyatel'nosti [Scientific Publications as a Means of Communication, Analysis and Evaluation of Scientific Activity]. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii* [Guide on Scientometrics: the Indicators of Development of Science and Technology]. Yekaterinburg, 2014. Pp. 110-163.
14. O merakh po realizatsii gosudarstvennoi politiki v oblasti obrazovaniya i nauki: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 maya 2012 g. № 599 [About the Measures on the Implementation of State Policy in the Field of Education and Science: the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 599]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2012, May 7. Available at: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>
15. Parfenova S.L. Analiz i metodika ucheta publikatsii rossiiskikh issledovatelei v sisteme gosudarstvennogo upravleniya na osnove dannykh informatsionno-analiticheskikh servisov Web of Science [Analysis of and Methodology for Accounting of Publications of Russian Researchers in the System of Public Administration based on the Data from Information and Analytics Services of the Web of Science]. *Materialy 4-i Mezhdunarodnoi*

- nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauchnoe izdanie mezhdunarodnogo urovnya – 2015: sovremennye tendentsii v mirovoi praktike redaktirovaniya, izdaniya i otsenki nauchnykh publikatsii", 26–29 maya 2015 g.* [Proceedings of the 4th International Research-to-Practice Conference "Scientific Publication of the International Level – 2015: Modern Trends in World Practice, Editing, Publication and Evaluation of Scientific Publications", May 26–29, 2015]. Executive editor O.V. Kirillova. Saint Petersburg, 2015. – S. 109-116.
16. Pisyakov V.V. Metody otsenki nauchnogo znaniya po pokazatelyam tsitirovaniya [Methods of Assessment of Scientific Knowledge on Citation Metrics]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2007, no. 7, pp. 128-140.
 17. Romanovskii M.Yu. Publikatsionnaya aktivnost' organizatsii estestvenno-nauchnogo profilya v Rossii i za rubezhom [Publishing Activity of Organizations of Natural Science Profile in Russia and Abroad]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 80, no. 12, pp. 1059-1063.
 18. Sychev M.F., Zagrebel'nyi A.V. K voprosu o sootvetstvii sovremennogo nauchnogo zhurnala mezhdunarodnym standartam kachestva [On the Compliance of a Modern Scientific Journal with International Quality Standards]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 6 (30), pp. 201-206.
 19. Tret'yakova O.V. K voprosu ob impakt-faktore nauchnogo zhurnala i metodikakh ego formirovaniya [On the Issue of the Impact Factor of a Scientific Journal and Methods of Its Formation]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 5 (15). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3817>
 20. Tret'yakova O.V. *Indeksy nauchnogo tsitirovaniya. Vozmozhnosti i perspektivy v otsenke rezul'tatov nauchnoi deyatel'nosti: preprint* [Citation Indices. Opportunities and Prospects in the Evaluation of Research Findings: Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 52 p.
 21. Tret'yakova O.V. Ekonomicheskii zhurnal: problemy i perspektivy prodvizheniya na natsional'nom i mezhdunarodnom urovne [Economic Journal: Problems and Prospects of Promotion at the National and International Level]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 209-222. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.16
 22. Rossiiskie nauchnye zhurnaly v Web of Science [Russian Scientific Journals in the Web of Science]. *Okna rosta* [Windows of Growth], 2014, no. 19 (95), p. 4.
 23. Shurygina I.L. Perspektivy rossiiskikh nauchnykh zhurnalov [Prospects of Russian Scientific Journals]. *Bibliografiya* [Bibliography], 2015, no. 1, pp. 30-39.
 24. Burghardt C. *Cracking the Web of Science: International Diversity and Citation Analysis*. Available at: <http://conf.neicon.ru/index.php/science/domestic0515/schedConf/program>
 25. Garfield E. Citation Indexes to Science: a New Dimension in Documentation through Association of Ideas. *Science*, 1955, vol. 122, pp. 108-111.
 26. Kotsemir M.N. Publication Activity of Russian Researches in Leading International Scientific Journals. *Acta Naturae*, 2012, vol. 4, no. 2, pp. 14-34.
 27. Kozak M., Bornmann L., Leydesdorff L. How Have the Eastern European Countries of the Former Warsaw Pact Developed Since 1990? A Bibliometric Study. *Scientometrics*, 2015, vol. 102, no. 2, pp. 1101-1117. DOI: 10.1007/s11192-014-1439-8.
 28. Oleinik A. Publication Patterns in Russia and the West Compared *Scientometrics*.
 29. Pajić D. Globalization of the Social Sciences in Eastern Europe: Genuine Breakthrough or a Slippery Slope of the Research Evaluation Practice? *Scientometrics*, 2015, vol. 102, no. 3, pp. 2131-2150; 2012, vol. 93, no. 2, pp. 533-551.
 30. Wilson S., Markusova V.A. Changes in the Scientific Output of Russia from 1980 to 2000, as Reflected in the Science Citation Index, in Relation to National Politico-Economic Changes. *Scientometrics*, 2004, vol. 59, no. 3, pp. 345-389.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vssc.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vssc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____
_____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 29.06.2015.
Дата выхода в свет 30.06.2015.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 26,8. Тираж 1000 экз. Заказ № 175.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and social changes: facts, trends, forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru